Проф. П. Л. Драверту

ЗАПИСКИ

СЕМИПАЛАТИНСКОГО ОТДЕЛА ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ КАЗАКСТАНА

(бывший Семипалатинский Отдел
:::: Государственного Русского ::::
Географического Общества)

Том 1
1 tom

1929

(Выпуск XVIII)
(XVIII сьԛarmasь)

СЕМИПАЛАТИНСК
1929 г.

qazaqьstan tanuv qoqamьnьŋ semejdegi вөliminiŋ

(вurьпğь memlekettik çaqьrapьja
qoqamьnьŋ semejdegi вөlimi)

çazвalarь

semej 1929 çьl

ЗАПИСКИ

СЕМИПАЛАТИНСКОГО ОТДЕЛА ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ КАЗАКСТАНА

(бывший Семипалатинский Отдел
:::: Государственного Русского ::::
Географического Общества).

Том 1 | 1929 | (Выпуск XVIII)
1 tom | | (XVIII çьƣarmasь)

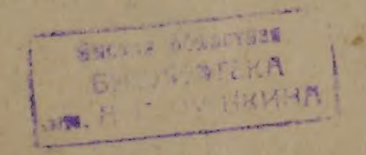
СЕМИПАЛАТИНСК
1929 г.

qazaqьstan tanuv qoƣamьnьꞑ semejdegi вөliminiꞑ

(вurьngь memlekettik çaƣьrapьja
qoƣamьnьꞑ semejdegi вөlimi)

çazвalarь

semej 1929 çьl.

ОГЛАВЛЕНИЕ

maqala ʙastarь

ОТ РЕДАКЦИИ.

Постановлением Общего Распорядительного Собрания Семипалатинского Отдела Государственного Русского Географического Общества от 25 мая 1929 г. Отдел преобразован в Семипалатинский Отдел Общества изучения Казакстана.

В виду переименования Отдела Редакция сочла необходимым соответственно этому изменить и порядковую нумерацию „ЗАПИСОК“. Таким образом, настоящий выпуск „Записок“ является первым томом печатных трудов Отдела Общества изучения Казакстана, оставаясь в то же время прямым продолжением изданных ранее Отделом Государственного Русского Географического Общества XVII-ти выпусков) (в скобках **XVIII выпуск**).

Редакция.

ОБРАЩЕНИЕ

ყndev

к Первому Всеказакскому Краеведческому С'езду.

birinci qazaqьstan ɵlke tanuv sijezine

Призванный для всестороннего и углубленного изучения Семипалатинского края, являющегося одной из обширнейших по территории и разнообразнейших по природным богатствам и этнологическому составу населения частей Казакстана, Семипалатинский Отдел Общества изучения Казакстана не может пройти молчанием такого крупного выдающегося, явления, как **созыв в 1930 г в г. Алма-Ата Первого Всеказакского Краеведческого С'езда.**

Придавая работе С'езда огромнейшее научно-практическое значение в области изучения производительных сил и реконструкции народного хозяйства Казакстана, Отдел выражает уверенность, что С'езд полностью разрешит стоящие перед ним широкие проблемы индустриализации Казакстана, поднятия его хозяйственного и культурного уровня, практически проработает материал для научного обоснования хозяйственно-плановой работы и послужит авторитетнейшей опорой к дальнейшему строительству Казакстана на новых социалистических началах.

çer kɵleminiꞑ ylkendigi, çaratьlьs bajlьqьnьꞑ moldьqь çana qalqьnьꞑ etnalogije qurьlьsь çaqьnan qazaqьstanda maꞑьzdь orьn alatьn semej ɵkirigin bilim çolь men tereꞑ tanuvdь mindet qьlqan qazaqьstan tanuv qoqamьnьꞑ semejdegi bɵlimi **1930 çьlь almatь qalasьna caqьrьlatьn birincь qazaqьstan ɵlke tanuv sijezin iri mədenij kɵrinis dep biledi.**

qazaqьstan tanuv qoqamьnьꞑ semejdegi bɵlimi sijezdiꞑ istejtin isine ylken qьlmij maꞑьz berip, aldьmьzdaqь qazaqьstannьꞑ ɵndiryv kycterin zerttep, qalьq carьvasьn qajta quruv, qazaqьstandь məcijnelendiryv, mədenij çana carьvacьlьq çaqьnan alqa bastьruv sьjaqtь avьr məselelerdi cecer, carьvacьlьq-çospar çumьsьn qьlmij negizgi qojuv tuvralь materijaldardь qarap, talqьlar çana kelecekte qazaqьstanda satsьjaldьq qurьlьs ornatuvda sijez senimdi tirek bolar dep senedi.

birinci qazaqьstan ɵlke tanuv sijezine zor qurmet kɵrsetyviniꞑ belgisi qьp qazaqьstan tanuv qoqamьnьꞑ semej-

В знак глубокого уважения к С'езду Семипалатинский Отдел Общества изучения Казакстана просит Первый Всеказакский Краеведческий С'езд принять его скромный труд— I том (XVIII выпуск) „Записок".

Семипалатинский Отдел Общества изучения Казакстана.

degi вelimi eziniŋ „çazвalar" dejtin kitəвiniŋ 1-tomъn (XVIII çъqarmasъ) sijezge sъjlajdъ.

qazaqъstan tanuv qoqamъnъŋ semejdegi вelimi.

ОПЕЧАТКИ.

Страница	Строчка	НАПЕЧАТАНО	СЛЕДУЕТ
3	20 сверху	использования	использования
12	1 „	Таблица 6 №	Таблица № 6
„	2 после таблицы №6	38.3% версты	38,3 версты
12—13	Сноска	Текст сноски на стр. 13, начиная со слов: «Таким образом...» должен чит ться после таблицы сноски, а не перед нею. Слева после таблицы сноски «Т-блицу № 7 см. на обороте (с ран. 14)»—не читать, т. к. они относятся к концу основного текста стр. 13, а не к сноске	
18	5 сверху	процнет	процент
21	12 снизу	Абдралинская	Абралинская
24	21 сверху	перешла	перешло
26	11-12 снизу	наблюдается	наблюдался
28	6 сверху	орашаемых	орошаемых
29	31 „	В превом	В перво
„	16 снизу	последня	последняя
33	24 „	Чемамбай	Че амбай
„	17 „	Саратау, Сайскайнай	Сартау. Таскайнат
„	„ „	Салкы-Чоку	Салкы Чоку
34	15 „	Монголистана	Могулистана
„	4 „	межусобные	междуусобные
42	9-10 „	существование	существования
48	1 „	80 в. в дюйме	80 км. в см.
51	1 сверху	Претедентом	Претендентом
„	27 „	претедентов	претендентов
52	30 „	средне азиатскмм	средне-азиатским
53	15 „	ингушей чеченцев	ингушей и чеченцев
54	9 снизу	3=3 клм	3 в. = 3 км.
55	23 сверху	(см. № 74 списка	(см. № 74 списка)
57	16 „	см. Катанаер Г. Е.	см. Катанаев Г. Е.
„	28-29 „	Т (опографического	Т (опографического)
„	34 „	47°20 с. ш.	47° 20′ с. ш.
„	15 снизу	Готе XXII	Топ е XXII)
58	19 сверху	№ 18 и 28	№ 18
60	22 „	№ 31 списка	(№ 31 списка)
„	33 „	на внутренней	(на внутренней
„	20 снизу	31 июля	31 июля)
61	32 „	литературы	литературы)
„	12 „	литературы	литератур ы)
62	6 сверху	—Курпечс	—Курпеч с
63	8 „	(см. 72 списка)	(см. № 72 списка)
„	2 снизу	1786 г. на русском	1786 г., на русском
67	20 сверху	qasqьr;	qasqьr=каскыр
„	22 „	=корсак;	=корсак; р. н.: кор ак;

Стра-ница	Строчка	НАПЕЧАТАНО	СЛЕДУЕТ
72	17 „	атакуя	аттакуя
„	23 „	оттого	оттого, что
73	15 снизу	употребляется	употребляются
76	24 сверху	о друга	от друга
77	1 снизу	на стр. 75	на стр. 76
„	3 „	обладатель вещим, знанием	обладатель вещим знанием
79	2 сверху	баскылык'у	баксылык'у
81	6 „	в стороны	в сторону
85	1-2 снизу	А. Н. Харуизна	А. Н. Харузина
87	20 сверху	74—86	75—87
89	24-25 снизу	местом религиозного	местом исполнения религиозного
90	1 сверху	мы в знаем	мы знаем
91	2-3 „	развалины	развалин
„	13 „	Каченьская	Кегеньская
„	11 снизу	Учучту	Учурту
„	11 „	Учучты—	Учурты—
93	7 „	Сардыхкиин	Сардыкиин
94	15 сверху	обих	об их
95	22 снизу	Кзыл-Кенша	Кзыл-Кенш
97	2 „	Готе XXII	Tome XXII
98	16 сверху	89)	89—103
98	35 „	отчете	Отчете
„	49 „	собраний	сообщения
100	9-10 снизу	окрестности	окрестностей
„	7 „	1—3	1—3)
„	6 „	Геологические	Геологическое
102	15 сверху	в старье	в статье
„130	7 „	оттиске	оттиске)
	14 „	см. Генеральную	см. „Генеральную
„	17 „	дюйме	дюйме)

108 К заголовку „На казакском языке“ следует вставить примечание: „За нижеприводимые сведения выражаем благодарность т. **Таукелеву И. Ч.**

Н. Н. МАЦКЕВИЧ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ДЛИНА КОЧЕВОК КАЗАКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

б. Семипалатинской губернии.

Статья была написана в период январь—апрель 1928 года, т. е. до районирования Казакстана (как известно Казакстан перешел на районно-окружное административное деление в августе 1928 г.).

В свое время статья не была опубликована вследствие случайных, чисто-технических причин.

Однако, несколько запоздалое появление в свет статьи ничуть не отражается на тех выводах, которые делаются на основе анализа разработанного материала. Равным образом нет необходимости искусственного переисчисления итогов бывших волостей в районные или бывших уездов в окружные, тем более, что самое обследование производилось в уездно-волостном делении и было бы методологической ошибкой из материалов, имевших при организационном плане обследования за единицу волость, делать основные выводы для районов. Такое перечисление можно и нужно будет сделать в дальнейшем, применив для такой работы особые методологические приемы. В данном же случае имеется в виду дать общую характеристику вопроса и аналитические выводы разработанного материала, так как публикуемые материалы и весь вопрос в целом в том его освещении, как это приводится в статье, является совершенно новым в литературе Казакстана.

Второй момент, который побуждает к опубликованию статьи в таком именно виде, это—желание зафиксировать подробные материалы первоисточника. На основе этих материалов первичной разработки легко можно будет делать и дальнейшие переисчисления в любых сочетаниях, как районных, так и окружных. Нужно лишь иметь ввиду, что такое переисчисление все же будет неточным и будет давать лишь известную ориентировку, достаточную, впрочем, для тех или иных практических применений.

Поэтому, учитывая интересы практических работников по использованию публикуемых материалов, хотя бы и в несколько грубом приближении, но в современных административно-территориальных единицах, в приложении дается список волостей б. Семипалатинской губернии, вошедших в тот или иной район или округ нового административного деления.

I.

Пути кочевания и сравнительная длина их имеет большое значение при изучении особенностей казакского кочевого хозяйства и тех изменений, которые оно претерпевает в своем развитии.

Казакское кочевое, скотоводческое хозяйство складывалось под влиянием своеобразной естественно-исторической обстановки и являет собой яркий пример приспособляемости человека в своей хозяйственной деятельности к природным условиям вообще, а также и к тем изменениям этих условий, которые происходят в результате воздействия на них деятельности человека.

Нужно считать поконченными разговоры о том, что казакский народ, донесший до наших дней кочевую форму скотоводческого хозяйства, продолжает в массе своей вести кочевой образ жизни исключительно вследствие своей малокультурности и неразвитости. Развивающаяся на наших глазах

экономическая, культурная и хозяйственная жизнь молодой национальной республики дает на каждом шагу разительные примеры обратного. Достаточно вспомнить усиленный рост числа школ и культурно-просветительных учреждений в ауле за последнее время, огромную тягу аульной казакской молодежи к образованию, широкое развитие сети кооперативных организаций и учреждений по всей казакской степи, не исключая ее самых глубинных пунктов, и т. д. и т. д. Такая восприимчивость к новым формам политической и хозяйственной жизни и стремление к действительному приобщению к особенностям нового строя, несомненно, свидетельствует об известной высоте культурности и развития массового казака-кочевника и больших потенциальных возможностях, в нем заложенных.

Из изложенного ясно, что кочевое хозяйство ни в коем случае не исключает наличие культурности. Так, никто не сомневается в достаточно высоком культурном развитии Швейцарии, однако процветание швейцарского молочного хозяйства всецело обусловливается Альпийскими кочевками. В Нормандии сельское население находит более выгодным заниматься не земледелием, а овцеводством, кочуя со своими стадами баранов по солончакам. Наконец, весьма убедителен тот факт, что «казакский кочевой быт превосходно уживается с крупнейшими искусственными оросительными сооружениями — «арыками» и «поливами». А ведь эти последние обычно относятся к хозяйственным приемам высокой культуры.

Другое дело, если рассматривать вопрос с точки зрения целесообразности сохранения существующей формы хозяйства. Здесь можно говорить уже о рентабельности или нерентабельности кочевого хозяйства в тех экстенсивных формах, как оно велось до сих пор. Можно говорить о преимуществах в том или ином районе, в силу его естественно - исторических условий, чисто скотоводческо-кочевой формы хозяйства, или же о необходимости перехода его на оседло-земледельческий тип, или же, наконец, о комбинированной форме и т. д. Но это применимо лишь к отдельным районам, а в общей постановке вопроса, несомненно, всегда будет доминировать принцип создания и укрепления сырьевой базы. Такая постановка вопроса опять таки нисколько не предрешает необходимости и обязательности уничтожения кочевых форм хозяйства во всем их об'еме.

Таким образом, кочевое казакское хозяйство, существующее сейчас, исторически оправдывается в отношении своей целесообразности и необходимости и, несомненно, в перспективе на долгий ряд лет вопрос о его существовании и одновременном интенсифицировании, а также перестроении на скотоводческо-земледельческий и земледельческо-скотоводческий тип останется актуальным и животрепещущим.

Вот почему всякое наше знание характерных особенностей кочевности, а также и детализированное изучение отдельных элементов кочевности является крайне необходимым. Несомненно, характеристика длины кочевок, даваемая в разрезе порайонного изменения, а также и изменения во времени, представляет существенный интерес и даст возможность иметь более отчетливое представление и понимание разбираемого сложного хозяйственного явления.

Здесь нас прежде всего может и должен интересовать вопрос о том, какое количество казакских хозяйств и в каких районах в настоящее время прекратило кочевки и сколько хозяйств продолжает кочевать.

Затем, несомненно, представляет глубокий интерес изучение распределения кочующих хозяйств по длине их кочевых путей (опять-таки по отдельным районам). Эта группировка даст характеристику природных и хозяйственных условий, в которых находится казакское кочевое хозяйство. В самом деле, можно заранее сказать, что наличие удобных для пастбищ и компактно расположенных земельных площадей должно отразиться на уменьшении длины кочевки, по сравнению с такими районами, где удобные для выпаса земли расположены клочками между песками, бесплодными каменистыми местами и раскинуты оазисами на далеких расстояниях. С другой стороны, более высокий коэффициент плотности населения также дол-

жен отразиться на уменьшении длины кочевок, так как повышенная плотность населения указывает на известное земельное утеснение, в особенности, в условиях кочевого хозяйства. Рассматривая же вопрос о группировке по длине кочевок со стороны социально-экономической, приходим к выводу, что и в этом отношении мы можем получить более или менее отчетливое представление о структуре общей массы кочевых хозяйств. Группировка по длине кочевок, несомненно, имеет тесную связь с вопросом об экономической дифференциации аула. В основе здесь лежит то простое соображение, что хозяйства, имеющие малое количество скота, без сомнения, не нуждаются в больших радиусах кочевания; наоборот, чем больше скота у хозяйства, тем, в поисках более удобных и обширных пастбищ, радиус кочевания должен увеличиваться. Целый ряд статистических исследований, проведенных Казакстанской госстатистикой в последнее время, подтверждает это положение. Разрабатываемые Казстатуправлением соответствующие статистические материалы уже дают возможность некоторым казакстанским статистикам делать предположительный вывод о том, что *«дифференциация казакского аула в основном совпадает с расчленением его населения по интервалам радиусов кочевания»*. Не вдаваясь в данном случае в подробный анализ правильности или неправильности этого вывода, так как такой анализ можно будет сделать лишь после использования имеющихся материалов и окончания научной их обработки, все-же нужно сказать, что поставленный в таком освещении вопрос придает особо важный интерес группировке кочевых казакских хозяйств по интервалам кочевания. Кроме того, группировка по величине радиуса кочевания даст представление также и о группах казакских хозяйств, переходящих на оседлость.

Далее, самое исчисление средней длины кочевки по районам даст нам общее представление о длине кочевок, а сравнение этих данных по районам даст общую характеристику их и степень отражения в них природных и экономических условий.

Наконец, не лишено интереса сравнение амплитуды кочевания по отдельным районам, так как кроме получения представления о минимальных и максимальных величинах радиуса кочевания, как они существуют в натуре, эти данные предопределяют также первую наметку характеристики экономической дифференциации казакских хозяйств по тем или иным районам.

II.

До самого последнего времени ни у каких казакстанских советских организаций, в том числе и статистических, не было массовых материалов, которые позволили бы осветить вопрос о длине кочевок по изложенной выше програме. И только во время Всесоюзной демографической переписи 1926 года Казстатуправление имело возможность произвести сплошную регистрацию этого явления. И в настоящее время имеющиеся статистические материалы дают возможность осветить данный вопрос с достаточно исчерпывающей полнотой. Помещаемая ниже таблица № 1 представляет результаты статистической разработки этих материалов по Семипалатинской губернии. Они даны в территориальном разрезе — уездном и волостном, при чем волости указаны, существовавшие на момент переписи, т. е. 1926 года. В этих таблицах даются цифры общего количества казакских хозяйств губернии с выделением оседлых и кочующих. При этом под оседлыми хозяйствами подразумеваются совершенно некочующие хозяйства (в момент регистрации они вносились в таблицу 5 переписной формы гр. 15 — «хозяйство остается круглый год на зимней усадьбе, совершенно не сдвигаясь с места», а при разработке в ф. 1 гр. 15 — «Количество хозяйств, совершенно оседлых»).

По длине кочевки хозяйства распределены на 4 группы: 1) до 5 верст включительно; 2) свыше 5 и до 30 верст включительно; 3) свыше 30 и до 100 верст включительно; и, наконец, 4) свыше 100 верст. Такая группировка, вместе с выделением оседлых хозяйств, дает возможность разбить всю массу казакских хозяйств на следующие основные категории:

1) Хозяйства оседлые (некочующие).

2) Хозяйства, переходящие к оседлости (кочующие до 5 верст).
3) Из основной массы кочующих хозяйств — кочующие на небольшие расстояния (5—30 верст).
4) » » » —кочующие на средние расстояния (30—100 верст).
5) » » » —кочующие на далекие расстояния (свыше 100 верст).

В основу такой именно группировки кочующих хозяйств положена подмеченная во время разработки материалов закономерность в распределении хозяйств по длине кочевки: количество хозяйств по своему числу возрастает к 15 верстам и спадает к 30 верстам; с 30 верст вновь дает повышение и снижается к 100 верстам. Иными словами с пределами длины кочевок каждой группы совпадает наименьшее число отнесенных к этой группе хозяйств и, наоборот, большее число хозяйств группы падает, примерно, на середину интервала.

В таблице даны уездные и губернские итоги как в абсолютных цифрах, так и в процентах. При этом процентное отношение групп хозяйств по интервалам кочевания дается в двух разрезах: по отношению ко всему количеству хозяйств и по отношению к общему количеству кочующих хозяйств. Процентные соотношения по волостям не даются как по недостатку места, так и во избежание излишней громоздкости таблицы.

Остальные данные таблицы особых пояснений не требуют.

Сделав эти необходимые предварительные замечания, переходим к самой таблице.

Число хозяйств, сравнительная длина кочевок и плотность населения (казакского) Семипалатинской губернии

(по данным переписи населения 1926 года).

Таблица № 1.

Название волостей 1926 года (в скобках указаны измененные названия после 1926 года)	Число хозяйств: ВСЕГО	В том числе: Оседлые	В том числе: Кочевые	Распределение х-в по длине кочевок: I До 5 верст включит.	II Св. 5—30 верст включит.	III Св. 30—100 вер. включит.	IV Свыше 100 вер.	Средняя длина кочевки на 1 х—во	Плотность населения (на 1 кв. к/м)	Амплитуда кочевания: Минимум (верст)	Максимум (верст)
Павлодарский уезд											
1. Баян-Аульская	1622	109	1513	402	1006	105	—	13,8	3,3	1	73
2. Теренгульская	3312	322	2990	1124	1680	186	—	7,3	3,1	1	71
3. Аксуйская	3108	112	2996	54	1820	1122	—	29,5	2,4	1	65
4. Аккульская	2533	20	2513	224	2181	108	—	14,3	1,7	4	45
5. Аккелинская	4357	112	4245	260	1774	2044	167	40.0	1,5	0.5	130
6. Чидертинская	1545	142	1403	84	504	790	24	49,5	1,0	2	120
7. Кзылтавская	3387	398	2989	875	1475	527	112	21,3	0.8	1	150
8. Калмык-Караганская	1710	64	1644	307	525	812	—	35,2	1.2	2	85
9. Уруковская	2334	307	2027	337	1189	501	—	20.5	2.2	1	80
10. Маралдинская	2919	567	2352	597	1516	239	—	16,2	3,6	1	37
11. Кзылагачевская	3616	—	3616	238	2969	409	—	19,7	4,4	0,5	60
12 Павлодарская	2645	28	2617	136	1137	1344	—	34,2	2,4	3	75
13. Алкагульская	2285	1	2284	7	669	1608	—	38.0	3.5	5	70
По уезду	35371	2182	33189	4645	18445	9796	303	25.8	1.8	0,5	150
% % к общему числу х-в	100.0	6.2	93.8	13.1	52.1	27.7	0.9	—	—	—	—
% % к числу кочующ х-в	—	—	100.0	14,0	55,6	29,5	0,9	—	—	—	—

Название волостей 1926 года (в скобках указаны измененные названия после 1926 года)	Число хозяйств			Распределение х-в по длине кочевок				Средняя длина кочевки на 1 х—во	Плотность населения (на 1 кв. к м)	Амплитуда кочевания	
	ВСЕГО	В том числе		I	II	III	IV				
		Оседлые	Кочевые	До 5 верст включит.	Св. 5—30 верст включит.	Св. 30—100 вер. включит.	Свыше 100 вер.			Минимум (верст)	Максимум (верст)
Каркаралинский уезд											
1. Дегеленская	1779	79	1700	275	471	713	241	54,1	2,0	1	180
2. Баурская	2488	47	2441	1123	798	502	18	21,6	2.8	1	150
3. Мендешевская	2628	96	2532	142	1196	1068	126	39.6	2.5	1	140
4. Эдрейская	2458	780	1678	130	627	867	54	48,0	3,8	1	150
5. Беркаринская	2221	5	2216	379	1600	237	—	17,2	2,0	1	50
6. Аксаринская	2589	51	2538	323	1639	576	—	21,6	1,1	1	85
7. Кентская	2227	39	2188	746	1428	14	—	9,7	2,8	1	24
8. Абралинская	2719	8	2711	230	1048	1421	12	35,9	2,5	2	103
9. Кзылтавская	1211	95	1116	184	912	20	—	12,6	1,0	2	40
10. Кедейская	4556	368	4188	505	1718	1436	529	51,2	1,0	2	150
11. Темирчинская	2677	1	2676	823	1839	14	—	9,2	1,3	1	25
12. Чубартавская	2429	57	2372	172	704	639	857	78,7	1,0	2	250
13. Дегондельская	2548	7	2541	13	478	1089	961	112,6	0,5	3	776
14. Катон-Балхашская	3365	83	3282	144	401	414	2323	153,6	1,0	2	390
15. Четская	1731	42	1689	59	435	543	652	111,6	0,2	3	300
По уезду	37626	1758	35868	5248	15294	9553	5773	54.5	0.9	1	776
%% к общему числу х-в	100,0	4,7	95,3	13,9	40,6	25,4	15,4	—	—	—	—
%% к числу кочующ. х-в	—	—	100,0	14,7	42,6	26,6	16,1	—	—	—	—
Семипалатинск. уезд											
1. Бишкарагайская	4494	3213	1281	574	684	23	—	11,3	2,4	0.5	35
2. Сейфуллинская (Бегеневская)	2076	2076	—	—	—	—	—	—	8,0	—	
3. Советская	1441	1441	—	—	—	—	—	—	3.2	—	—
4. Луначарская	3265	91	3174	828	2127	219	—	15,0	1,2	1	100
5. Досовская (Чингизская)	3836	68	3768	59	880	2499	330	62,4	2,0	3	220
6. Мендешевская (Чаганская)	2759	170	2589	11	324	1795	459	75,7	1,3	5	180
7. Ленинская	2935	597	2338	368	1891	79	—	16,5	1,5	1	45
8. Краснооктябрьская	1807	524	1283	523	743	17	—	10.3	2.3	1	50
9. Кзылтанская	4782	1008	3774	724	2792	258	—	13.6	2,1	0.5	60
По уезду	27395	9188	18207	3087	9441	4890	789	32,7	2,0	0,5	220
%% к общему числу х в	100,0	33,5	66,5	11,3	34,5	17,8	2,9	—	—	—	—
%% к числу кочующ. х-в	—	—	100.0	16,9	51,9	26,9	4,3	—	—	—	—
Усть-Каменогорский уезд											
1. Чарская	1978	202	1776	492	1155	128	—	14,7	2.5	2	65
2. Колбинская	2075	448	1627	466	1072	89	—	14,3	3,5	1	50
3. Уланская	2479	526	1953	703	1044	206	—	14,0	5,9	1	80
4. Мендешевская (Таргынская)	3100	470	2630	46	1147	1437	—	36,5	5.8	2	80
5. Буконьская	2119	937	1182	334	341	507	—	33.5	3.0	2	100
По уезду	11751	2583	9168	2041	4760	2367	—	23,2	3,8	1	100
%% к общему числу х-в	100,0	22,0	78.0	17.4	40.5	20,1	—	—	—	—	—
%% к числу кочующ. х-в	—	—	100,0	22,3	51,9	25,8	—	—	—	—	—

Название волостей 1926 года (в скобках указаны измененные названия после 1926 года)	Число хозяйств			Распределение х-в по длине кочевок				Средняя длина кочевки на 1 х-во	Плотность населения (на 1 кв. к/м)	Амплитуда кочевания	
	Всего	В том числе		I	II	III	IV				
		Оседлые	Кочевые	До 5 верст включит.	Св. 5–30 верст включит.	Св. 30—100 вер. включит.	Свыше 100 вер.			Минимум (верст)	Максимум (верст)
Бухтарминский уезд											
1 Курчум-Алтайская .	2360	272	2088	117	618	1353	—	43,6	2,6	2	100
2. Нарымская	1891	463	1428	18	1030	380	—	29,1	6,4	5	100
3. Чингистайская . . .	2632	343	2289	76	685	1528		48.0	4,1	1	100
По уезду	6883	1078	5805	211	2333	3261	—	41,8	3.7	1	100
%% к общему числу х-в	100,0	15,7	84,3	3,0	33,9	47,4	—	—	—	—	—
%% к числу кочующ.-х-в	—	—	100,0	3,6	40,2	56,2	—	—	—	—	—
Зайсанский уезд											
1. Комаровская . . .	3473	857	2616	—	89	2410	117	68,2	2.4	10	152
2. Сталинская	4204	1286	2918	388	1338	963	229	41.6	3,3	1	60
3. Нор-Зайсанская . .	3491	2825	666	6	113	545	2	59,0	2.8	5	120
4. Тарбагатайская . .	4007	346	3661	669	2830	162	—	14.5	2.5	1	70
5. Досовская	3513	2469	1044	32	213	386	413	82,3	1.8	0.5	243
6 Кульджановская (Баспан-Базаровская)	2267	66	2201	95	1085	713	308	57.1	2.5	1	150
7. Кзылтасовская . . .	2722	4	2718	450	1643	625	—	19.3	1,9	2	62
По уезду . . .	23677	7853	15824	1640	7311	5804	1069	41.5	2,4	0.5	243
%% к общему числу х-в	100.0	33.2	66.8	6,9	30,9	24,5	4.5	—	—	—	—
%% к числу кочующ.-х-в	—	—	100,0	10.4	46.1	36.7	6,8	—	—	—	—
ПО ГУБЕРНИИ .	142703	24642	118061	16872	57584	35671	7934	38,3	1,6	0.5	776
%% к общему числу х-в	100,0	17,3	82,7	11,8	40,4	25,0	5,5	—	—	—	—
%% к числу кочующ.-х-в	—	—	100.0	14.3	48.8	30.2	6,7	—	—	—	—

Помещенные в таблице данные дают чрезвычайно интересную и яркую картину, характеризующую казакское население в отношении кочевания. На все вопросы, поставленные нами в предыдущем изложении, мы найдем достаточно полный ответ. Перейдем к освещению этих вопросов.

1. Оседлость казакского населения.

Таблица показывает, что из общего числа 142.703 казакских хозяйств губернии, зарегистрированных по переписи 1926 года, оседлых имеется 24.642 или 17,3%. Вся остальная масса хозяйств, в числе 118.061 или 82,7% ко всему числу хозяйств, является хозяйствами кочевыми. Это достаточно убедительно указывает на то, что кочевая форма хозяйства среди казакского населения губернии пока что является доминирующей.

Об оседлости казакского населения по отдельным уездам имеем следующие данные:

Таблица № 2.

Процентное соотношение оседлых и кочевых хозяйств казакского населения по уездам

У Е З Д Ы	% оседлых хозяйств	% кочевых хозяйств
Павлодарский . . .	6,2	93,8
Каркаралинский . .	4,7	95,3
Семипалатинский .	33,5	66,5
Устькаменогорский .	22,0	78,0
Бухтарминский . . .	15,7	84,3
Зайсанский	33,2	66,8

Меньше всего оседлых казакских хозяйств в Каркаралинском уезде, где удельный вес их не достигает полных 5%. Немного более оседлых хозяйств в Павлодарском уезде, где процент их составляет 6,2 по отношению ко всему числу хозяйств. Бухтарминский (15,7%) и Устькаменогорский (22,0%) уезды занимают среднее положение. Наибольший же удельный вес оседлых хозяйств наблюдаем в Зайсанском и Семипалатинском уездах, где третья часть (33,2% и 33,5%) всех казакских хозяйств перешли уже на оседлый образ жизни.

Переход на оседлость одновременно сопровождается усиленным переходом к земледелию. Так, в Каркаралинском уезде, где оседлость казакских хозяйств наименьшая, казакское население в весьма ограниченных размерах, занимается земледелием. А в Семипалатинском и Устькаменогорском уездах земледелие, среди казакского населения наиболее развито. По данным 10% выборочной сельскохозяйственной переписи 1927 года, при средней погубернской обеспеченности одного казакского хозяйства посевом в 0,9 десят., средняя посевность казакского хозяйства в Каркаралинском уезде выражается только в 0,4 дес., а в Семипалатинском и Устькаменогорском уездах соответственно в 1,3 и 1,7 десят. В частности, в Семипалатинском уезде есть две волости, целиком перешедшие на оседлость, в то время, как в Каркаралинском и Павлодарском уездах имеется целый ряд волостей, где из нескольких тысяч хозяйств оседлые насчитываются единицами, или даже вовсе отсутствуют.

Рассматриваемая таблица дает также представление и *о степени кочевности* казакского населения каждого уезда. Наибольшая кочевность наблюдается в Каркаралинском уезде, а наименьшая в Семипалатинском, Устькаменогорском и т. д.

Здесь уместно будет упомянуть о характере кочевности — *о горизонтальном и вертикальном* кочевании. В дальнейшем остановимся на этом вопросе несколько подробнее, а сейчас лишь поясним значение этих терминов. Кочевание по ровной, степной местности обозначается термином — «горизонтальное кочевание». Если же кочевки происходят в горной и высокогорной местности, где кочевник со своими стадами с зимних стоянок у подошвы гор с наступлением лета постепенно поднимается на новые пастьбища в горы, а к осени снова спускается к подошве гор, то это будет вид «вертикального кочевания». Характерной особенностью горизонтального кочевания является направление кочевания преимущественно с юга на север. Вертикальные же кочевки происходят в направлении всех стран света, исключительно в зависимости от места нахождения горных хребтов и отдельных горных вершин. Характерным районом горизонтального кочевания губернии является Павлодарский уезд, отчасти Каркаралинский, а вертикального — Бухтарминский.

2. Распределение казакских хозяйств по признакам оседлости и кочевности.

Выше мы ставили себе задачу выяснения удельного веса казакских хозяйств: 1) оседлых, 2) переходящих на оседлость, 3) кочующих на ближнее расстояние, 4) среднее и 5) дальнее. Такое рассмотрение вопроса даст нам в дальнейшем характеристику тех процессов, которые происходят в казакских хозяйствах под влиянием всего комплекса причин социального и экономического характера, воздействующих на кочевое хозяйство в отношении перехода его к иным формам. Здесь, несомненно, действуют и причины естественного порядка: естественный рост населения, влияющий на увеличение плотности населения, а следовательно и вызывающий некоторое земельное утеснение, самый характер местности и природных условий, о которых мы уже упоминали выше и т. д. Но значительнейшую роль играют и те мероприятия, которые проводятся государственными органами среди казакского населения в целях более лучшего территориального устройства его и усиления развития производительных сил края. К таким мероприятиям в первую очередь относятся землеустроительные работы, затем различные поощрительные мероприятия развитию той или иной отрасли скотоводства (маслоделие и связанное с ним сосредоточение внимания на крупном рогатом скоте; мероприятия в области усовершенствования овцеводства и т. п.). Несомненно, огромную роль в этом отношении в ближайшем же будущем должна будет играть проводимая большая и важная работа по переделу пахотных и сенокосных угодий среди казакского населения, конфискация и выселение баев-полуфеодалов, а также и Туркестано-Сибирская магистраль после окончания ее постройки. Последние два мероприятия в сильнейшей степени должны будут отразиться на оседлости и кочевности казакского населения губернии в дальнейшем, теперь же, в рассматриваемых нами данных они отражения не имеют. Но все остальные, названные выше причины, несомненно, имели уже свое влияние на распределение казакских хозяйств по признакам оседлости и кочевания. Это распределение можно видеть из следующей таблицы:

Таблица № 3.

Распределение казакских хозяйств на оседлые и кочевые и последних в зависимости от радиуса кочевания в (%%)

У е з д ы	Оседлых	Кочующих			
		До 5 верст	Свыше 5-30 верст	Свыше 30-100 верст	Свыше 100 верст
Павлодарский	6,2	13,1	52,1	27,7	0,9
Каркаралинский	4,7	13,9	40,6	25,4	15,4
Семипалатинский	33,5	11,3	34,5	17,8	2,9
Устькаменогорский	22,0	17,4	40,5	20,1	—
Бухтарминский	15,7	3,0	33,9	47,4	—
Зайсанский	33,2	6,9	30,9	24,5	4,5
По губернии	17,3	11,8	40,4	25.0	5,5

Переходя к рассмотрению этой таблицы, прежде всего необходимо отметить, что процесс перехода казакских хозяйств на оседлость в Семипалатинской губернии достиг довольно широкого размаха. Погубернские данные отражают этот момент чрезвычайно выпукло: прибавляя к 17,3% вполне уже осевших хозяйств те 11,8% хозяйств, (кочующих до 5 верст), которые мы выше охарактеризовали, как переходящие на оседлость, и которые, несомнено, в силу вышеуказанных причин перейдут на полную оседлость в течение ближайших же лет,—мы имеем по губернии около одной трети всех казакских хозяйств (29,1%), затронутых процессом оседания. В отдельных

уездах процесс оседания выступает еще рельефнее: в Семипал. уезде он коснулся почти половины всех хозяйств (33,5% + 11,3% = 44,8%); в Зайсанском и Устькаменогорском двух пятых (соответственно 40,1% и 39,4%). Что касается Бухтарминского уезда, то в нем замечается своеобразная картина: в то время, как удельный вес чисто оседлых хозяйств в нем сравнительно не малый (15,7%), процент хозяйств, переходящих на оседлый образ жизни, незначителен (3,0%). Повидимому, процесс оседания казакского населения в Бухтарминском уезде замедляется (вертикальное кочевание). Поэтому, хотя удельный вес хозяйств, перешедших на оседлый образ жизни в Бухтарминском уезде в несколько раз превышает удельный вес таких же хозяйств Павлодарского и Каркаралинского уездов, где удельный вес оседлых хозяйств является минимальным в ряду, все же процесс оседания в Бухтарминском уезде совершенно равнозначащ с Павлодарским и Каркаралинским уездами: удельный вес оседлых и переходящих на оседлость хозяйств в этих уездах выражается соответственно в 18,7%, 19,3% и 18,6%. А в сравнении с Каркаралинским уездом, который охарактеризован уже выше, как уезд с наивысшей кочевностью в губернии, удельный вес этих хозяйств в Бухтарминском уезде почти тождественный (18,7% и 18,6%). В общем все эти три уезда можно охарактеризовать как сравнительно туго поддающиеся процессу оседания.

Дальнейший анализ рассматриваемой таблицы приводит нас к выводу, что наивысший удельный вес как по губернии в целом, так и по отдельным уездам (кроме Зайсанского) имеют хозяйства с ближними кочевками (5—30 верст). По губернии эта группа составляет две пятых всех хозяйств (40,4%). По отдельным уездам удельный вес этой группы колеблется в пределах от несколько ниже одной трети всех хозяйств (Зайсанский уезд — 30,9%) до несколько выше половины их (Павлодарский уезд — 52,1%).

Группа хозяйств со средним расстоянием кочевок (30—100 верст) составляет по губернии ровно одну четвертую часть (25,0%). Колебания же удельного веса этой группы по отдельным уездам более значительны: от 17,8% в Семипалатинском уезде до 47,4% в Бухтарминском, где она имеет также и наивысший удельный вес в своем ряду.

Наконец, группа хозяйств, кочующих на дальние расстояния (свыше 100 верст) занимает в губернии последнее место. Эта группа представляет особый интерес, так как она является группой чисто кочевых хозяйств: в ней сосредоточены, главным образом, хозяйства, кочующие круглый год. По данным таблицы в эту группу входит немного более одной двадцатой всех казакских хозяйств губернии (5,5%). По отдельным уездам они распределяются совершенно неравномерно: в двух уездах (Устькаменогорском и Бухтарминском) этих хозяйств совершенно нет. В Павлодарском они имеют ничтожный удельный вес — 0,9%. Несколько выше в Семипалатинском (2,9%) и Зайсанском (4,5%) и только в Каркаралинском уезде составляют около одной шестой части (15,4%), причем превышают по удельному весу как группу оседлых (4,7%), так и группу переходящих на оседлость (13,9%). Это обстоятельство весьма характерно для Каркаралинского уезда и, безусловно, еще раз подчеркивает его наивысшую кочевность среди других уездов губернии.

Для того, чтобы покончить с основными моментами, характеризующими вопрос об оседлости казакского населения, ниже помещается сводная таблица, дающая представление об удельном весе хозяйств затронутых процессом оседания (оседлых и кочующих до 5 верст) и хозяйств, этим процессом еще не затронутых (кочующих на ближнее, среднее и дальнее расстояние).

Таблицу № 4 см. на обороте (10 стран.)

Таблица № 4.

Удельный вес казакских хозяйств, затронутых и незатронутых процессом оседания.

УЕЗДЫ	% хоз-в затронутых процессом оседания	% хоз-в незатронутых процес. оседания	ВСЕГО
Павлодарский	19,3	80,7	100,0
Каркаралинский . .	18,6	81,4	100,0
Семипалатинский . .	44,8	55,2	100,0
Устькаменогорский	39,4	60,6	100,0
Бухтарминский . . .	18,7	81,3	100,0
Зайсанский	40,1	59,9	100,0
По губернии . .	29,1	70,9	100,0

Эта таблица, являясь суммированием всего сказанного выше по вопросу об оседлости казакских хозяйств настолько ясна, что особого разбора не требует.

3. Распределение кочевых хозяйств по интервалам радиусов кочевания.

Обращаясь теперь непосредственно к характеристике *кочевых* казакских хозяйств, остановимся прежде всего на вопросе о распределении их по группам дальности кочевок. Выше мы подробно останавливались на важности такого рассмотрения. Представление о нем дает следующая таблица:

Таблица № 5.

Распределение кочевых казакских хозяйств по интервалам радиусов кочевания.

УЕЗДЫ	% хоз-в, кочующих до 5 вер. включит.	% хоз-в, кочующих свыше 5 до 30 вер.	% хоз-в, кочующих свыше 30 до 100 вер.	% хоз-в, кочующих свыше 100 верст	ВСЕГО
Павлодарский . . .	14,0	55,6	29,5	0,9	100,0
Каркаралинский . .	14,7	42,6	26,6	16,1	100,0
Семипалатинский . .	16,9	51,9	26,9	4,3	100,0
Устькаменогорский .	22,3	51,9	25,8	—	100,0
Бухтарминский . . .	3,6	40,2	56,2	—	100,0
Зайсанский	10,4	46,1	36,7	6,8	100,0
По губернии .	14,3	48,8	30,2	6,7	100,0

Из всех кочующих казакских хозяйств губернии наибольший удельный вес занимает группа хозяйств, кочующих на расстояние свыше 5 верст до 30 верст (так называемые «ближние кочевки»). Численность таких хозяйств достигает почти половины (48,8%) всех кочевых казакских хозяйств губернии. По отдельным уездам удельный вес этой группы распределяется чрезвычайно равномерно и весьма близко подходит к погубернской средней, имея минимум в 40,2% (Бухтарминский уезд) и максимум в 55,6% (Павлодарский уезд). Это дает полное основание охарактеризовать всю губернию в отношении кочевности как кочующую на ближние расстояния.

На втором месте стоит группа хозяйств, кочующих на средние расстояния. Такие хозяйства составляют около одной трети части (30,2%) всех кочующих хозяйств. В отдельных уездах мы наблюдаем небольшие от-

клонения от погубернской средней за исключением Бухтарминского уезда, где таких хозяйств насчитывается значительно больше половины (56,2%), что определяет уже Бухтарминский уезд в противоположность всем остальным, как кочующий не на ближние, а на средние расстояния.

Группа хозяйств, кочующих до 5 верст занимает предпоследнее место, имея сравнительно небольшой удельный вес по губернии (14,3%). По отдельным уездам мы уже не наблюдаем здесь той равномерности, как в предыдущих двух группах. Так, например, в Устькаменогорском уезде удельный вес этих хозяйств довольно высокий и достигает 22,3%; в то же время в Бухтарминском уезде хозяйства этой группы составляют только 3,6%, т. е. имеют совершенно незначительный удельный вес.

Наконец, группа хозяйств с дальними кочевками, имеющая по губернии небольшой удельный вес в 6,7% занимает последнее место. Что же касается отдельных уездов, то по этой группе мы не наблюдаем ровно никакой равномерности. В двух уездах — Устькаменогорском и Бухтарминском — эти хозяйства совершенно отсутствуют. В Павлодарском уезде они занимают ничтожный удельный вес (0,9%). Зато в Каркаралинсоки уезде процент хозяйств этой группы довольно высок (16,1%). Нужно заметить, что высота удельного веса хозяйств с дальними кочевками в Каркаралинском уезде зависит исключительно от 4-х прибалхашских волостей, где сосредоточена главная масса хозяйств, кочующих на дальние расстояния не только по Каркаралинскому уезду, но и по всей губернии: как показывают данные таблицы № 1 в четырех прибалхашских волостях Каркаралинского уезда — Чубартавской, Дегондельской, Катон-Балхашской и Четской — хозяйств с дальними кочевками (кочующих свыше 100 верст) насчитывается 4.793 в то время, как общее количество их по Каркаралинскому уезду 5.773, а по всей губернии — 7.934.

Только в двух уездах — Семипалатинском и Зайсанском удельный вес хозяйств, кочующих на дальние расстояния близко подходят к погубернской средней, причем по Зайсанскому уезду имеем почти полное совпадение (ср. 6,8% и 6,7%), а по Семипалитинскому уезду некоторое понижение (4,3% против 6,7%).

В заключение необходимо несколько остановиться на Бухтарминском уезде. В только что изложенном анализе таблицы № 5, мы отметили, что группировка кочевых хозяйств Бухтарминского уезда по интервалам радиуса кочевания является совершенно своеобразной: по всем группам показатели их удельного веса резко расходятся с погубернскими показателями и не имеют аналогии ни с одним из уездов. Несомненно, здесь сказывается доминирующая форма вертикального кочевания казакских хозяйств Бухтарминского уезда.

4. Средняя длина кочевок.

Переходя к рассмотрению сравнительной длины кочевок казакских хозяйств, заметим, что средняя длина кочевок в табл. 1-й исчислена путем суммирования верст кочевания до конечного пункта, совершаемого каждым хозяйством и деления полученного числа на число всех кочевых хозяйств каждого уезда и губернии. Самое рассмотрение сопроводим характеристикой размаха (амплитуды) кочевания и сопоставления средней длины кочевок с плотностью населения.

Такое освещение вопроса дает нам следующая таблица:

Таблицу № 6 см. на обороте (стр. 12)

Таблица 6 №.

Средняя длина кочевок, размах кочевания и плотность населения.

Уезды	Средняя длина кочевок на 1 х-во	Амплитуда кочевания		Плотность населения (на 1 кв. к/м.)
		Минимум (верст)	Максимум (верст)	
Павлодарский	25,8	0,5	150	1,8
Каркаралинский . .	54,5	1	776	0.9
Семипалатинский .	32.7	0,5	220	2,0
Устькаменогорский .	23.2	1	100	3.8
Бухтарминский . . .	41.8	1	100	3,7
Зайсанский . . .	41.5	0,5	243	2,4
По губернии .	38,3	0,5 •	776	1,6

Средняя длина кочевки на 1 хозяйство по губернии выражается в 38,3% версты. Эта цифра сама по себе не дающая реального представления о вопросе, так как является более или менее абстрактной и дающей лишь известную характеристику уездов, получает большой интерес в сравнительном освещении. Так мы видим, что в Каркаралинском уезде каждое хозяйство в среднем кочует на 54,5 версты, т. е. далеко превосходит погубернскую среднюю. Средняя длина кочевки казакских хозяйств Каркаралинского уезда является наивысшей в губернии, что еще раз подтверждает сделанный нами ранее вывод о наивысшей кочевности Каркаралинского уезда. На втором месте стоит Бухтарминский уезд (41,8 версты); далее идут Зайсанский, Семипалатинский, Павлодарский уезды и, наконец, Устькаменогорский стоит на последнем месте (средняя длина кочевки 23,2 версты), что также подтверждает сделанную раньше характеристику Устькаменогорского уезда, как одного из уездов с наименьшей кочевностью.

Касаясь вопроса о размерах кочевания, мы видим, что показатели наименьшей длины кочевок однообразны по всем уездам и представляют мало интереса. Мы можем лишь сказать, что, как в каждом уезде существуют оседлые хозяйства, так же существуют и хозяйства с самой минимальной длиной кочевки (0,5 и 1 верста), т. е. по существу являющиеся оседлыми. Зато графа показателей наивысшей длины кочевки дает весьма интересные данные. Здесь мы имеем чрезвычайное разнообразие: в двух уездах—Устькаменогорском и Бухтарминском — казакские хозяйства кочуют не далее 100 верст (из них Устькаменогорский уезд, как мы это уже установили, является уездом с наименьшей кочевностью, а в Бухтарминском доминирует форма вертикального кочевания). Далее идет Павлодарский уезд, в котором кочевки производятся уже на 150 верст. В Семипалатинском уезде имеются хозяйства с наивысшей длиной кочевки в 220 верст. Зайсанский уезд имеет в своем составе хозяйства кочующие, как максимум, на 243 версты. Наконец, Каркаралинский уезд (с наивысшей кочевностью по губернии) дает хозяйства с наивысшей кочевностью в 776 верст. Нужно припомнить, что эти расстояния являются расстоянием до конечного пункта кочевок в один конец, т. е. иначе говоря в Каркаралинском уезде, например, имеются хозяйства, проходящие за время кочевок 1552 версты [1]).

[1]) Интересны в этом отношении цифры, показывающие сумму верст кочевания хозяйств по уездам и губернии:

Переходя к вопросу о плотности населения и связи ее с кочевностью, мы должны сказать, что вопрос о точном исчислении плотности казакского населения является в условиях Семипалатинской губернии довольно сложным. Главное затруднение заключается в том, что до сих пор нет точных данных о земельных площадях, занятых казакским населением. Землеустройство казакского населения далеко не закончено. Поэтому показатели плотности казакского населения исчислены нами по некоторым волостям (а следовательно, и уездам) с приблизительной точностью с использованием всего имеющегося материала, как в Губстатотделе, так и в Губземуправлении. Вследствие указанного эти показатели, являясь наиболее точными из имеющихся у нас до сих пор, сами по себе являются приблизательными и требуют дальнейших коррективов.

При рассмотрении показателей плотности населения в сопоставлении их с показателями средней длины кочевок мы логически должны подходить к выяснению взаимной связи этих двух рядов с априорным предположением, что связь эта должна выражаться во взаимном противоположении, т. е. *чем больше плотность населения, тем меньше должен быть показатель средней длины кочевки.* Из таблицы видим, что это взаимообратная связь весьма ярко выражена на полюсах: уезд с наибольшей плотностью населения (Усть-каменогорский, плотность 3,8) имееет наименьшую среднюю длину кочевок (23,2 версты). И обратно — Каркаралинский уезд, имеющий наименьший показатель плотности населения (0,9), дает наибольшую среднюю длину кочевок (54,5 версты).

Но в остальных уездах это соотношение совершенно не выдерживается. Повидимому, имеется ряд причин, которые влияют на то, что предполагаемая нами зависимость выявляется лишь в случаях наиболее резко выраженного полюсного расхождения. Эти причины могут заключаться в самом характере кочевания (горизонтальное и вертикальное), степени обеспеченности скотом, качестве пастбищных и вообще земельных угодий, наконец, во всех мероприятиях, отражающихся на сокращении радиуса кочевания. Такое предположение с достаточной ясностью подтверждается также сравнением плотности населения с количеством оседлых и затронутых процессом оседания хозяйств. Это сравнение мы приводим ниже, причем уезды располагаем в нисходящем порядке показателей плотности населения:

Таким образом всего всеми казакскими хозяйствами в 1926 году во время кочевок на территории Семипалатинской губернии пройдено 9.036 862 версты.

Всего всеми хозяйствами за время кочевок 1926 г. было пройдено верст:

УЕЗДЫ	Число верст пройденных в 1 конец	Число верст пройденных в оба конца
Павлодарский	855254	1710508
Каркаралинский	1955765	3911530
Семипалатинский	595918	1191936
Устькаменогорский	212589	425178
Бухтарминский	242477	484954
Зайсанский	656378	1312756
По губернии	4518431	9036862

Таблицу № 7 см. на обороте (стран. 14)

Таблица № 7.

Сопоставление плотности населения с числом хозяйств, затронутых процессом оседания и оседлых

УЕЗДЫ	Плотность населения	% хоз-в затронутых процес. оседания	% оседлых хозяйств
Устькаменогорский	3,8	39,4	22,0
Бухтарминский	3,7	18,7	15,7
Зайсанский	2,4	40,1	33,2
Семипалатинский	2,0	44,8	33,5
Павлодарский	1,8	19,3	6,2
Каркаралинский	0,9	18,7	4,7

Каркаралинский, отчасти и Павлодарский уезды, в точности дают предполагаемую зависимость, которая в данном случае будет уже не обратная, а прямая: в этих двух уездах при наименьшей плотности населения, наблюдаем также и наименьшее количество хозяйств, затронутых процессов оседания и оседлых. Что же касается остальных уездов, то в них, при некотором сохранении общей тенденции, ряды не располагаются в необходимой последовательности. В особенности выходит из ряда Бухтарминский уезд, где, повидимому, определенно действует характер кочевания (вертикальное).

Таким образом, подведя итоги сказанному, приходим к выводу, что только в случаях резко пониженной плотности населения мы можем предполагать резко повышенную кочевность. В дальнейшем же увеличивающаяся плотность населения входит лишь в общий комплекс причин, действующих на уменьшение радиуса кочевания. И только крайнее увеличение показателя плотности населения может явиться главной причиной уменьшения длины кочевок. Такое предположение в особенности мыслимо в тех случаях, когда повышение показателя плотности населения будет следствием не только естественного, но и механического роста населения.

5. Связь кочевности с дифференциацией казакских хозяйств.

Обращаясь к интереснейшему вопросу о связи кочевности с социально-экономической дифференциацией казакских хозяйств, мы должны отметить, что он ждет еще своих исследователей. В начале изложения мы уже отмечали причины, которые не позволяют теперь же сделать определенные выводы по этому вопросу. Главной причиной является отсутствие соответствующих разработанных материалов. В данном случае нет возможности дать исчерпывающее освещение вопросу даже по одному тому, что дополнительные формуляры демографической переписи 1926 года совершенно не включали регистрацию элементов сельского хозяйства и социальных отношений.

Поэтому остановимся лишь на общей характеристике связи кочевности с дифференциацией казакских хозяйств, привлекая для этого материалы 10-процентной выборочной сельскохозяйственной переписи 1927 года. Последняя дает нам цифры удельного веса казакских хозяйств по группам обеспеченности скотом. Разбивая все казакские хозяйства на 5 основных групп по обеспеченности скотом (в переводе на крупный), а именно: I гр. без скота и до 2 голов; II — свыше 2 до 5; III — свыше 5 до 10; IV — свыше 10 до 30 и V — свыше 30 голов, и сопоставляя их с 5-ю основными группами по отношению к кочевности, приведенными выше, получаем следующую таблицу:

Таблицу № 8 см. на 15 стран.

Таблица № 8.

Сравнительная группировка казакских хозяйств по количеству скота и по отношению их к кочевности (в %%)

УЕЗДЫ	Основания груп. / Группы	I	II	III	IV	V	Всего
Павлодарский	По обеспечен. скотом	2,4	19,6	37,9	34,8	5,3	100,0
	По отнош. к кочевности	6,2	13,1	52,1	27,7	0,9	100,0
Каркаралинский	По обеспечен. скотом	14,0	39,2	27,9	15,9	3,0	100,0
	По отнош. к кочевности	4,7	13,9	40,6	25,4	15,4	100,0
Семипалатинский	По обеспечен. скотом	8,0	35,6	31,5	21,2	3,7	100,0
	По отнош. к кочевности	33,5	11,3	34,5	17,8	2,9	100,0
Устькаменогорский	По обеспечен. скотом	6,2	29,9	35,3	26,3	2.3	100,0
	По отнош. к кочевности	22,0	17,4	40,5	20,1	—	100,0
Бухтарминский	По обеспечен. скотом	2,2	24,7	36,1	30,7	6,2	100 0
	По отнош. к кочевности	15,7	3,0	33,9	47,4	—	100,0
Зайсанский	По обеспечен. скотом	13,4	46,7	27,9	11.1	0,9	100,0
	По отнош. к кочевности	33.2	6.9	30,9	24,5	4,5	100,0
По губернии	По обеспечен. скотом	8,5	33.2	32,2	22,6	3,5	100,0
	По отнош. к кочевности	17,3	11,8	40,4	25.0	5,5	100,0

ПРИМЕЧАНИЕ: Группы имеют следующее значение: I По обеспеченности скотом: I Без скота и до 2 голов, II — свыше 2 до 5 голов, III свыше 5 до 10 голов, IV — свыше 10 до 30 голов, V — свыше 30 голов. *2 По отношению к кочевности:* I — оседлые, II — кочующие до 5 верст, III — кочующие свыше 5 верст до 30, IV — кочующие свыше 30 до 100 верст, V — кочующие свыше 100 верст.

При таком сопоставлении, оказывается, мы не можем установить точной связи между обеспеченностью скотом и кочевностью. Но тенденция выступает довольно ясно. Если мы раньше упоминали о том, что хозяйства, кочующие на дальние расстояния, должны характеризоваться многоскотностью, то губернские показатели это достаточно подтвреждают: хозяйства, кочующие на расстояние свыше 100 верст, составляют по губернии 5,5%; в то же время хозяйства, имеющие свыше 30 голов скота в переводе на крупный, имеют удельный вес по губернии в 3,5%. Затем, 25,0 процентам казакских хозяйств губернии, составляющие группу кочующих на средние расстояния с радиусом кочевания свыше 30 и до 100 верст включительно, соответствуют 22,6% хозяйств, обеспеченность скотом которых выражается в пределах свыше 10 и до 30 голов в переводе на крупный; наконец, при 40,4% хозяйств, кочующих на ближние расстояния (свыше 5 и до 30 верст), мы имеем соответственно 32,2% казакских хозяйств губернии с обеспеченностью скотом в пределах свыше 5 и до 10 голов.

Но I и II группы такой ясной связи уже не дают. Точно также и отдельные уезды не дают картины последовательного совпадения удельного веса обоих групп, а наблюдающаяся тенденция к совпадению выражена уже значительна слабее, чем по всей губернии в целом.

Повторяем, что мы не располагаем материалами, которые определенно подтвердили бы положение, что «дифференциация казакского аула в основном совпадает с расчленением его населения по интервалам радиусов кочевания». В данном случае регистрация длины кочевых путей каждого хозяйства должна была бы сопровождаться регистрацией количества скота. Тогда мы имели бы возможность точно проверить это положение. Но такой регистрации не было при заполнении дополнительных формуляров Демографической переписи казакского населения 1926 г.

Этот пробел можно и нужно будет восполнить при предстоящей в 1930-31 году Всесоюзной народно-хозяйственной переписи.

III.

В целях устранения излишней громоздкости изложения не приходится подробно останавливаться на характеристике сравнительной длины кочевок в поволостном разрезе, хотя такое рассмотрение вопроса и представляет значительный местный интерес. Поэтому даем лишь в самых кратких чертах такое освещение по каждому уезду.

1. Павлодарский уезд.

Павлодарский уезд, имеющий 13 казакских волостей, охарактеризован нами, как уезд с горизонтальным кочеванием казакского населения, причем он отнесен нами к уездам, сравнительно туго поддающимся процессу оседания, несмотря на то, что средняя длина кочевок его не велика (25,8 версты) и удельный вес хозяйств, кочующих на дальние расстояния — свыше 100 верст — ничтожный (0,9%). В нем имеется только 3 волости с дальними кочевками — Аккелинская, Чидертинская и Кзылтавская. Наивысшая средняя длина кочевок (49,5 версты) в Чидертинской волости. Наименьшая — в Теренгульской (7,3 версты). Высший предел длины кочевки — в Кзылтавской волости, где имеются хозяйства, кочующие на расстояние 150 верст. Подавляющее большинство волостей имеют преобладание удельного веса хозяйств, кочующих на ближние (свыше 5 до 30 верст) расстояния. Характерным является совершенное отсутствие оседлых хозяйств в Кзылтавской волости и наличие только одного оседлого хозяйства из числа 2285 в Алкагульской. Алкагульская волость вообще является волостью с наивысшей кочевностью. Наименьшей же кочевностью обладает Маралдинская волость, а затем Теренгульская (обе правобережные).

2. Каркаралинский уезд.

Это — уезд с наивысшей кочевностью в губернии. Имея наивысшую (54,5 версты) среднюю длину кочевки по губернии, наивысший процент хозяйств с дальними кочевками (15,4%), он имеет наименьший процент оседлых хозяйств (4,7%). В нем же сосредоточены — хозяйства, кочующие на самые дальние расстояния в губернии — 300, 390, наконец 776 верст. Последний показатель относится к Дегондельской волости. Но с другой стороны, в Кентской волости наивысшая длина кочевки выражается лишь в 24 версты, что является весьма характерным для этой пригородной волости, тем более, что во всей губернии нет ни одной волости с таким малым пределом кочевания. К ней близко в этом отношении подходит Темерчинская волость: в ней казакские хозяйства не удаляются от своих кстау далее 25 верст. Темерчинская же волость дает и наименьшую среднюю длину кочевки — 9,2 версты. Однако, это обстоятельство об'ясняется вовсе не тем, что Темерчинская волость является преимущественно оседлой, наоборот, из 2.677 хозяйств Темерчинской волости только одно оседлое. Точно также в Беркаринской, Дегондельской и Абралинской волостях, оседлые хозяйства насчитываются единицами. Больше же всего их в Кедейской волости (Токрау) и Эдрейской. Наивысшей средней длиной кочевки (153,6 версты) обладает Катон-Балхашская волость.

Необходимо заметить, что характеристика Каркаралинского уезда, как уезда с наивысшей кочевностью по губернии, зависит исключительно от четырех Прибалхашских волостей — Дегондельской, Чубартавской, Катон-Балхашской и Четской. Следующая таблица дает ясное представление, почему так можно утверждать:

Таблицу № 9 см. на 17 стран.

Таблица № 9.

Сравнительная таблица показателей кочевности казакских хозяйств Каркаралинского уезда с 4-мя Прибалхашскими волостями и без них в сопоставлении с погубернскими данными.

Наименование	Удельный вес хозяйств в % %							Средняя длина кочевки на 1 х—во в верстах	Амплитуда кочевания	
	ВСЕГО	В том числе		По интервалам радиусов кочевания						
		Оседлые	Кочевые	До 5 верст включит.	Св. 5—30 верст	Св. 30—100 вер.	Свыше 100 вер.		Минимум (верст)	Максимум (верст)
Каркаралинский уезд в целом	100,0	4,7	95,3	13,9	40,6	25,4	15,4	54,5	1	776
4 Прибалхашских волости	100,0	1,9	98,1	3,8	20,0	26,7	47,6	116.9	2	776
Каркаралинский уезд без 4-х Прибалхашских вол. .	100,0	5.7	94,3	17,6	48.2	24.9	3.6	30.4	1	180
Семипалатинскяа губер. в целом . . . . . . , . .	100,0	17,3	82,7	11,8	40,4	25,0	5,5	38,3	0,5	776

Показатели Каркаралинского уезда без 4-х Прибалхашских волостей настолько близко подходят к губернским показателям, что никак не могут характеризовать уезда с наивысшей кочевностью. Отсюда вывод, что северная часть (11 волостей из 15) Каркаралинского уезда является однозначущей в отношении кочевности всем другим районам губернии. Напротив, Южная часть (Прибалхашские волости) весьма резко выделяются своей чрезвычайно повышенной кочевностью. Кстати укажем, что 1,9% оседлых хозяйств (их всего 189) Прибалхашских волостей составляют хозяйства, занимающиеся рыболовством и живущие оседлыми рыбачьими поселками.

3. Семипалатинский уезд.

Все девять казакских волостей Семипалатинского уезда в отношении кочевности разбиваются на три резко различные группы.

Первая группа. Волости Бишкарагайская, Бегеневская (по переписи 1926 г. Сейфулинская) и Советская. Все они расположены на правом берегу Иртыша. Характернейшей чертой этих волостей является их ярко выраженная оседлость. Только лишь в Бишкарагайской вол. из 4494 хоз. имеется 1281 (или 28,5%) кочующих, при чем кочующих на дальние расстояния нет совершенно, длина путей кочевания не превышает 35 в.; кочующие на средние расстояния (свыше 30 в. до 100) хозяйства составляют ничтожную часть (0,5%) всех хозяйств; на ближние расстояния кочуют 15,2% хоз.; 12,8% хозяйств находятся в состоянии перехода на оседлость. Все же остальные хозяйства (71,5%) являются чисто-оседлыми. В Бегеневской и Советской волости совершенно нет кочующих казакских хозяйств — это волости целиком и полностью оседлые. Главное занятие казакского населения этих волостей — земледелие. Скотоводство занимает второстепенное место. Так, напр., в Бегеневской волости посевная площадь в 1927 году составляла 6993 десятины или в среднем на одно хозяйство 3,4 десятины, что близко совпадает со средней обеспеченностью посевом одного хозяйства в некоторых русских оседло-земледельческих волостях (Бухтарминского, Устькаменогорского уезда), а в иных случаях и превосходит их.

Вторая группа — Луначарская, Ленинская, Красноoктябрьская и Кзылтанская волости. Это уже левобережные волости и преимущественно кочую-

щие. Однако кочевки их главным образом происходят на ближние расстояния, не превышая 100 верст. Средняя длина кочевок на 1 хозяйство колеблется от 10,3 до 16,5 верст. Оседлые хозяйства хотя и имеются, но удельный вес их не превышает 29,0% (Краснооктябрьская волость), в то время, как по всему уезду процент оседлых хозяйств равен 33,5. В Луначарской же волости оседлые хозяйства составляют только 2,8%. Примерно таков же в волостях этой группы процент хозяйств, переходящих на оседлость: он колеблется между 12,9 (Ленинская волость) и 29,0 (Краснооктябрьская вол.). На характер кочевности волостей этой группы, несомненно, сильно влияет близость к губернскому городу, которая, безусловно отражается на их хозяйственном и бытовом укладе.

Третья группа — последние две левобережные волости: Чингизская и Чаганская (по переписи 1926 г. Досовская и Мендешевская). Эти волости являются типично-кочевыми для губернии. Дальность кочевок их достигает 220 верст, причем кочевки не опускаются ниже 3-х (Чингизская вол.) и 5 (Чаганская вол.) верст. Средняя длина кочевки довольно велика — 62,4 и 75,7 верст. Количество оседлых и переходящих на оседлость хозяйств ничтожно. Кочующих на дальние расстояния также немного. Главная масса хозяйств этих волостей кочует на средние (свыше 30 до 100 верст) расстояния. Удельный вес этих хозяйств в обоих волостях одинаков и составляет 65,1%.

Таким образом Семипалатинский уезд в отношении кочевности представляет большое многообразие.

4. Устькаменогорский уезд.

Это—уезд с наименьшей средней длиной кочевки в губернии. Она выражается в 23,2 версты. Характер всех 5 волостей в отношении кочевности сравнительно однороден, но все же намечаются две основных группы. Первую группу составляют 3 волости: Чарская, Колбинская и Уланская. Средняя длина кочевок этих трех волостей почти совпадает: 14,7 верст, 14,3 и 14,0 верст. Дальность кочевок колеблется от 50 до 80 верст. Хозяйств, кочующих на дальние расстояния нет. Главная масса хозяйств этих волостей кочует на ближние расстояния не свыше 30 верст. Удельный вес оседлых хозяйств колеблется между 10,2% (Чарская вол.) и 21,6% (Колбинская волость).

Таргынская (по переписи 1926 г. Мендешевская) и Буконьская волости составляют вторую группу казакских волостей Устькаменогорского уезда. Их средние кочевки значительно выше средних кочевок волостей первой группы (36,5% и 33,5%). Но дальность кочевок немногим превышает первую группу: — Буконьская волость — 100 верст. Хозяйств с дальними кочевками (свыше 100 верст)нет. Большинство кочующих хозяйств, правда незначительное, кочует уже не на ближние, а на средние расстояния. Но удельный вес оседлых хозяйств в Таргынской волости (11,9%) близко подходит к первой группе, а в Буконьской (44,2%) даже значительно превышает.

5. Бухтарминский уезд.

Бухтарминский уезд является типичным по вертикальному кочеванию. Эту типичность ему придают, главным образом. Курчумо-Алтайская и Чингистайская волости с их кочевками по белкам Юго-западного Алтая. Нарымская волость хотя и имеет вертикальное кочевание по Нарымскому хребту, но в общем этот характер кочевок в ней выражен значительно слабее. К тому же в ней наибольший из всех трех волостей уезда удельный вес оседлых хозяйств (24,5%), занимающихся земледелием на поливных площадях Нарымской долины. Дальность кочевок во всех трех волостях одинакова — 100 верст. Точно также во всех трех волостях отсутствуют хозяйства, кочующие на дальние расстояния. Средняя же длина кочевок, близкая к совпадению в Чингистайской и Курчумо-Алтайской волостях (48,0 и 43,6 верст), несколько ниже в Нарымской (29,1 вер.). Наибольшее число хозяйств Кур-

Чумо-Алтайской и Чингистайской волостей сосредоточена в группе кочующих на средние (свыше 30 до 100 верст) расстояния (57,3% и 60,0%), а Нарымской вол. — в группе кочующих на ближние расстояния (54,5%)

Во всех волостях весьма незначителен процент хозяйств переходящих на оседлость: ни в одной волости он не достигает даже полных 5,0% при среднем поуездном в 3,0%.

6. Зайсанский уезд.

Зайсанский уезд в отношении кочевности представляет большое разнообразие. Можно отметить лишь две волости, показатели которых довольно близко совпадают. Это—Тарбагатайская и Кзылтасовская волости. Показатели средней длины кочевок в этих волостях — 14,5 верст и 19,3 версты — сравнительно близки между собой, являясь в то же время минимальными по уезду. Точно также и показатели дальности кочевки (70 и 62 версты) имеют небольшое расхождение. Затем, в обоих волостях отсутствуют хозяйства с дальними (свыше 100 верст) кочевками, а главная масса хозяйств сосредоточена в группе, кочующих на ближние расстояния (70,6% и 47,9%). И только лишь значительное расхождение наблюдаем в распределении оседлых и кочующих на средние расстояния хозяйств этих волостей.

Все остальные волости на дают никакого совпадения. Если в единичных случаях совпадают отдельные показатели, то все другие дают чрезвычайное расхождение.

Отметим очень высокий процент оседлых хозяйств в Нор-Зайсанской и Нарынской (по переписи 1926 г. Досовской) волостях: в Нор-Зайсанской волости оседлые хозяйства составляют 80,9%, а в Нарынской 70,3%. В обоих волостях сильно развито поливное земледелие, а в Нор-Зайсанской, кроме того, в особенности распространен рыбный промысел по озеру Зайсану.

Своеобразны показатели Комаровской волости. Несмотря на большой сравнительно процент оседлых хозяйств (24,7%) эта волость может быть охарактеризована, как одна из волостей с наивысшей кочевностью. В ней совершенно приостановился процесс оседания, хозяйств переходной группы нет. Главная масса хозяйств кочует на средние расстояния (70,0% по отношению ко всему числу хозяйств волости и 92,1% по отношению к кочующим), имеется также 117 хозяйств, кочующих на дальние расстояния, причем дальность кочевок доходит до 152 верст. Средняя длина кочевок по волости далеко превосходят поуездную среднюю: 68,2 версты против 41,5 в.

Из остальных волостей отметим еще раз Нарынскую, в которой, несмотря на ее сильную оседлость, наблюдается наивысшая дальность кочевок (243 версты) по уезду, а также и наивысшая средняя длина кочевки на одно хозяйство (82,3 версты).

Наконец, Сталинская волость является типичной средней волостью по уезду в отношении кочевности, сочетая и отражая все многообразие в этом отношении, которое наблюдаем в Зайсанском уезде. Самое же многообразие имеет своей основой несколько причин: многообразие уезда по рельефу местности, издавна развитая поливная система земледельческого хозяйства, наличие большого и сравнительно рыбного озера Зайсана, вполне освоенного населением в отношении промысловости, наконец, существование пустынных и бесплодных пространств, наряду с цветущими речными долинами и плодороднейшими земельными массивами — все это обусловливает многообразие Зайсанского уезда по отношению к кочевности.

IV.

До сих пор, разбирая вопросы кочевности и оседлости казакского населения, мы рассматривали их на основании даных сплошного учета, относящихся к одному (1926) году. И поскольку регистрация производилась на один момент — лето—зима 1926 года — постольку эти данные представляют как бы моментальный фотографический снимок, отражающий современное состояние оседлости и кочевности казакского населения губернии, а

также распределение хозяйств по длине кочевок, определение средней длины и, наконец, дальности кочевания.

Поэтому в предыдущем изложении очень мало освещены процессы, происходящие в казакских хозяйствах *во времени*, т. е. конкретно не установлено, какие изменения с течением времени происходят в казакских хозяйствах в отношении всех разбираемых вопросов кочевности и оседлости. Мы могли лишь частично сделать некоторые выводы в отношении процесса оседания казакских хозяйств и определить основные исходные моменты дальнейших изменений, которые могут происходить в казакских хозяйствах в связи с направлением бытового и хозяйственного их уклада, так сильно взаимно отражающегося на вопросах кочевания.

Но для нас чрезвычайно важно иметь сравнительные данные, которые исчерпывающе осветили бы вопросы этих изменений за известный отрезок времени, предшествующий моменту рассмотрения нами данных сплошной регистрации 1926 года. Значение такого исчерпывающего рассмотрения огромно. Оно должно нам дать понимание этих процессов, происходящих во всей совокупности казакских хозяйств губернии и того направления хозяйственной жизни казакского населения, которое определилось за прошлое время вследствие тех или иных конкретных причин. В конечном счете мы сможем на основании такого рассмотрения подойти к конкретным же выводам о том, какие изменения произойдут в структуре и направлнеии казакского хозяйства в дальнейшем в силу применения всего комплекса тех или иных мероприятий, а также и вследствие влияния причин естественно-исторического порядка.

Семипалатинская губерния в отношении возможности такого сравнения находится в благоприятном положении. В то время, как по всему Казакстану почти не имеется данных за прошлые годы, в Семипалитинской губернии имеются материалы за время 1897—1900 г.г., собранные экспедицией по исследованию Степных Областей [1]).

Эти материалы (так назыв. «Обследование Щербины»), между прочим, дают нам исчерпывающие ответы и по вопросам оседлости и кочевности казакского населения в том разрезе, как мы это рассмотрели выше. Таким образом мы имеем сравнимые данные за период, примерно, в 30 лет. Хотя период этот сравнительно короток, но за этот период произошли столь значительные события в жизни казакского населения и его хозяйства — усиление переселенческой колонизации до революции, влияние революционных событий и т. д., — что само по себе сравнение данных за этот период даст очень многое.

К сожалению, вследствие большой громоздкости, мы не в состоянии проследить полный ряд всех сопутствующих изменений, которые произошли в хозяйственной жизни казакского населения за данный период, и которые, несомненно, имеют тесную взаимную связь с вопросами кочевности и оседлости—как, напр., средняя обеспеченность скотом, посевами и др. Поэтому в дальнейшем произведем сравнение лишь по основным элементам, характеризующим кочевность и оседлость, приведя более подробный разбор изменений лишь по наиболее важным вопросам в этой области.

Данные, характеризующие кочевность и оседлость казакских хозяйств мы черпаем из материалов статистических экспедиций, происходивших:

В Павлодарском уезде	в 1897 году.
» Каркаралинском уезде	» 1898 и 1899 »
» Семипалатинском уезде	» 1900 »
» Устькаменогорском уезде	» 1900 »
» Бухтарминском уезде [2])	» 1900 »
» Зайсанском уезде	» 1899 »

1) «Материалы по киргизскому землепользованию» Издание Переселенческого Управления Главн. Управлен. Земледелия и Землеустройства СПБ—1909 и друг. годы

2) Бухтарминского уезда в 1900 г. не было—его волости входили в Усть-каменогорский уезд.

Эти данные помещаются в соответствующих сборниках «Материалы по киргизскому землепользованию» в таблице Б.—«Пообщинные таблицы статистических сведений».

Произведя соответствующую разработку и приурочивая прежнее деление волостей к современным укрупненным, мы получили следующую сводную таблицу.

Число хозяйств, сравнительная длина кочевок и плотность населения (казакского) Семипалатинской губернии.

По данным статистических экспедиций 1897—1900 г.г.

Таблица № 10.

Название волостей 1926 г. (в скобках указаны названия волостей года экспедиции в случаях расхождения)	Число хозяйств: ВСЕГО	Число хозяйств, в том числе: Оседлых	Число хозяйств, в том числе: Кочевых	Распределение хоз-ств по длине кочевок: I г. До 5 верст включит.	II г. Св. 5—30 верст включит.	III г. Св. 30—100 вер. включит.	IV г. Свыше 100 вер.	Средняя длина кочевки на 1 хозяйство	Плотность населения (на 1 кв. к/м.)	Амплитуда кочевания: Минимум (верст)	Амплитуда кочевания: Максимум (верст)
Павлодарский уезд (1897 г.)											
1. Баянаульская	961	128	833	22	—	242	569	118,3	2,8	2	207
2. Теренгульская (Теренгульская, Муздыкульская)	505	—	505	—	485	20	—	20,6	1,3	7	32
3. Аксуйская, (Аксуйская, Алтыбаевская)	93	—	93	—	—	85	8	55,0	2,8	45	105
4. Аккульская	438	—	438	—	438	—	—	25,0	0,8	25	25
5. Аккелинская (Аккелинская, Долбинская)	2416	25	2391	22	207	1361	801	88,5	1,3	3	200
6. Чидертинская (Акпетавская)	863	27	836	89	97	439	211	74,6	0,9	5	105
7. Кзылтавская (Кзылтавская, Карамолин. Чакчан)	3386	250	3136	7	206	462	2461	169,3	1,2	5	284
8. Калмык-Карганская (Атагозинская, Беставская)	709	8	701	—	—	202	499	128.9	0,7	53	185
9. Уруковская	480	13	0 67	—	199	268	—	33,9	0,9	10	55
10. Маралдинская (Маралдинская, Басундукская)	535	1	534	—	130	404	—	45,2	2,5	15	85
11. Кзылагачевская	455	22	433	—	80	353	—	52,2	1,5	25	60
Сложные общины из хоз. разных вол.	1003	23	980	—	—	300	680	103.4	—	21	195
По уезду	11844	497	10367	140	1842	4136	5229	103,4	1,4	3	284
%% к общему числу х-в	100,0	4,2	15.8	1,2	15,6	34,9	44,1	—	—	—	—
%% к числу кочующ. х-в	—	—	100,0	1,2	16,2	36,5	46,1	—	—	—	—
Каркаралинский уезд (1898 г., а Дегеленская и Абдралинская волость— 1899 г.)											
1. Дегеленская	933	170	763	—	51	445	267	69,8	1,7	30	150
2. Баурская (Сартавская, Бурлинская)	1775	87	1688	—	—	130	1558	159,2	2,3	83	260
3. Мендешевская (Кувская, Дасгарская)	1574	64	1410	-	—	806	604	99.9	1,0	33	240
4. Эдрейская	1288	5	1283	-	—	399	884	161,1	1.0	75	282
5. Беркаринская	1164	5	1159	52	255	852	—	42.9	1.6	3	90
6. Аксаринская	1219	101	1118	8	200	844	66	60.9	0,7	4	108
7. Кентская	1340	5	1335	65	760	510		26,6	2,1	3	45
8. Абралинская	1427	—	1427	—	578	849	—	40,5	1,8	10	100

Название волостей 1926 г. (в скобках указаны названия волостей года экспедиции в случаях расхождения)	Число хозяйств: ВСЕГО	В том числе: Оседлых	В том числе: Кочевых	Распределение хоз-ств по длине кочевок: I г. До 5 верст включит.	II г. Св. 5—30 верст включит.	III г. Св. 30-100 верст включит.	IV г. Св. 100 верст	Средняя длина кочевки на 1 хозяйство	Плотность населения (на 1 кв. к м.)	Амплитуда кочевания: Минимум (верст)	Максимум (верст)
9. Кзылтавская	906	15	891	4	719	168	—	23,3	0,8	1	38
10. Кедейская (Нуринская, Токраунская, Акчетавская)	2068	156	1912	115	504	912	381	66.0	0.6	2	200
11. Темирчинская	1646	20	1626	—	826	754	46	39,1	1,0	8	140
Сложные общины из хоз. разных вол.	355	—	355	—	—	174	181	106,0	—	52	158
По уезду	15595	628	14967	244	3893	6843	3987	75.6	1.1	1	282
%% к общему числу х-в	100,0	4,0	96.0	1,6	25,0	43,8	25,6	—	—	—	—
%% к числу кочующ. х-в	—	—	100,0	1,6	26,0	45,8	26,6	—	—	—	—
Семипалатинский у. (1900 г.)											
1. Кзылтанская (Айыржальск. Акботинск., Контюбекская)	2396	73	2323	78	363	897	985	108.6	0.8	3	285
2. Ленинская (Коконьская, Семитавская)	1347	96	1251	—	722	529	—	35,8	1 0	10	75
3. Краснооктябрьская (Арчалинская, Дельбегетейская)	1397	38	1359	330	1029		—	15,1	1,6	1	30
4. Досовская (Чингизская, Мукурская, Кзыладыр.)	2025	20	2005	—	35	132	1838	141,4	1,3	15	215
5. Мендешевская (Бугулинская, Чаганск.	1427	74	1353	—	92	11	1250	125.9	1,2	10	190
6 Луначарская (Кзылмуллинская, Энрикейская, Кандыгатайская)	2927	47	2890	—	914	1617	359	57,8	1,2	6	150
7. Бишкарагайская (Бишкарагайск., Сейтенев. Малыб.)	1856	11	1845	49	1603	193	—	21,8	2,4	3	55
8. Сейфулинская (Бегенев. Аккульская, Уваковская)	1287	3	1284	463	725	96	—	11,9	3,6	3	47
Сложные общины из хоз. разных вол.	999	22	977	—	—	159	818	122,0	—	45	190
По уезду	15671	384	15287	920	5483	3634	5250	73,1	1,4	1	285
%% к общему числу х-в	100,0	2,5	97,5	5 9	34,9	23.2	33,5	—	—	—	—
%% к числу кочующ. х-в	—	—	100,0	6,0	35.9	23,8	34,3	—	—	—	—
Устькаменогорский у. (1900 г.)											
1. Чарская (Чарская, Слусаринская)	1662	299	1363	164	998	201	—	17,3	2,6	1	55
2. Колбинская (Колбинская, Карабудджурская)	1314	44	1270	—	898	372	—	24,4	2,2	7	35
3. Уланская (Уланская, Аиртавская)	1949	204	1745	18	952	775	—	29,4	3,2	5	70
4. Мендешевская (Себинская, Таинтин., Таргынск.)	2335	41	2294	—	1007	1287	—	43,4	3,1	15	80

Название волостей 1926 г. (в скобках указаны названия волостей года экспедиции в случаях расхождения)	Число хозяйств: всего	В том числе: оседлых	В том числе: кочевых	Распределение хоз-ств по длине кочевок: I г. До 5 верст включит.	II г. Св. 5—30 верст включит.	III г. Св. 30-100 вер. включит.	IV г. Свыше 100 вер.	Средняя длина кочевки на 1 хозяйство	Плотность населения на 1 кв. км.	Амплитуда кочевания: минимум (верст)	Амплитуда кочевания: максимум (верст)
5. Буконьская (Буконьская, Кулуджунская)	1511	383	1124	--	—	1116	8	68,3	1,1	50	115
По уезду	8767	971	7796	182	3855	3751	8	36,2	2,2	1	115
%% к общему числу х-в	100,0	11,1	88,9	2,1	43,9	42,8	0,1	—	—	—	—
%% к числу кочующ. х-в	—	—	100,0	2,3	49,4	48,2	0,1	—	—	—	—
Бухтарминский уезд (1900 г.)											
1. Курчумо-Алтайская (Курчумская, Алтайская)	1910	132	1778	—	270	1508	—	46,2	1,8	10	75
2. Нарымская (Нарымская, Уркорская)	1529	151	1378	—	556	822	—	40,3	1,9	8	76
3. Чингистайская	1241	29	1212	—	626	586	—	37,2	1,3	13	85
По уезду	4680	312	4368	—	1452	2916	—	41,8	1,7	8	85
%% к общему числу х-в	100,0	6,7	93,3	—	31,0	62,3	—	—	—	—	—
%% к числу кочующ. х-в	—	—	100,0		33,2	66,8	—	—		—	—
Зайсанский уезд (1899 г.)											
1. Комаровская (Кальджирская, Майтерекская)	2231	244	1987	—	173	1553	261	70,0	1,0	20	150
2. Сталинская (Кендерлыкская, Черноиртышская)	2280	171	2109	160	100	1002	847	88,0	1,2	4	170
3. Нор-Зайсанская (Чоргинская, Монракская)	2154	327	1827	—	157	793	877	89,9	1,8	16	170
4. Тарбагатайская (Чиликтин., Терсанрыкская, Хабарск.)	3479	509	2970	2	1266	1632	70	38,1	1,7	5	160
5. Досовская (Базаровская, Кумгульская, Нарымская)	2656	873	1783	17	51	119	1596	145,2	1,4	2	207
6. Кульджановская, (Карабугинская, Богасовская)	2027	146	1881	22	289	1315	255	79,8	1,6	3	150
7. Кзылгасовск. (Лабинская, Аинектинская)	1970	60	1910	12	430	1468	—	52.2	1.2	5	100
По уезду	16797	2330	14467	213	2466	7882	3906	76,8	1,4	2	207
%% к общему числу х-в	100,0	13,9	86,1	1,3	14,7	46,9	23,2	—	—	—	—
%% к числу кочующ. х-в	—	—	100,0	1,5	17,0	54,5	27,0	—		—	—
По губернии	73354	5122	68232	1699	18991	29162	18380	73.4	1.4	1	285
%% к общему числу х-в	100,0	7,0	93,0	2,0	25,9	39,8	25,0	—	—	—	—
%% к числу кочующ. х-в	—	—	100,0	2,6	27,8	42,7	26,9	—	—	—	—

Таблица дает нам исчерпывающую картину состояния казакских хозяйств в отношении кочевности и оседлости, как это было в период 1897—1900 г.г. Мы не будем здесь подробно останавливаться на анализе данных таблицы, т.е. подробно рассматривать каково было положение в 1897—1900 годах, так как это слишком загромоздило бы изложение, во-первых, и не относится к нашей непосредственной теме, во-вторых. Наша задача — выяснить современное положение вопроса, а потому данные 1897—1900 г.г. мы привлечем, главным образом, в целях сравнения.

Однако, прежде чем перейти к сравнительной характеристике, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Данные таблицы № 10 сами по себе не сопоставимы с данными таблицы № 1, так как страдают некоторой неполнотой, заключающейся в следующем:

1. По Каркаралинскому уезду отсутствуют сведения по 4-м Прибалхашским волостям, так как обследования их в 1898—99 г.г. не производилось.

2. По Павлодарскому уезду за 1897 г. отсутствуют данные по Павлодарской и Алкагульской волостям.

3. По Семипалатинскому уезду за 1900 год нет данных по Советской волости, поскольку казакское население этой волости («Коростелевская степь«) перешла в административное ведение Семипалатинской губернии из бывш. Алтайской губернии лишь в 1925 году.

По остальным уездам ни одна современная волость не выпадает и данные прежние и современные вполне сравнимы.

В виду всего изложенного для приведения данных 1897—1900 г.г. и 1926 г. в сопоставимый вид пришлось сделать соответствующие исчисления, после чего мы получили такую таблицу, дающую вполне сравнимые данные в поуездных итогах и по губернии:

Таблицу № 11 см на 25 стран

Картина получается поразительная. Несмотря на сравнительно короткий промежуток времени между двумя обследованиями изменения произошли чрезвычайно резкие. Рассматривая погубернские данные [1], мы констатируем, что за время с 1897—1900 г.г. по 1926 г. произошли следующие изменения:

1. Удельный вес оседлых казакских хозяйств увеличился с 7,0% до 18,2%, т. е. более чем в 2½ раза.

2. 1-я группа кочующих хозяйств (до 5 верст включительно) по удельному весу увеличилась более чем в 5 раз — с 2,3% до 12,9%.

3. Удельный вес хозяйств, затронутых процессом оседания (оседлые—кочующие до 5 верст включительно) возрос слишком в 3 раза (с 9,3% до 31,1%).

4. Хозяйства, кочующие на ближние расстояния (свыше 5 верст и до 30 верст включительно) по своему удельному весу увеличились почти вдвое— с 25,9% до 42,6%.

5. Наоборот, удельный вес хозяйств, кочующих на средние расстояния уменьшился чуть не вдвое — с 39,8% до 23,8%.

6. Наконец, произошло огромнейшее снижение удельного веса чисто кочевых хозяйств с кочевками на дальние (свыше 100 верст) расстояния. Удельный вес этой группы уменьшился ровно в 10 раз — с 25,0% до 2,5%.

Таким образом, в распределении хозяйств по признакам кочевности и оседлости за рассматриваемый период произошла резкая, коренная пере-

[1]) Несмотря на то, что погубернские данные статистических экспедиций б. Переселенческого Управления включают сведения не за один год, а за ряд лет (1897—1900 г.г.) сравнение их с данными 1926 г. вполне допустимо, т. к. обследование 1897—1900 г.г. явилось единой статистической операцией под единым руководством и по единой программе.

Таблица № 11.

Сравнительные данные показателей оседлости и кочевности казакского населения Семипалатинской губернии, по данным статистических экспедиций 1897—1900 г.г. и демографической переписи 1926 г.

Уезды	Годы	Число хозяйств в % %: Всего	В том числе: Оседлых	В том числе: Кочевых	Распределение хозяйств (в % %) по длине кочевки: I груп. до 5 верст включит.	II груп. Свыше 5 в. до 30 в. включит.	III груп. Свыше 30 в. до 100 в. включит.	IУ груп. Свыше 100 верст	Средняя длина кочев. (в верстах)	Плотность населения (на 1 кв. км.)	Амплитуда кочевания: Минимум (верст)	Максимум (верст)
Павлодарский	1897	100,0	4.2	95.8	1,2	15,6	34,9	44,1	103,5	1.4	3	284
	1926	100,0	7,1	92,9	14.8	54,7	22,5	0,9	24.0	1.9	C.5	150
Каркаралинский	1898 1899	100.0	4.0	96.0	1.6	25,0	43.8	25,6	75.6	1,1	1	282
	1926	100.0	5,7	94.3	17.6	48,2	24,9	3,6	30,4	1.6	1	180
Семипалатинский	1900	100,0	2,5	97,5	5,9	34,9	23,2	33,5	73,1	1,4	1	235
	1926	100,0	29,9	70,1	11.9	36,4	18,8	3,0	32,7	2,0	0,5	220
Устькаменогорский	1900	100,0	11.1	88.9	2,1	43,9	42.8	0,1	36,2	2,2	1	115
	1926	100 0	22.0	78.0	17,4	40.5	20,1	—	23,2	3,8	1	100
Бухтарминский	1900	100.0	6,7	93,3	—	31,0	62.3	—	41,8	1.7	8	85
	1926	100,0	15,7	84,3	—	33.9	47,4	—	41,8	3,7	1	100
Зайсанский	1899	100,0	13.9	86,1	1.3	14.7	46.9	23.2	76.8	1,4	2	207
	1926	100,0	33,2	61,8	6.9	30.9	24,5	4,5	41,5	2,1	0,5	243
По губернии	1897 1900	100,0	7.0	93,0	2,3	25,9	39,8	25.0	73,4	1,4	1,	285
	1926	100,0	18.2	81,8	12.9	42,6	23,8	2,5	30,8	2,0	0,5	243

движка: *за счет хозяйств, кочующих на средние и дальние расстояния увеличился удельный вес хозяйств оседлых или кочующих на ближние расстояния.*

Соответственно этому более чем вдвое сократилась средняя длина кочевок по губернии: с 73,4 версты до 30,8 версты [1]).

Однако дальность кочевок уменьшилась сравнительно незначительно. В 1897—1900 г.г. наибольшая длина кочевок выражалась в 285 верст, а в 1926 году в 243 версты. Несколько подробнее остановимся на этом ниже.

Отмеченные нами выводы из сравнения погубернских данных в корне изменяют те представления об изменениях, происходящих в хозяйстве и быту казакского населения, которые имеются у некоторых исследователей казакского хозяйства [2]). Вопреки утверждению, что в казакских хозяйствах «изменения происходят не вдруг, а чрезвычайно медленно, незаметно» [3]) мы наблюдаем бурный процесс изменений, за сравнительно короткий промежуток времени.

Ошибка упомянутых исследователей об'ясняется тем предвзятым и не подкрепленным цифровыми данными и фактами экономики казакского хозяйства положением, что изменения в хозяйственных формах казакского аула происходят исключительно «под влиянием двух основных факторов внешнего характера: характера окружающей природы и постоянных изменений плотности населения». Благодаря такому представлению делается вывод, что «кочевое хозяйство и кочевой быт создаются самой природой, некоторыми своеобразными ее чертами, свойственными сухим безводным и маловодным степям» и, далее, о роли природы, что «создавая, она определяет его (хозяйства — Н. М.) размеры и формы и дает ему направление». Такая установка приводит в конце-концов к печальному заключению, что «уничтожение кочевого быта в Казакстане знаменовало бы собой не только гибель степного скотоводства и казакского хозяйства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни [4]).

Если бы все это было так, то мы вправе были бы ожидать, что те резкие изменения в формах казакского хозяйства губернии, которые мы наблюдаем в приведенных сравнительных данных, вызваны или резкими изменениями характера окружающей природы и плотности населения или же неизбежно сопровождались бы, если уж не гибелью, то полным обнищанием казакского населения губернии. Однако, нам доподлинно известно, что никаких резких природных изменений за рассматриваемый период не произошло, роль плотности населения, как говорят нам ранее приведенные цифры и их анализ (об этом скажем еще и немного ниже), не столь уж значительна. Что же касается мрачного пророчества о «гибели степного скотоводства и казакского хозяйства», то вот что говорят нам цифры по Семипалатинской губернии за последнее десятилетие [5]).

Таблицу № 12 см на 27 стр

Показатели этой таблицы в достаточной степени красноречиво свидетельствуют, что не только о гибели, но даже о каком-либо упадке казакского хозяйства не может быть речи. Если под влиянием известной разрухи, благодаря последствиям империалистической и гражданской войны, вызвавшей, между прочим, временные массовые откочевки казакского населения Семипалатинской губернии в Китай, Монголию и Семиречье, наблюдается временный упадок хозяйства, то в результате мероприятий советского

1) Между прочим в одних и тех же казакских волостях губернии 68232 кочующими хозяйствами во время годового сезона кочевок момента первого обследования (1897—1900 г.г.) пройдено в оба конца 9.994 786 верст в то время, как 103276 хозяйствами тех же волостей в 1926 году пройдено лишь 6.353.264 версты.

2) См. книгу «Казакское хоз-во в его естественно-исторических и бытовых условиях», изд. Народн. Комиссар. Землед. Казак. Авт. Соц. Респ. 1926 г. Статьи С. П. Швецова «Природа и быт Казакстана» и друг.

3) Стр. 99 названной книги.

4) Стр. 97, 104 и 105 той же книги.

5) Данные б. Семипалатинского Губстатотдела.

Таблица № 12.

Количество скота и посевов у казакского населения Семипалатинской губернии за период 1916—1927 г.г.

ГОДЫ	СКОТ: Число голов всего скота (в тыс.)	СКОТ: В среднем на 1 хоз. (в головах)	СКОТ: В процентах к 1916 г.	ПОСЕВЫ: Число десят. всего посева (в тысяч.)	ПОСЕВЫ: В среднем на 1 хоз. (в десят.)	ПОСЕВЫ: В процентах к 1916 г.
1916	4289	35	100	114	0,92	100
1920	1696	15	43	100	0,88	95
1921	1170	11	31	56	0,52	57
1922	953	9	26	47	0,43	47
1923	1466	16	46	39	0,41	45
1924	2098	22	63	40	0,42	46
1925	4720	39	111	77	0,63	68
1926	5593	44	126	105	0,83	90
1927	6375	42	120	144	0,96	104

правительства (отмена системы разверсток, введение новой экономической политики) примерно с 1922-23 года вновь происходит быстрый рост хозяйственного благосостояния казакского населения. И не природные условия, не изменение плотности населения, а вся сумма дальнейших мероприятий советской власти в Казакстане (создание и укрепление местного бюджета, широкое развертывание товаро-проводящей сети и регулирование экономической деятельности казакского населения, развитие культурно-просветительной деятельности в ауле, в том числе создание ряда культурных пунктов в казакской степи, улучшения в области сельского хозяйства и многое другое) — мероприятий по поднятию устойчивости кочевого хозяйства, зачастую даже совершенно сознательно направленных на то, чтобы сократить необходимость кочеваний и радиус их — все это дает в результате совершенно определенную картину: *мы являемся свидетелями того факта, что чрезвычайно резкое изменение бытового и хозяйственного уклада казакского населения губернии за период с 1897—1900 г.г. до 1926 г., выразившееся в крайнем сокращении средней длины кочевки и перемещения центра тяжести удельного веса казакских хозяйств от кочующих на средние и дальние расстояния в сторону хозяйств полукочевых и оседлых, сопровождалось превышением показателей экономической мощности казакского населения в 1926-27 г.г. над такими же показателями дореволюционного (1916 г.) времени.*

Таковы краткие выводы из рассмотрения погубернских показателей оседлости и кочевности за период с 1897—1900 г.г. до 1926 года.

Обращаясь к поуездным данным той же таблицы № 11, мы видим, что в основном те выводы, которые мы сделали в отношении погубернских показателей, совпадают и по отдельным уездам. Действительно, по каждому уезду ряды показателей 1926 г. превышают соответствующие показатели 1897—1900 г.г. вплоть до III группы (кочующих свыше 30 в. до 100 в. включительно). А с III группы показатели 1926 г. уже снижаются и в особенности резко в IV группе — чисто кочевых хозяйств. Точно также резко снижаются и показатели средней длины кочевок. Разница лишь в том, что в некоторых уездах снижение и повышение выражено более сильно, в других слабее. Несколько особняком стоит Бухтарминский уезд. Здесь лишь сильно увеличился удельный вес оседлых хозяйств за счет, главным образом, кочующих на средние (а в условиях Бухтарминского уезда являющихся дальними) расстояния. В остальном данные 1900 г. и 1926 г. дают большое сходство, а показатели средней длины кочевки дают полное совпадение (41,8 в. и 41,8 в.). Здесь, несомненно, сказывается не раз нами уже упоминавшийся резко выра-

женный в Бухтарминском уезде характер вертикального кочевания. Это подтверждается также поволостными данными. Из 3-х волостей Бухтарминского уезда лишь одна Нарымская волость дает снижение средней длины кочевки в 1926 г. против 1900 г. (с 40,3 в. до 21,9 в.). В ней же наблюдается наибольшее количество оседлых хозяйств и наиболее развито земледелие на орошаемых площадях обширной Нарымской долины. Вследствие такого характера Бухтарминского уезда он, на-ряду с Павлодарским и Каркаралинским уездом по данным таблицы 11 подтверждает ранее сделанную нами характеристику этих трех уездов, как наименее поддающихся процессу оседания.

Чтобы покончить с вопросом о влиянии плотности населения на кочевность, сделаем несколько замечаний о показателях плотности населения таблицы № 11. Хотя из данных таблицы мы и усматриваем некоторую тенденцию зависимости между плотностью населения и кочевностью, т. е. что с увеличением показателей плотности населения, показатели кочевности уменьшаются, но поуездные данные говорят, что ни в коем случае эту зависимость не нужно считать за непреложный закон. Так, наибольшее увеличение плотности населения дает тот же Бухтарминский уезд. Между тем он по кочевности является наиболее стабильным. Точно также нет последовательного совпадения этой зависимости и по другим уездам.

Наконец, остановимся несколько на дальности кочевания. Здесь мы не видим изменений в одном направлении. В то время, как Павлодарский и Каркаралинский уезды дают сильное снижение максимальной длины кочевой линии — первый уезд с 284 верст до 150, а второй с 282 до 180 верст — показатели уездов Семипалатинского и Усткаменогорского снижаются незначительно (ср. 285 и 220, 115 и 100), а Бухтарминского и Зайсанского даже увеличиваются. Последнее станет для нас понятно, если мы обратимся к соответствующим фактам. Так, в № 48—52 журнала «Сибирские вопросы» за 1908 г. в заметке «Безвыходное положение» (стр. 139—140) мы читаем:

«Из Киргизской степи не перестают раздаваться жалобы на неправильное занятие необходимых для киргиз (т. е. казаков — *Н. М.*) угодий под переселенческие участки. Некоторые случаи поражают своей остротой. Напр., *в Зайсанском* у. находится Черно-Иртышская волость с 1365 кибитками, которые в течение 9 месяцев занимают на левом берегу Иртыша очень ограниченное количество земли, до такой степени, что до 500 кибиток располагаются на зимовые пастбища в песках, среди голых сопок, почти без питьевой воды, так что скот этих киргиз на зиму переправляется в соседние китайские пределы за особую плату. Остальные 900 кибиток располагаются на небольшом участке пространством в 15 на 20 в. Тут и хлебопахотные участки и прокармливается до 80 тыс. скота, — и вот в такой-то тесноте решено было нарезать два переселенческих участка с уплатой киргизам 12 тыс. рублей (по оценке очень низкой).

Летом киргизы отсюда перекочевывают на Алтай по особо выделенной полосе. Но теперь оказалось, что и на летовки кригизам нельзя передвигаться, так как там отведены участки для переселенцев и уже заняты ими, на самых же летовках для переселенцев нарезано три участка, а лесной район отмежован в дачи казны.

10 сентября 1908 г. комиссия по переселенческим делам оставшиеся летовки упомянутых киргиз передала киргизам 4 волостей Усть-каменогорского уезда (речь идет о теперешних волостях *Бухтарминского уезда — Н. М.*), а для киргиз Черно-Иртышской и др. трех волостей предназначила летовки Чингистайской волости, переведенной для летовок на Алтай. Но как могут поместиться 5 тыс. кибиток там, где раньше помещались только сотни? *Кроме того, новые летовки дальше прежних на 100 верст*, так что придется перекочевывать на узкой полосе до 300 в. Да разве хватит подножного корма на этой полосе для сотни тысяч скота, который может делать через сутки две дневки, передвигаясь в сутки по 10 верст?..».

(Курсив везде наш — *Н. М.*).

Мы не сомневаемся, что подобные факты, когда выдел чиновниками царского правительства из состава кочевых казакских земель переселенческих участков под земледелие сопровождался удлинением кочевых путей не переходящего на оседлость казакского населения, не были единичными, в особенности в уездах с сильно пересеченной горной местностью какими являются Зайсанский, Бухтарминский, а также Устькаменгорский уезды. О вредных последствиях такого факта «процесса изменения» казакского хозяйства много говорить не приходится.

По причинам, указанным уже нами ранее, мы не останавливаемся на рассмотрении сравнительных данных по отдельным уездам *в поволостном разрезе*, хотя они и представляют, как мы уже говорили, значительный местный интерес.

V.

В заключение необходимо кратко остановиться на значении разобранных нами особенностей казакского аула в деле практического использования изложенных данных и сделанных некоторых выводов при проведении тех или иных мероприятий в области реорганизации казакского хозяйства, возможностей и задач придания устойчивости существующим его формам и решения вопросов о дальнейшем его направлении, а также применения их при практической советской, партийной и общественной работе в ауле.

Не приходится сомневаться, что тщательное изучение вопросов кочевности и оседлости казакских хозяйств и углубленный анализ приведенных нами данных может и должен оказать огромную помощь каждому работнику, соприкасающемуся с казакским аулом и проводящему в нем ту или иную повседневную советскую, партийную и общественную работу.

Если мы коснемся вопросов реорганизации казакского хозяйства, то, естественно, что весь план работы должен учитывать хозяйственно-бытовые особенности казакского аула с тем, чтобы предпринимаемые мероприятия дали наилучший эффект. Эти мероприятия по отношению к оседлому или переходящему на оседлость населению будут совершенно отличны от мероприятий в кочевых районах. В превом случае они не должны сильно различаться от мероприятий, предпринимаемых с целью развития и укрепления хозяйства русского и проч. неказакского населения края, т. е. иными словами должны иметь в виду вложение капиталов, дающих эффект в развитии интенсивного земледелия. Напротив, во втором случае вся система мероприятий направляется в сторону интенсификации скотоводческого хозяйства. При этом, в отношении кочующих на ближние расстояния, приближающихся к типу полу-оседлых хозяйств, мероприятия должны предусматривать также большое тяготение этой группы хозяйств в сторону земледелия, т. е. должны учитывать земледельческо-скотоводческое их направление. В отношении групп хозяйств, кочующих на средние расстояния, как имеющих направление скотоводческо - земледельческое, превалируют уже мероприятия, направленные на развитие, поддержание и укрепление скотоводства.

Наконец, последня группа — кочующих на дальние расстояния — группа, которую можно считать чисто-кочевой, требует преимущественно мероприятий, связанных с улучшением и укреплением скотоводства. Последние две группы, как наиболее подверженные влиянию джута, требуют особенного внимания в планах мероприятий по борьбе с этим стихийным бедствием.

Опубликовываемые нами данные предоставляют полную возможность ориентироваться — в каких районах (уездах, волостях) те или иные мероприятия дадут наилучшие результаты и каков удельный вес их должен быть принят в расчет при планировании работ.

Точно также, напр., в области мероприятий по землеустройству публикуемые данные принесут большую пользу, как позволяющие иметь первую основную ориентировку в особенностях хозяйственного быта и уклада казакского аула и первую наметку количественного и качественного установления норм земельного обеспечения, необходимых для упорядочения земельных отношений, правильного ведения хозяйства в дальнейшем и придания казакскому хозяйству устойчивости.

В отношении советско-партийной и общественной работы в ауле наши данные также должны оказать большую помощь каждому практическому работнику. Особенности казакского аула, связанные с кочевым или полукочевым образом жизни, создают специфические условия, отличающие казакский аул от русской деревни и требующие особых методов работы в нем. Вместе с тем надо различать казакский аул чисто-кочевых районов от казакского аула оседлых и полукочевых районов, так как между ними большая разница как в темпе изживания патриархально-родовых отношений, с одной стороны, так и в степени влияния торгово-ростовщического капитала с другой. Наши данные, конкретизирующие особенности аула, позволят, применительно к этим особенностям, практически приспособлять методы работы в условиях аула, так как дают детальное представление о количественном и удельном весе всех указанных групп на всей территории губернии.

Большую практическую пользу принесут наши данные и в работе по построению и развитию сети различных социально-культурных мероприятий в ауле. В области народного образования они дадут возможность наметить распределение различного типа культурно-просветительных учреждений, применительно к хозяйственно-бытовым особенностям того или иного района. Точно также позволят ориентироваться в каких районах целесообразнее устанавливать стационарный тип лечебных учреждений и где необходимо применить передвижной, как в области народного здравоохранения, так и в области ветеринарной помощи.

Торговым и кооперативным организациям эта конкретизация особенностей аула также окажет существеннейшую помощь при развитии и укреплении своей сети.

И т. д., и т. д.

Таким образом, при правильном анализе и использовании, приведенные нами данные и выводы по вопросам оседлости и кочевности казакского населения, как особенностей казакского аула, должны принести несомненную пользу каждому, соприкасающемуся в своей деятельности с казакским аулом.

Схематическая
карта
казакских волостей
Семипалатинской губернии
по административному делению 1926 г.
масштаб в дюйме 60 верст
Условные знаки
Границы уездов
„ казакских волостей
Территория занятая оседлым населением
Леса
тир. 600 экз. Лито №328
отпечатано на стеклографе СемОСО
Семипалатинск
Павлодар
Павлодарская
Аккульская
Алкагульская
Урлютюбская
Уруковская
Марал-динская
Бишкарагайская
Ачсуйская
Кзылтавская
Чидертинская
Калмык-курганская
Сейфулинская
Кзылтанская
Аккелинская
Эдрейская
Ленинская
Кувская
Аксаринская
Баурская
Дегеленская
Чаганская
Красно-октябрьская
Уланская
Таргынская
Чарская
Колбинская
Бухтарминская
Нарымская
Курчум-Алтайская
Чингистайская
Чингизская
Луначарская
Беркаринская
Тамерчинская
Каркаралинская
Кентская
Абралинская
Кзылтавская
Катон-Балнашская
Чубартавская
Дегендельская
Кзылтасовская
Баспан-базаровская
Нарымская
Нор-Зайсанская
Сталинская
Зайсан
Тарбагатайская
Чатская

Приложение I.

Литература.

1. **Бенкевич В.** „Киргизское степное скотоводство и меры к его улучшению" „Записки Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. Русск. Географического О-ва„. Вып. I. Семипалатинск 1903 г.
2. **Клеменц Д.** «Заметки о кочевом быте». «Сибирские вопросы № 49—52, 1908 г.».
3. **„Материалы по Киргизскому Землепользованию"** 1 Павлодарский уезд. 2. Каркаралинский уезд. 3. Семипалатинский уезд. 4. Устькаменогорский уезд. 5. Зайсанский уезд. Изд Переселенческого Управления, Главн. Упр. Земледел. и Землеустр. СПБ—1909 и др. года.
4. **Соколовский В. Г.** «Казакский аул» Изд. Ц. С. У. Каз. АССР. 1926 г.
5. **М. В.** «Опыт теоретической характеристики социально экономической структуры аула». «Красный Казакстан» № 1—май 1926 г. Изд. Казкрайкома ВКП (б).
6. **Полочанский Е. А.** „За новый аул-кстау". Изд. Казпредставительства, Москва, 1926 года.
7. „Казакское хоз-во в его естественно-исторических и бытовых условиях". Изд. Казнаркомзем'а 1926 г.
8. **Тогжанов.** „О казакском ауле". Изд КазГИЗ'а, год неизв.

Приложение II.

СПИСОК

казакских волостей б. Семипалатинской губернии, вошедших в тот или иной район и округ при районировании Казакстана в 1928 г.

Семипалатинский округ.

Название волостей.	Название районов.
Бишкарагайская—1, 2 и 3 а/сов. Сейфуллинская	Бишкарагайский
Советская	Бельагачский
Уланская Мендешевская	Уланский
Чарская Колбинская Луначарская Дельбегатейский с/с. Краснооктяб.	Джарминский
Краснооктябрьская без Дельбег. с/с. Ленинская	Жана-Семейский
Чаганская Чингизская	Чингиставский
Кзылтанская	Кзылтанский
Чингистайская	Чингистайский
Нарымская, Бух. у. Курчум-Алтайская Буконьская 4 и 5 аулов Дарственной (б. Комаров.) 4-й а/сов. Нарынской, Зайсан. уез.	Курчумский
Дарственная, (б. Комаровская) 1, 2 и 3 а/сов.	Маркакульский
Сталинская 2 и 3 а с., Нор-Зайсанской 1-й а/с. Тарбагатайской	Зайсанский
Тарбагатайская без 1 а/с. Нор-Зайсанская без 2 и 3 а/с. Нарынская 5 а/с	Тарбагатайский
Нарынская без 4 и 5 а/с. Кзылтасовская Баспан-Базаровская	Кзылтасовский

Прирезка. б. Джетысуйской губернии, вошедшая в Семипалатинский округ.

Название волостей	Название районов
Маканчинская Каракольская без Беспакан-Егенсуйского а/совета	Маканчинский
Аягузская Бесбакан-Егенсуйский а/с. Маканчинской	Аягузский

Павлодарский округ.

Название волостей.	Название районов.
Кзылагачевская Аккульская присоед. из Акм. г. часть Бастындык-Гусской	Кзылагачевский
Кзылтавская Калмак-Карганская Баянаульская Чидертинская Аккелинская	Баянаульский
Теренгульская Уруковская без 1 и 3 а/с	Теренгульский
Бишкарагайская 4, 5, 6, 7, 8 и 9 а/с. Маралдинская 1 и 3 а/сов. Уруковской	Сейтеневский
Алкагульская Павлодарская Аксуйская	Павлодарский

Каркаралинский округ.

Название волостей.	Название районов.
Эдрейская Мендешевская Баурская 1, 2, 3 и 4 а.с.	Кувский
Абралинская Дегеленская Баурская 5, 6 и 7 а/с. Темирчинская 6 й а/с.	Абралинский
Аксаринская без 1 а/с.	Аксаринский
Кентская Беркаринская Темерчинская без 6 а/с. 1-й а/с Аксаринской	Беркаринский
Чубартавская Дегондельская	Чубартавский
Катон-Балхашская Келейская 1, 2, 3 и 4 а/с.	Балхашский
Четская (без б. Сарыбулакской) Кедейская 5, 6, 7, 8, 9 и 10 а/с. Кзылтавская	Четский

Приложение III

Перечень крупнейших летовочных пространств б. Семипалатинской губернии.

I. Павлодарский округ.

1. **Ур. Такыр**. Вокруг озера того же наименования. Находится на территории Маралдинской волости. Используется почти исключительно маралдинцами и в незначительной части Уруковцами.

2. **Ур. Маралды**— по берегам озера того же наименования. Расположено в Маралдинской волости и используется исключительно маралдинцами.

3. **Ур. Джалоулы**—при озере того же наименования, на территории Аккульской волости. Используется преимущественно казаками Аккульской волости и отчасти Кзыл-Агачской.

4. **Ур. Чидерты**—тянется вдоль рек Чидерты и Уленты; расположено на территории Кзылтавской и Чидертинской волостей, частично захватывая Аккульскую. Используется Кзылтавцами, Чидертинцами, Аккульцами и частично калмык-карганцами.

II. Каркаралинский округ.

1. **Матак**—около озера Кара-Сор, за пос. Уральским. Длина около 100 верст и ширина 40-50 верст. Находится на территории Аксаринской волости и кроме жителей этой волости используется казаками Каркаралинского юртового надела и в очень незначительной мере Мендешевцами.

2. **Талды**— по реке того же наименования в пределах Кентской волости. Используется исключительно казаками этой волости.

3. **Мейзек** и **Сюрели**— около горы Мейзек на стыке границ Абралинской, Дегеленской, Темерчинской и Дегондельской волостей. Используется преимущественно Дегеленцами и Абралинцами и в небольшой части Темерчинцами.

4. **Акбастау**—около гор того же наименования, на юге Дегеленской волости в 45 верстах от гор. Мейзек. Используется исключительно Дегеленцами.

5. **Ушгора и Бакан-с** в 60 верстах от горы. Мейзек в северной части Дегондельской волости и на всем протяжении реки Баканас. Используется Дегондельцами—(Кар-уезда), а также мендешевцами и досовцами (Семуезда) и отчасти казаками Лепсинского уезда Джетысуйской губернии.

6. **Нура и Токраун**. Самый крупный массив джайляу, расположенный в системе рек указанных наименований, в пределах Кедейской и Кзылтавской волостей. Кроме казаков этих двух волостей используется еще Катон-Балхашцами и темерчинцами (частью).

7. **Тай-Аткан-чунак** в пределах Четской волости, кроме казаков этой волости, обслуживает частично перекочевывающих из Акмолинской губернии.

8. **Куянды**—в районе пикета того же наименования, на территории Мендешевской волости, используется исключительно Мендешевцами.

III. Семипалатинский округ.

1. **Кайракты**—на границе Семипалатинского и Зайсанского уездов протяжением около 30 вер. обслуживает Луначарскую волость, Семуезда и частично Кзылтасовскую и Баспан-базаровскую волости Зайсанского уезда.

2. **Коксынгыр, Каршгалы, Алтаут** и **Арчалы** – смежные урочища, имеющие в общей сложности около 25 верст. Находятся на территории и используются казаками исключительно Чаганской волости.

3. **Чемамбай** к северо-востоку от Черновой, Березовки и Уруля; занимает все пространство между лесными массивами и располагается в долинах и по склонам гор. Используется исключительно казаками Чингистайской волости.

4. (Название неизвестно) расположено между селениями Бактемировым, Сасяу и Варваринским, на правом берегу реки Иртыша горное плато изрезанное сопками представляет собою разорванный массив летовочных площадей, используется казаками Нарымской и Курчум-Алтайской волостей.

5. **Алтай** (урочище Саратау, Саскайнай, Карагаш, Май-Копчегай, Салкы—Чоку) Длиною примерно 80-100 верст и шириной 25-30 верст Массив расположен на севере Комаровской волости и граничит: с севера — р. Курчум, с востока озеро Маркакуль, с юга—русские поселки Кзылаши и Горное и с запада—поселок Калгутты. Используется населением Комаровской волости и половины (1-й и 2-й аулсовет) Сталинской волости.

6. **Саур**—длиною примерно 80-100 верст и шириною 60-80 верст. Массив расположен на юге Сталинской волости и граничит: с юга и востока—Западный Китай и Монголия, с севера пос. Кендерлык и В.-Джеменей, с запада р. Уйдене—Используется населением Сталинской (3-й и 4-й а-сов.) и Нор-Зайсанской (3-й а-сов) волостей.

7. **Тарбагатай** — длина массива 300-320 верст, ширина 40-60 верст. Массив расположен на юге Зайсанского уезда вдоль границ с Западным Китаем, Лепсинским и Сергиопольским уездами Джетысуйской губернии и Семипалатинским уездом. Захватывает в южной их части территории Тарбагатайской, Досовской, Кульджановской и Кзылтасовской волостей, Зайсанского уезда и используется в соответствующих границам долях, населением означенных волостей.

Н. А. ЛОГУТОВ.

Очерк родового быта казаков и распределение основных казакских родов на территории быв. Семипалатинской губернии.

1. Краткая историческая справка.

В начале второго тысячелетия то, что теперь этнически представляет единое целое казакский народ, являлось рядом совершенно обособленных друг от друга монгольских и тюркских кочевых племен. Необходимость постоянного приспособления к своеобразным условиям кочевой жизни выработала у этих кочевников целый ряд навыков, а также и своеобразную дисциплину, позволявшую, с одной стороны, быстро их об'единять и приводить в движение, с другой стороны—способствовавшую в то же время и рассеиванию их. Великий кочевник-завоеватель Чингис-хан могучим потоком движения своих орд на запад в начале 13 столетия поглотил эти, встретившиеся ему на пути, племена и включил их в состав Золотой Орды. Менее талантливые преемники Чингис-хана не сумели ассимилировать победителей с побежденными, а поэтому, разнородный состав орды, постоянные поборы и борьба за власть давали богатую пищу для внутренней анархии, приведшей в конце-концов к полному развалу Золотую Орду и способствовавшей об'единению отдельных племен и созданию народов, в том числе и казакского.

Антропологический тип казакского народа, как такового, до сего времени не установлен, поэтому историки рассматривают его как конгломерат отдельных племен, об'единяя их по лингвинистическому признаку в одну группу тюрко-монголов. Так как образование этого конгломерата племен происходило в течение длительного периода времени, то вполне понятно, что историей не зафиксировано определенной даты возникновения казакского народа и вообще этот вопрос до сего времени окончательно не разрешен, примерно же, окончательная группировка племен и образование казакского ханстава относятся к началу 15 века, так как уже в 1456 году десятки тысяч казаков, во главе с султанами Гиреем и Джаныбеком, из рода Джучи, недовольные улусным (удельным) ханом Шейбакидова улуса Золотой Орды Абулхаиром (узбекским), отделились от, составлявших ядро этого улуса, узбеков и ушли к границе Монголистана. Там они нашли приют у хана Иса-Буга, поселились в западной части его владений (в бассейне р. Чу и южной части Семиречья) и как бы признали его своим сюзереном.

К концу 15 века, благодаря почти беспрерывному притоку новых племен, недовольных правителями Шейбакидова и Джегатайского улусов Золотой Орды, казакское ханство насчитывало уже более миллиона человек, занимало территорию от оз. Балхаш до Урала и лишь формально зависело от Могулистана и затем снова Золотой Орды. Этот период, до половины 16 века, был особенно беспокойным в истории только что образовавшегося казакского народа. Почти постоянные войны, то междусобные, то с соседними ханствами Золотой Орды и Могулистаном, то с башкирами и калмыкам на севере, то с Бухарой и Ташкентом на юге, являлись бурными шквалами истории, которые, то укрепляли, то колебали могущество казаков, пока, наконец, не довели каза-

ское ханство до такого состояния, что историки того времен считали казакский народ совсем исчезнувшим. Однако упомянутые выше организационные способности, подкрепленные неуклонным стремлением к об'единению, помогли казакам быстро оправиться от пережитых потрясений и уже во второй половине 16 века они опять сделались опасными соседями для окружающих народов, а конец 16-го и начало 17-го веков необходимо считать наивысшим расцветом казакского ханства. Начиная с 1588 г. хан Тауэкель завоевывает „все места до Ходжента", в 1597 г. овладевает Ферганой и Самаркандом, осаждает Бухару, а в 1598 г. занимает Ташкент, который и остается под властью казаков до 1728 г. Однако это благополучие казакского народа продолжалось недолго. С 1620 г. начинаются кровопролитные и неудачные для казаков столкновения с калмыками, которые, об'единившись к 1630 г. с джунгарами и торгаутами, образуют одно сильное Джунгарское царство и заканчивают свое поступательное движение на юго-запад историческим разгромом казаков в 1723 г., после которого одна часть их (Средняя и Младшая Орды) откочевала сначала к Самарканду, Хиве и Бухаре, а затем, не найдя здесь пастбищ для скота, продвинулась на север и северо-запад вплоть до берегов Урала другая же часть (Средняя Орда) откочевала к Ходженту, где и осталась подпав, наконец, под полное господство джунгар. Этот разгром известен в истории под названием: „Актабан-Чубрынды Алка-коль сулама".

Избежав печальной участи своих собратьев, казаки ушедшие к Уралу все же не чувствовали себя в безопасности т. к. Джунгарское царство не покидало мысли о подчинении всего казакского народа, дорога же вперед, за Урал, в Россию была загорожена Яицкой казачьей пограничной линией; к тому же не дремали, конечно, всегда готовые отомстить за старое, и ближайшие соседи казаков—узбеки, башкиры и проч. Очевидно единственным выходом из этого положения—было обратиться за помощью к России, что казаки и сделали, встав около 1730 г. на путь мирных сношений с Россией, прося у ней надлежащей поддержки и обещая за это полную покорность. Зачинщиком в этом деле явились ханы Младшей Орды Абулхаир и Смеке, которые вместе с 56 родоначальниками, биями (судьи) и батырями (военачальники) в августе 1738 года приняли в г. Оренбурге присягу на верность и подданство России.

Только в 1757 г., после уничтожения, в буквальном смысле слова, Джунгарского царства китайцами, остальная часть казаков освободилась от их владычества, а весь казакский народ от постоянной угрозы полного порабощения, но зато к этому времени с северо-запада, севера и северо-востока крепким кольцом крепостей и военных постов территорию занятую казаками охватила Россия. Вслед за почином Младшей Орды, Старшая и Средняя Орды также начали сравнительно мирным путем, переходить в Российское подданство, сначала только формально, а затем к началу 19 века и фактически. К этому времени, когда то грозный, казакский союз племен—родов окончательно распался, а Русское законодательство о казаках 1822 и 1868 г. г. положило конец и казакскому самоуправлению. Власть ханов была упразднена, казаки были разделены уже не по родовым признакам, а по территориальным, а управление ими было поручено хотя и „начальникам из казаков", но ставленникам Русского правительства, настойчиво проводившим в жизнь его виды на казаков. Постепенно были отняты и эти последние привиллегии. Областями и уездами стали управлять русские чиновники, а самое важное для кочевников казаков—земли, занятые кочевьями, были национализированы царским правительством России и об'явлены государственной собственностью. Тяжелый гнет колониальной политики России, а также

бесцеремонное предательство казакских ханов, вызывали, вплоть до 1917 г., неоднократные возмущения массы казакского народа (Кенесары Касымова, Сарыма. Датова, „Аул“, восстание 1916 г. и др.) но, благодаря их стихийности и неорганизованности эти возмущения быстро и жестоко подавлялись и лишь ухудшали положение казакского народа до Октябрьской революции.

2. Образование рода и его структура.

„По „хорошему тону“ степи, неприлично почетному казаку не знать своих „ семи отцов“—пишет Румянцев. Мы скажем, больше: —казак не знающий своей родословной до предка в 7-м колене —редкое исключение, а казака, который бы не знал к какому роду вообще он принадлежит, пожалуй, в степи и не найти.

Весь казакский народ делится на три Орды („джуз“)—Старшую, (Улы-джуз) среднюю (Орта джуз) и Младшую (Кши-джуз), по времени их образования. Казакские предания приписывают разделение народа на три орды хану Хакк-Назару (ум. в 1580 г.), казакские же историки говорят, что деление на орды более древнего происхождения и об‘ясняют его условиями образования союза племен, положивших начало казакскому народу и влившихся в союз из различных улусов Золотой Орды. Хан же Хакк-Назар в 60-х годах 16 го столетия лишь урегулировал и закрепил взаимоотношения между ордами и положил в лице Союза трех орд („Уш-джуз“) начало единому политическому целому казакского народа. Дальнейшее же сохранение деления на орды об‘ясняется невозможностью совместного кочевания всей массы казаков и, следовательно, необходимостью так или иначе распределить необ‘ятный и в то же время скудный пастбищами простор казакских степей между отдельными племенами, а так же и в целях удобства администрирования.

Характерной особенностью Союза орд являлось то, что не только отдельные орды, но и входившие в состав их крупные родовые об‘единения в обычной обстановке имели самостоятельные политические права и выступали как обособленное целое без всякой связи с другими родовыми группами и только в случаях особой важности, касавшихся судьбы всего казакского народа они об‘единялись в единый мощный Союз.

Отдельные. вошедшие в состав Казакского Союза, племена распределились по ордам следующим образом:

Племя Уйсын, которое одни историки относят к тюркам, другие к арийцам, Монгольское племя Джалаир и тюркское племя Канлы образовали Старшую Орду; Монгольские племена Аргын, Найман, Керей и Конрат, тюркское племя Кипчак и разнородное по составу племя Уак образовали Среднюю Орду и, наконец, тюркские племена Алчин, Каракисек и Джетыру образовали Младшую Орду.

Названия всех перечисленных выше племен сохранились среди казаков и до настоящего времени, но уже не как определения отдельных племен, а как названия основных казакских родов на которые и сейчас делится вся масса казакского народа. Современный казакский родовой строй далеко не является тем первобытным родовым Союзом, который присущь первым ступеням развития человеческого общества и который характеризуется отсутствием в нем частной собственности и наличием, несовершенного, правда, первобытного родового коммунизма это лишь сохранившийся своеобразный пережиток тех общественных взаимоотношений, которые имели место у указанных выше племен в период их об‘единения. В отношении же самого перехода от отдельных племен к современным, основным казакским родам необходимо отметить следующее положение: примерно на 20-м -25-м поколении, считая от современного, каждая казакская родослов-

ная приводит к „родоначальнику" отдельного рода т. е. к Аргыну, Найману. Уйсуну и проч. при чем, вся масса казакского населения в полной уверенности, что в свое время Аргын, Найман и прочие существовали как физические лица.

Однако если мы примем средний интервал времени перехода от поколения к поколению в 25--30 лет, то получается, что все родоначальники основных казакских родов жили примерно в одно время 500 600 лет тому назад, т. е. как раз в период об'единения племен в Союз и постепенного образования казакского народа. История же этих племен до их слияния говорит, что все они существовали гораздо раньше, во всяком случае не меньше тысячи лет тому назад, а некоторые из них даже до начала современного летосчисления и существовали именно как отдельные племена под приведенными выше названиями.

Такая невязка об'ясняется тем, что в основу современной казакской генеалогии легли не названия отдельных физических лиц, а названия племен, память о которых в народной массе постепенно исчезла, названия же претворились в физических лиц. Такое положение тем более понятно, что постоянное стремление найти об'яснение собственному национальному имени „казак", происхождение которого, кстати сказать, до сего времени точно не установлено и вызывает у историков различные толкования, а также насущная во времена образования казакского народа необходимость именно генеалогически причислить себя к обширной семье тюркских и монгольских народов и найти свое место среди них, породило целый ряд легенд и родословных пытающихся, как основные казакские роды, так и соседние родственные народы,—узбеков, каракалпаков, киргиз, ногайцев, калмыков и проч., привести к одному общему предку. Это стремление в свое время подкреплялось, кроме того и чисто политическими соображениями, т. к некоторым казакским ханам (наприм., Тауке хану), помимо казаков, подчинялись и каракалпаки и узбеки и киргизы.

Кроме сказанного, претворению в народном сознании названий племен в названия современных „родоначальников" способствовало еще и то обстоятельство, что в период об'единения племена, вследствие сравнительной малочисленности населения, не дробились внутри, а составляли одну родовую общину, которая как в пределах данного племени, так и среди соседних племен имела одно название. По мере размножения эта община начала дробиться на группы которые принимали названия по имени их старейших руководителей так как они являлись полновластными вершителями судеб этих групп при сношениях с соседями, а поэтому вполне понятно, что поскольку одно лицо представляло во внешнем мире целый общественный организм, до этого не имевший своего особого названия, этот организм и отождествлялся с именем его представителя. Для того же чтобы сохранять родственную связь между группами, образовавшимися внутри каждого отдельного племени, старейшины - руководители групп, а также и их преемники, вполне понятно были заинтересованы в сохранении прежнего общего названия племени, но так как племя уже находилось в процессе об'единения с другими племенами и следовательно свою самостоятельность постепенно теряло, то наиболее удобным способом сохранения этого названия являлось отождествление названия племени с названием родоначальника вновь образовавшихся родовых групп.

Таким образом и получилось, что напр. у Аргына было три сына (по нашему племя Аргын первоначально разделилось на 3 отдельных родовых группы), у Наймана 3 сына и т. д. эти „сыновья" — группы

делились в свою очередь, -так и создалось то генеалогическое дерево, которое и в данное время фигурирует в повседневном быту казака.

Так как все казакские легенды и родословные передавались и передаются в народной массе устно, при чем, конечно, неизбежны и запамятования и путаницы и участие известной доли фантазии а кроме того, еще естественная генеалогическая стройность зачастую нарушалась искусственно и приносилась в жертву политическим и экономическим интересам отдельных родовых групп, то вполне понятно почему в данное время можно встретить массу самых различных вариантов этих родословных, особенно в увязке первых поколений.

В приложении приводится один из вариантов такого рода родословной, записанный автором в Зайсанском районе Семипалатинского округа и являющийся наиболее подробным из встречавшихся автору, как в печати, так и в устных передачах казакских знатоков. Характерной особенностью этих родословных является то, что они об'единяют не только монгольские, но и тюркские племена.

Дробление внутри племен или, как мы их будем называть дальше, основных родов на отдельные родовые группы происходит все время по мере смены поколений и увеличения численности населения, при чем, каждая крупная группа дробится на более мелкую, последняя дробится в свою очередь и так до самой мелкой родовой ячейки (аула), которая является своего рода первоначальным общественным об'единением.

Каждая такая мелкая родовая ячейка обязательно имеет свое название, обычно по имени своего живого руководителя (Аксакала), но иногда и по названию занимаемой ею местности или умершего аксакала из ближайшего поколения. Более же крупные родовые группы, за весьма редкими исключениями, называются по именам предков поколение которых в них входит.

Несмотря на кажущийся простор для таких родовых об'единений и группировок по всем ступеням генеалогической лестницы, существует, правда иногда практически трудно уловимый для постороннего наблюдателя, но, более или менее, определенный предел дальше которого эти об'единения не идут, поэтому весьма ошибочно мнение некоторых исследователей, считающих что любое имя по всей казакской родословной обозначает какую то реальную родовую группу, включающую в себя известное число первичных об'единений.

Обычными и основными об'единениями, имеющими значение в общественных взаимоотношениях как внутри рода так и вне его, в зависимости от степени важности того или иного события, являются следующие:

1. Первичная родовая ячейка (аул-кстау для имеющих зимние жилые постройки и пастушеский аул для кочующих круглый год).

2. Земельно-родовая община, об'единяющая несколько родственных между собой первичных родовых ячеек по признаку единства занимаемой ими и обособленной от других общин территории (хозяйственный аул).

3. Об'единение по предку в 7-м колене.

4. Род об'единявший казакское население в первоначальных, после перехода в русское подданство, административных единицах— волостях.

5. Первые поколения основного рода, служащие первым этапом дробления его.

6. Основной род, являющийся своебразным многоэтажным социальным организмом, в котором меньшие группы концентрически входят в большие.

И, наконец, немалое значение в общественных взаимоотношениях имеет различие по старшинству как между ордами, так и входящими в них основными родами. Самый младший род Старшей Орды всегда имел и имеет преимущество над старшим родом Средней Орды и т. д. Самым старшим родом у казаков считается род Джалаир.

3. Социальное значение рода.

Патриархально родовой уклад жизни Казакский народ унаследовал вместе с образовавшими его племенами, при чем это наследство досталось ему уже в позднейшей стадии развития патриархальной эпохи—стадии родовой конструкции внутреннего устройства общины. Это было время, когда вокруг рода сосредоточивалась вся экономическая и социальная жизнь народа, ибо только род рассматривался в казакском Союзе как самодеятельная правовая единица и только входившие в его состав получали необходимую коллективную поддержку. Всякий, почему либо оказавшийся вне рода, становился совершенно беспомощным и, или погибал в неравной борьбе за существование, или примкнув к другому роду, как „крме“ т. е. пришелец, чужеродец, влачил жалкое существование. Какую бы сторону. как общественной, так и семейной жизни того времени мы не взяли — мы всюду сталкиваемся с всеоб‘емлющим значением рода, поэтому вполне понятна та, родовая солидарность, которая об‘единяла роды в минуты опасности и которая, в совокупности с природно-географическими условиями и характером хозяйственного уклада, сгладила антропологические и этнографические особенности отдельных племен и создала определенную национально-бытовую общность языка, культуры и бытового уклада у казаков. Эта родовая солидарность, несмотря на огромные изменения в социально-экономическом строе казаков, сохранилась и до настоящего времени даже в таких мелочах, как однообразие внутри рода головного убора, тамги, боевого клича (урана) и проч.

На основе родовой зависимости складывались и первые правовые понятия, нигде и никогда, правда, не зафиксированные, но строго конкретизированные, сохранявшиеся и передовавшиеся из поколения в поколение устно, в виде кратких изречений и пословиц. Возникавшие в процессе об‘единения племен, а затем и в родовых взаимоотношениях и постепенно принимавшие определенную форму. юридические обычаи казаков первоначально не имели определенной системы и только во второй половине 17 века, разрозненное народное правосознание, было систематизировано и облечено в форму уложения, основанного на древнем народном обычае—адате. Это уложение, получившее название „Джеты-джарга“ т. е. об‘явление семи, так как оно было составлено ханом Тауке (ум. в 1718 г.), на совете с шестью знаменитейшими биями (судьями) того времени, предусматривало все стороны жизни казакского народа, начиная от межродовых взаимоотношений и кончая мелочами семейной жизни, при чем через все уложение, красной нитью, проходило право кровавой мести и самовольного восстановления нарушенного имущественного права— „барымты“. Со временем, особенно после развала казакского Союза, это уложение в значительной степени утратило свое первоначальное значение, однако некоторые его разделы сохранились до самого последнего времени, особенно же все, что касается внутреннего устройства семьи, семейных обрядов, гостеприимства, экзогамности групп, левирата и проч.

Только теперь эти пережитки подвергаются коренной ломке и нужно сказать, что у казаков эта ломка не имеет такой остроты как у прочих восточных народов, т. к. бытовые условия (кочевой образ

жизни) мешали казакам сделаться фанатиками в выполнении обрядов Шариата и Джеты-Джарга.

4. От рода—к классам и нации.

Основной базой для столь продолжительного существования родового строя у казаков являлись своеобразные условия кочевого быта—совершенно неразвитое производство, редкое население на огромном, но сравнительно бедном естественными богатствами, пространстве полная зависимость кочевого хозяйства от окружающей его внешней природы и, наконец, нераздельное родовое право на землю, давившее, вследствие неравномерности в распределении между родами и неустойчивости границ, основные предпосылки к одной из своеобразных отличительных черт казакского народа—существованию, на ряду с крепким родовым союзом, интенсивной межродозой борьбы за лучшие земли.

Эта борьба за землю, вместе с ростом населения и естественным расширением стад, с одной стороны, неоднократно приводили к агромному перенаселению распределенных между родами пастбищных угодий, зачастую осложнявшемуся страшными джутами (падеж скота от бескормицы) и другими бедствиями и разрешавшемуся за счет захватнического расширения территории, с другой стороны, выдвигала военных предводителей родов и почетных старейшин—носителей родовых традиций, образовавших постепенно слой правящей олигархии, которая, в лице батырей, биев и аксакалов, являлась представительницей родов и родовых групп, защитницей их интересов и хозяином распорядителем. Злоупотребления со стороны этих „хозяев" имущественными правами рода, как внутри его, так и в сношениях с внешним миром, положили начало имущественному неравенству, которое привело к развалу родовой собственности на имущество и рабов, возникновению у казаков частной собственности и постепенному установлению тех экономических взаимоотношений внутри родовых групп, которые привели в результате к нещадной эксплоатации беднейшего населения казакским кулачеством байством, под маской „патриархально-родовой добродетели" т. е. к классовому расслоению рода. Правда классовое расслоение у казакского народа, до Октябрьской революции, не вылилось в такие резкие формы, как это имело и имеет место в Европейских государствах и не привело к классовой борьбе. как таковой, однако образование отдельных социальных групп на основе экономического и правового неравенства, создавало глубокое недовольство в широких обедневших массах казакского населения и не раз приводило к открытому выступлению их против царской администрации и своих имущих классов (восстание 1916 г. и др.). Основными предпосылками к созданию экономического, а следовательно и классового, расслоения служило следующее:

Почти непревывные войны, как за право существования казакского Союза в целом, так и отдельных родов и орд, в частности, служили постоянным источником добычи военнопленных, которые превращались в рабов, работавших, как в хозяйстве общины, так и отдельных групп и семейств, исключительно за содержание. Правда, благодаря тому, что в примитивном скотоводческом хозяйстве, с одной стороны, не требовалось большого количества рабочей силы, а с другой стороны, невозможно было, при кочевом укладе жизни производить какие-либо большие запасы для содержания значительного штата рабов и следовательно, рабская рабочая сила не окупалась или, во всяком случае, не приносила больших выгод, рабство у казакского народа не получило того развития, какого оно достигло в других восточных странах, а вылилось в своеобразную форму—теленгутизм, о котором подробнее будет сказано ниже, однако извест-

ное влияние на социальное отношение, как внутри рода, так и вне его, оно безусловно имело.

Существование наряду с родовым строем зачатков феодальных отношений в лице института ханов и султанов, также не могло не вносить диссонанса в социальные отношения в Казакском Союзе. И, наконец, основную роль в создании экономического неравенства, сыграл процесс экономического разложения родового хозяйства.

Первоначальная, патриархально-натуральная форма казакского хозяйства, принявшая было, с возникновением частной собственности и развитием меновых отношений, черты феодальной общественно-экономической формации, под влиянием указанных ниже факторов, начала быстро разрушаться, заменяться товарно денежной. а вследствие этого и значение рода, как единого хозяйственного целого, постепенно падало.

Появление торгового капитала в степи, при отсутствии развитого капиталистического рынка, создало монопольное положение для аульного торговца и бая—ростовщика, разложило старые, истинно патриархальные, отношения внутри рода и привело к созданию классов имущих и бедняков.

С переходом казаков в русское подданство, это своеобразие разложения родовой экономики аула еще более осложнилось, во-первых,-колонизаторской политикой торгово-промышленного капитализма царской России, во-вторых-все усиливавшимся процессом об'ективного классового расслоения аула, в-третьих-стремлением молодой казакской буржуазии приспособить отмиравшие патриархально-родовые отношения к новым формам экономических связей в ауле, в-четвертых-столкновением родовых традиций с административными мероприятиями царского правительства и наконец, постепенным обособлением, вопреки родовым общинным правилам землепользования, лучших земель в пользовании все более мелких групп, до отдельных хозяйств включительно.

В результате указаннного выше положения, с одной стороны —колониальный гнет, в форме землевладельческого вытеснения форсировал обнищание массы казакского населения и способствовал созданию кадра батраков и родовых „беспризорников"—крме работавших на кабальных условиях как у своих баев, так и у русских кулаков и, следовательно, создавал все новые и новые предпосылки для классовых обострений. с другой стороны, в результате разложения натуральной экономики аула, бай-ското-землевладелец, превратился в бая-ростовщика, посредника между пришлым торговым капиталом и кочевником-производителем эксплоататора изыскивающего пути к закабалению трудовых масс населения, а зачастую и полуфеодала, а почетные старейшины—бии превратились в царских чиновников —взяточников, прикрывавших проделки баев и администрации. Таким образом, к концу 19 столетия авторитет и значение рода, как единой политической и экономической общины, сошли почти на-нет, т. к. новые экономические отношения извратили подлинную суть истинно-родовых отношений, политическое же значение его утратилось с, введенным царским правительством, порядком административного деления и мажоритарной системы выборов низовой аульной администрации и вылилось в форму так. наз. партийно-родовой вражды (предвыборные группировки).

В результате разложения рода и народившихся, все более более обострявшихся, классовых противоречий, у молодой казакской буржуазии возникла необходимость смягчить эти противоречия, отвлечь внимание эксплоатируемой бедноты от классовых интересов. Появилась необходимость в создании такого учреждения, которое закрепило бы

институт частной собственности, узаконило бы дальнейшие формы грабежа -присвоения собственности, стало бы на страже эксплоатации бедноты богатыми. И вот мы видим, что в начале XX века казакская буржуазия встает на путь развития национализма, направленного к сохранению своей культуры, языка, территории и препятствовавшего русскому ассимиляторству внутренним разжиганием национальной ненависти.

Первоначальные националистические стремления казакской буржуазии не имели определенной политической цели, носили характер „культурничества" и проводились в „смычке" с русской буржуазией, дававшей этим стремлениям идеологическую поддержку. Действительное классовое лицо этих стремлений в достаточной степени уже выявилось в восстании казаков в 1916 г., в котором казакская буржуазия и буржуазная интеллигенция заняли явно антиповстанческую позицию. Наивысшего расцвета казакский национализм достиг в период февральской революции, когда казакская буржуазия встала на путь национально-классовой самостоятельности, на путь протеста против раздела с иноземной (русской) буржуазией об'екта эксплоатации и источника прибавочной стоимости—трудового аула. Неясные до этого стремления оформляются в политическую партию „Алаш", построенную на платформе классово-буржуазной национальной свободы и являвшуюся выразителем идеологии байства - идеологии свободы во имя угнетения, идеологии приспособления родовых пережитков в целях классового гнета. Логическим завершением деятельности партии „Алаш" является выступление ее в период гражданской войны на стороне классовых противников пролетариата — белогвардейских генералов Колчака, Дутова Анненкова и др. После этого выступления, показавшего ясно классовую физиономию партии „Алаш", казакские массы поняли стремления своей буржуазии и окончательно отшатнувшись от нее, встали на путь союза с русским пролетариатом, на путь организации и укрепления советской власти в Казакстане, на путь строительства нового быта на социалистических основах.

Анализ современной социально-экономической обстановки аула показывает, что, несмотря на полное разложение рода, как единого экономического и политического целого, родовые пережитки в ауле все еще сильны. Поддерживаемые консервативно настроенной частью аула—хранителями родовых традиций баями и аксакалами, до сих пор еще являющимися, до некоторой степени, регуляторами общественных отношений в степи эти пережитки в значительной степени задерживают перестроение быта аула на новых началах и зачастую срывают основные мероприятия Советской власти. Однако казакский пролетариат наносит удар за ударом и этим пережиткам и надо полагать, что недалеко то время, когда казакский род останется только в казакских преданиях и песнях, трудах историков и тысячах имен никому не нужных родословных.

5. Ханство и теленгутизм.

Говоря о роде нельзя не отметить второй характерной особенности политического устройства казакского народа-это, существование, наряду с крепким родовым союзом, ханской власти и теленгутизма.

Возникшая вместе с Казакским Союзом племен и вместе с ним отделившаяся от Золотой Орды, ханская власть у казаков никогда не носила деспотического характера, как это имело место у остальных азиатских народов.

Казакские ханы, будучи полновластными господами и „защитниками" народа в военное время, в мирной обстановке всегда считались с волей основных родов и их родоначальников и в повседневную

жизнь казаков, строго охранявшуюся родом, почти не вмешивались. Все мероприятия, затевавшиеся ханами в области внутреннего устройства казакского народа, всегда преломлялись через родовую структуру и проводились только с согласия и при непосредственном участии родоначальников. Даже в вопросах войны история фиксирует случаи безнаказанного отказа отдельных родов от участия в общем выступлении. Почти единственной крупной и присущей только им, привилегией ханов, являлась возможность содержать свою вооруженную стражу—теленгутов и собирать подати (ханлык), при чем и подати то эти не носили характера обязательного и определенного налога, а скорее имели вид обязательных, но посильных пожертвований на содержание хана.

Ханство заняло у казаков совершенно обособленное положение, т. к. имело свою самостоятельную генеалогию, начало которой приписывают Чингис-хану, и никогда не смешивалось с остальным народом. Это была наследственная и титулованная аристократия, имевшая за собой вековое прошлое и составлявшая особое привилегированное сословие. Ни один обыкновенный казак, как бы он знаменит, богат и авторитетен ни был, никогда не мог попасть в ряды этой аристократии. Таково первоначальное значение ханства. После знаменитого хана-законодателя Тауке, ханство начало разваливаться и превращаться в толпу, претендовавших на власть и постоянно ссорившихся между собой, султанов—представителей ханской крови. Характерным показателем этого развала является пример разрозненности казакских орд и их ханов в таком серьезном вопросе, как принятие русского подданства, одним из последствий которого и явилось упразднение в 19 веке ханской власти. Владевшие большими земельными пространствами, огромными стадами скота, с резко выраженным стремлением к феодализму, потомки упраздненных ханов и султанов имели вес и значение в степи вплоть до самого последнего времени, пока казакский пролетариат не нашел возможным, путем экспроприации, окончательно покончить с этими остатками „белой кости".

Теленгутами назывались полусвободные люди, являвшиеся вооруженной силой, на которую опиралась ханская власть и которая служила основным ядром, последней и надежной опорой ханов в их военных выступлениях. Набирались теленгуты первоначально только из числа пленников, а затем, со временем и из казаков. Оторвавшаяся, по тем или иным причинам, от рода, беднота шла к ханам и, ценой утраты некоторой доли независимости, покупала себе дальнейшее существование.

Степень зависимости теленгутов от ханов неоднократно изменялась, то это была почетная стража, то просто вооруженная дворня. С развитием рабства и ухудшением общих условий существования казакского народа, ухудшалось и положение теленгутов, изменялись оттенки их зависимости, но эти изменения никогда не доходили до полного их закрепощения и теленгуты всегда оставались полусвободными, т. е. имели возможность, по выполнении некоторых условий, переходить от одного хана или султана к другому и даже совершенно бросать службу у них.

Так как теленгуты не были связаны определенными экономическими рамками, как мы это видели в казакском роде, то и экономическое расслоение среди них начало проявляться гораздо раньше чем у казаков, тем более, что вследствие частых войн и участия в доле военной добычи, распределявшейся среди теленгутов в зависимости от степени проявленной личной храбрости, инициативы и прочих заслуг, наиболее энергичные из них могли быстро создавать себе

богатство и положение и, наоборот, слабые и нерешительные оттеснялись на задний план. Это расслоение не могло, конечно, не иметь влияния и на соприкасавшихся с теленгутами казаков. Заманчивая перспектива индивидуализации хозяйства была также одним из стимулов к выделению из рода и перехода к теленгутизму.

Таким образом, существование на ряду с родом, экономически независимых от него ханства и теленгутизма, также являлось одним из факторов способствовавших разложению родовой экономики и толкавших казакский народ на путь индивидуализации хозяйства и классового расслоения.

6. Распределение основных казакских родов на территории бывшей Семипалатинской губернии.

Переходя к рассмотрению распределения основных казакских родов на территории бывшей Семипалатинской губернии, считаем необходимым дать краткую историческую характеристику племен, образовавших роды Средней Орды, к которой относится казакское население губернии и которое является наиболее многочисленной из трех орд.

Аргын монгольское племя. Первые упоминания о нем в истории относятся к 5 веку. Искаженные названия по имени племени р. Аргун, впадающей в Амур и р. Аргут на Алтае, свидетельствуют о его первоначальном местоположении В 13 и 14 веках Аргыны уже переселились в Семиречье и занимали примерно Лепсинский и Копальский уезды бывшей Джетысуйской губернии. С 15 века начинаются странствования Аргынов вместе с Казакским Союзом, в который они вошли. То они с ханом Джаныбеком строят г. Астрахань. то с ханом Тауэкелем появляются в Каратауских горах и участвуют в походе на Фергану, Самарканд и Бухару.

Во время разгрома 1723 года Аргыны укрылись в безводной пустыне Бек-пак-дала, западнее оз. Балхаш, и пострадали мало.

Найман - упоминается в китайской истории 8 века как монгольское племя, живущее к югу от озера Байкал. В 9 веке Найманы жили от верховьев р. Орхон до р. Черный Иртыш. В 11 и 12 веках кочевали у р. Иртыш. В 1208 г., после разгрома их Чингис-ханом бежали в Семиречье. В 30-х годах 14 века вошли в состав Шейбакова улуса Золотой Орды и переживали все судьбы этого улуса вплоть до его развала и образования Казакского Союза. Во время разгрома 1723 г. пострадали больше всех и бежали за р. Сыр-Дарью (Актабан чубрынды Алка коль сулама)

Керей - Монгольское племя. Упоминается в китайской истории в 9 веке. Жили в верховьях р. Черный Иртыш где и были в 1203 г. покорены Чингис-ханом. В начале 15 века были разгромлены Джунгарами и бежали в разные стороны. Дальнейшая судьба Кереев тесно связана с Аргынами.

Кипчак тюркское племя. До 9 века жили на восток от реки Урал. В 890 г. воевали с печенегами, были оттеснены ими за Урал и до 1200 г. жили между Доном и Волгой и делали набеги на Южную Россию. В 1237 г. были разбиты Батыем и вошли в состав Золотой Орды. В 14 веке составляли основное ядро Золотой Орды, отчего ее даже иногда и называли „Кипчакской". В 15 веке составляли ядро ханства Абулхаира (Узбекского) и кочевали по среднему течению Волги и до р. Сыр-Дарьи. После смерти Абулхаира Кипчаки распались—часть осталась с сыновьями Абулхаира, часть ушла к ногаям и часть вошла в Казакский Союз. В жизни казакского народа кипчаки роли не играли и о них в истории почти не упоминается.

Уак--как отдельное племя в истории не упоминается. По смыслу слова „Уак" — это, незначительная по количеству и разнородная по

составу, смесь. И действительно, род Уак образовался из осколков племен Каракиргизских багишей, Сргелинцев Старшей Орды и Найманов (ответвления „Ергенекты—Найман“).

Т а р а к т ы—род позднейшего образования, очевидно, также из осколков различных племен, а главным образом племени Аргын. Название получил по имени родовой тамги, имеющей форму гребня (тарак). Казакские легенды говорят, что „Таракты“ был сыном сестры Аргына.

Начало заселения казаками территории быв. Семипалатинской губернии (теперь Семипалатинский, Каркаралинский и Павлодарский округа) относится к периоду, последовавшему непосредственно за разгромом Джунгарского царства китайцами в 1757 году, который и был довершен казаками. Первыми продвинулись из-за оз. Балхаш и современного Акмолинского округа Аргыны, занявшие первоначально северо западную и западную часть губернии и Найманы, занявшие самый юг губернии и начавшие устраиваться от р. Токрау до Джунгарских ворот. Но в 1810 году Найманы были несколько оттеснены Аргынами на восток и заняли юго-восточную часть губернии и Семиречье. Затем Кереи начали пробираться на свое старое место к верховьям реки Черный Иртыш, где, наконец, и устроились, при чем основная и большая часть Кереев осталась в подданстве у китайцев до сего времени. Кипчаки и Уаки заняли север губернии. Тарактинцы же и потомки теленгутов определенной сплошной территории не имели и расположились вкраплениями между вышеупомянутыми родами.

Это первоначальное расселение неоднократно изменялось, т. к. отдельные части родов, недовольные распределением земель и в результате родовой вражды, то уходили обратно за озеро Балхаш, то снова возвращались. Кроме того, положение казаков, начавших заселение территории б. Семипалатинской губернии, осложнялось тем, что с одной стороны, на эти земли, а следовательно и на расселившихся на них казаков, претендовали разгромившие Джунгарское царство китайцы, считавшие, что эти земли принадлежат им по праву; с другой стороны, вследствие принятия казакскими ханами русского подданства, русское правительство счита ,о себя в праве распоряжаться судьбой казакского народа и упорно продвигало на юго-восток Иртышскую линию укреплений, к которой первонач льно, из боязни нападений, казаки не допускались и правобережье р. Иртыш, заселено казаками не было. Только в 1798 г. казакам было разрешено перейти реку Иртыш, при условии полной покорности и уплаты повинности натурой в размере 1% со скота. Последовавшее в первой половине 19 века открытие так наз. внешних округов: Каркаралинского, Кокчетавского (1824 г.) Аягузского (1831 г.), Баянаульского (1833 года), Кокпектинского (1844 г.) и т. д. повлекло за собой, помимо протеста китайского правительства, большие смуты в казакских степях, вызвавшие переселение многих родов в Забалхашье и в Китай. Усмирение этих смут, а, главным образом, восстания Кенесары Касымова, стоило русскому правительству значительных усилий и принесло много бед восставшим казакам, на которых была наложена контрибуция.

По договорам Пекинскому (1864 г.) и Петербургскому (1881 г.) была установлена Западная Русско-Китайская граница и обеспеченное с этой стороны Русское правительство занялось окончательным „устройством“ казаков. „Степным положением“ 1868 года казакские родовые группы были прикреплены к определенной территории и с этого времени массовое передвижение казаков с места на место почти прекратилось, мелкие же передвижки (кочевки, конечно, в виду не имеются), главным образом, на почве межродовой вражды из-за земли

и в результате казакского бича—джутов, происходят в степи все время, но, вследствие их незначительности, коренных изменений в родовое распределение земель они не вносят. Некоторым своеобразным исключением, в данном случае, является, сохранившаяся у пограничных с Китаем казаков до последнего времени, откочевка в тяжелые для них периоды в Китай и затем постепенное возвращение на старые места. Особенно большие размеры эта откачевка имела место в период образования внешних округов и в связи с трудовой мобилизацией казаков и их восстанием в 1916 году.

Первая попытка об'единить разрозненный цифровой материал и подсчитать количество казакского населения по отдельным родам и уездам на 1917 год, принадлежит М. Тынышпаеву, но его подсчет сделан приблизительно, с точностью до 10000 душ обоего пола и к данному времени уже значительно устарел.

Всесоюзная перепись населения 1926 года, программа которой Казакским Центр. Стат. Упр. была приспособлена к специфическим условиям Казаксктана, а также и последующие статистические обследования дали богатый материал для изучения быта казакского народа вообще, и точный цифровой материал для учета распределения казаков по основным родам, в частности.

Ниже приводятся таблицы распределения казакского населения на территории бывшей Семипалатинской губернии, при чем для удобства пользования приведены две таблицы—первая по уездам б. Семгубернии и вторая по современным районам и округам, на которые губерния разделилась.

Таблица I.

Названия основных родов / Названия уездов	Число хозяйств по родам						
	Кипчак	Аргын	Найман	Керей	Уак	Тарак-ты	Телен-гуты
Каркаралинский	3	31867	986	2548	—	648	2546
Павлодарский	2962	27297	1982	376	1399	30	1352
Зайсанский	19	65	26505	2010	102	32	240
Устькаменогорск.	—	—	9494	79	68	—	25
Семипалатинский	375	12488	7194	1250	5726	37	439
Бухтарминский	—	—	4207	67	—	—	177
По губернии	3359	71717	50368	6330	7295	747	4779
В % %	2.3	49.6	34.8	4.4	5.1	0,5	3,3

Таблица II.

Названия основных родов / Названия районов	Число хозяйств по родам.						
	Аргын	Керей	Уак	Найман	Кипчак	Тарак-ты	Телен-гуты
I. Семипалатинский Округ							
Бишкарагайский	1350	—	1780	893	—	—	—
Бельагачский	1222	26	30	122	19	—	22
Уланский	—	35	68	5485	—	—	25
Чжарминский	—	334	639	6276	—	—	96
Дигиставский	5923	1	7	138	301	—	272
Жанасемейский	639	912	1231	1960	—	—	—
Кзылтанский	2760	4	129	1766	55	37	44
Чингистанский	—	67	—	2566	—	—	—
Курчумский	—	—	—	8226	—	—	200
Маркакульский	—	—	—	2054	—	—	—
Зайсанский	57	1951	44	3905	19	—	—
Тарбагатайский	—	—	27	6630	—	—	—
Кзылтасовский	8	59	31	7345	—	32	207
По округу	11959	3389	3986	47362	394	69	866
В % %	17,6	5,0	5,8	69,6	0,6	0,1	1.3

Названия районов \ Названия основных родов	Число хозяйств по родам						
	Арғын	Керей	Уак	Найман	Кипчак	Тараты	Телеңгуты
II. Павлодарский Округ							
Теренгульский	830	—	1344	995	143	—	—
Уруковский	4153	—	51	224	596	30	143
Сейтеневский	594	17	1910	48	—	—	5
Кзылагачевский	2404	376	—	—	2223	—	1173
Павлодарский	7346	—	—	763	—	—	—
Баянаульский	12564	—	4	—	—	—	36
По округу	27891	393	3309	2030	2962	30	1357
В % %	73,5	1,0	8,7	5.3	7,8	0,1	3.6
III. Каркаралинский Округ							
Кувский	6393	—	—	—	—	160	—
Абралинский	5855	—	—	—	—	488	—
Аксаринский	2127	—	—	41	—	—	—
Кентский	5777	—	—	945	—	—	106
Чубартавский	—	2548	—	—	—	—	2440
Балхашский	5237	—	—	—	—	—	—
Четский	6478	—	—	—	3	—	—
По округу	31867	2548	—	986	3	648	2545
В % %	82,6	6,6	—	2,5	—	1,7	6,6

Примечание: В таблицу II, за отсутствием данных, не включены сведения по районам прирезанным к Семипалатинскому Округу из б. Джетысуйской губ. и к Павлодарскому Округу из. б. Акмолинской губ.

Как видно из приведенных таблиц, основная масса казакского населения б. Семипалатинской губернии принадлежит к двум родам—Аргын и Найман и составляет основное ядро этих двух родов вообще, т. к. остальная часть их, находящаяся в бывших Акмолинской и Джетысуйской губ. и Кустанайском Округе по количеству меньше Семипалатинской группы.

Остальные же роды, наоборот, вследствие их малочисленности на территории быв. губернии, являются как бы осколками от их основных массивов, находящихся за пределами губернии.

Так напр., основной массив рода керей — находится в б. Акмолинской губернии (мы не говорим о еще более значительной массе Кереев, находящихся в Китае); основной массив рода Кипчак находится в Кустанайском округе; Уаки же вообще немногочисленны и, примерно, такая же часть их, как и в Семипалатинской губернии, находится в бывш. Акмолинской губ.

Кроме указанных в таблицах, на территории быв. губернии имеются представители и других казакских родов но, во первых, их немного и они в общей массе казаков вкраплены очень незначительными группами; во-вторых, они как „крме", т. е. пришельцы—чужеродцы никакой роли в жизни рода не играют и, в третьих, большинство из них попали в данный род в силу семейных связей и поэтому зачастую также причисляют себя к этому роду и следовательно, ни какому учету не поддаются.

Литература!

М. Тынышпаев. «Материалы к истории киргиз-казакского народа». Вост. Отд. Каз. Г.И.З. Ташкент 1925 г.

Материалы По киргизскому землепользованию Уезды: Семипалатинский (1904 г.) Устькаменогорский (1905 г.), Зайсанский (1905 г.), Павлодарский (1903 г.) и Каркаралинский (1905) изд. Г. У. З. и З. С. Петербург.

Румянцев П. П. „Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого землепользования в Семиреченской области" изд. Г. У. З. и З. 1913 г. г. IV.

Тонжанов Г. «О казакском ауле» изд. Каз. ГИЗ 1927 г.

Чулошников А. И. „Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен" изд. кир. Г. И. З. 1924 г.

Соколовский В. Г. „Казакский аул" изд. КазЦСУ 1926 г

Харузин Н. «Этнография» Лекции вып. II Семья и род 1903 г.

М. В. «Опыт теоретической характеристики социально-экономической структуры аула». Журн. Красный Казакстан» 1926 г. № 1. Кзыл-Орда.

Записки Семипалатинского п/о Зап— иб. отд. И. Р. Г. О. Вып. I 1903 г.

Журнал «Наше Хозяйство» за 1926 1927 г. г изд Семипалат. губплана.

Материалы по районированию Казакстана т. II изд. Казгосплана 1928 г.

Рыскулов Т. Р. «Казакстан» Г. И. З. 1927 г.

Приложение I.

Родословная таблица основных казакских родов.

Аннес (Сахаба)

Джаильхан — Аксолтан — Корай

Киргиз — Сеильхан — **Калман**

Алаш

Узбек

Карт

Сапиян — Сарча

Майкы **(Казак)** — Сузак

Кара Ногай (Ногайли)

Козлан **(Ушджуз)** — **Узбеки**

Акарыс **(Кшиджуз)** Бекарыс **(Улыджуз)** Джанарыс **(Ортаджуз)**

Сары — **Уйсун** — Телембек — Кельмбет

Алчин — **Конрат** — **Кипчак** — **Каракалпак** — Сарманай

Акжол — Аксопы — Коянбай — Джоргак

Аргын — **Найман** — **Керей** — **Уак**

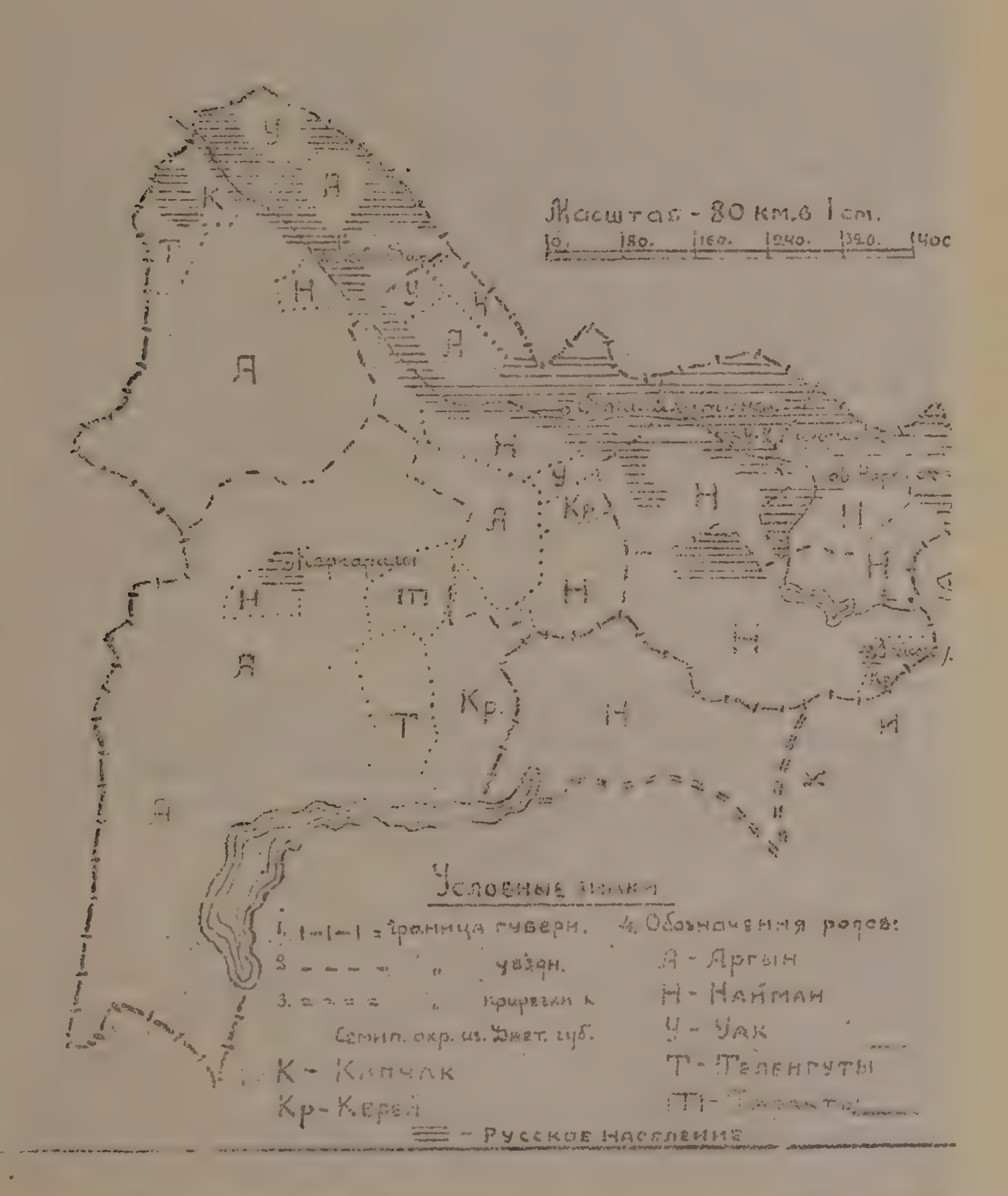
Приложение II.

Схематическая карта расположения основных казакских родов на территории б. Семипалатинской губернии.

Масштаб 80 в. в дюйме.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА

Расположения основных казахских родов на территории быв. Семипалатинской губернии.

*) Существует несколько форм имен главных героев поэмы: Баян, Баян [illegible] Сулу, Баян Сулы, Баян Сылу, Баян Хан, Баян Якуты, Пајан Сылу, Бозт Кöрпöш, Бозы Корпеш, Бозы Курпеш, Кози Корпеш. Козу Корпеч. Козу Корпеш, Козу Кöрпеш, Козу Корпеч, Козу Корпеш, Козу Курпеч, Козу Курпеш. Козу Курпяч, Козы Корпеч, Козы Корпеш, Козы Курпöш, Козы Кöрпöш. Косу Кирпеш, Косу Курпач, Куз Курпяч, Кузи Корпеш, Кузу Курпеш, Кузу Курпеч, Кузу Курпеш, Кузу Курроч, Кузу Кюрпеч, Кузы Курпеч и Кузя-Курпеч.

Приложение II.

Схематическая карта расположения основных казакских родов на территории б. Семипалатинской губернии.

Масштаб 80 в. в дюйме.

И. А. ЧЕКАНИНСКИЙ.

Казакская поэма Козу Курпеш и Баян Слу.

(Сюжет, параллели и библиография).

В отношении памятника „Козу Курпеш и Баян Слу“[1]) в казакской степи и далеко за пределами ее существует весьма красочная и образная легенда, которая останавливала и останавливает на себе внимание многих исследователей, работавших в степи. Как самому памятнику, так и легенде посвящена сравнительно большая литература, однако до сих пор не выяснившая как происхождение самого памятника, так и того, насколько случайными являются попытки приурочивания казаками-степняками легенды к этому памятнику, по их преданиям сооруженному калмыками. Не выяснено также, является ли лёгенда памятником казакского национального творчества, или легенда эта заимствована от других народов, которым пришлось соприкасаться с казаками на своем историческом пути. Во всяком случае как основной сюжет легенды, так и отдельные ее мотивы встречаются в фольклоре не только других турецко-монгольских народов, но некоторые детали являются общими в сравнении их и с европейским эпосом. Параллели эти превосходно указаны главным образом в весьма обширных и кропотливых трудах Г. Н. Потанина и В. В. Радлова. В предисловии к „Древностям Средней Азии“ Н. Н. Пантусова известный ориенталист-тюрколог Н. Ф. Катанов, касаясь легенды о Козу Курпеш и Баян Слу, указывает на то, что „по завязке и развязке, также по возникающим в ней препятствиям к соединению обоих героев“, легенда эта „во многом напоминает распространенную в Средней Азии поэму о Тагире и его возлюбленной Зугре“.

Однако, просматривая эти работы, мы не нашли в них указаний на поразительное сходство легенды „Козу Курпеш и Баян Слу“ с известной казакской поэмой „Алпамыс-Батыр“, впервые опубликованной мусульманским фольклористом А. А. Диваевым в 1901 году. Отсутствие указаний на сходство могло быть и потому, что поэма об „Алпамыс-Батыр“ в печати появилась позднее многих специальных трудов Г. Н. Потанина и В. В. Радлова, а в устной передаче могла быть им и не знакома.

В предисловии к поэме этой говорится: „...текст поэмы Алпамыс-Батыр пользуется между киргизами Сыр-Дарьинской области не малой популярностью... Записана она кара-калпаком Тюрт-Кульской волости, Аму-Дарьинского отдела импровизатором Джия-Мурадом Мухамедовым, по профессии бахши. Поэма изложена почти от начала до конца в стихотворной форме и по содержанию весьма интересна. Хотя поэма Алпамыс-Батыр чисто киргизское произведение, но вследствие того, что она здесь составлена кара-калпаком, близким соседом Бухары, текст ее испещрен персидскими и арабскими

---

[1]) **Существует несколько форм имен главных героев поэмы: Баян, Баян Слу, Баян Солу, Баян Сулу, Баян Сулы, Баян Сылу, Баян Хан, Баян Якуты, Пајан Сылу, Козі Кöрпöш, Кози Кернеш, Козы Курпеш, Кози Корпеш, Козу Кернеч, Козу Кернеш, Козу Кöрпеш, Козу Корпеч, Козу Корпеш, Козу Курпеч, Козу Курпеш, Козу Курпяч, Козы Корпеч, Козы Корпеш, Козы Курпöш, Козы Кöрпöш, Косу Кирпеш, Косу Курпач, Куз Курпяч, Кузи Кернеш, Кузу Курпеч, Кузу Курпеч, Кузу Курпеш, Кузу Курреч, Кузу Кюрпеч, Кузы Курпеч и Кузя-Курпеч.**

терминами..."[1]). Таким образом, поэма „Алпамыс Батыр", по словам известного знатока казакского фольклора А. А. Диваева, является чисто киргизским (казакским), а следовательно и национальным творчеством.

Сходные черты между двумя этими поэмами, как нам удалось это проследить, выражены как в основной теме, так и в отдельных деталях. Параллели эти представляются в следующих чертах:

„Баян Слу и Козу Курпеш".	**„Алпамыс-Батыр"**.
1. Два именитых бая Кара-бай и Сары-бай, скрепляя свою дружбу, дают клятву, что если у одного из них родится дочь, а у другого сын, то они поженят их между собой и таким образом еще более укрепят узы дружбы и станут сватами[2])	Два именитых бая Бай-буры и Бай-сары, скрепляя свою дружбу, дают клятву, что если у одного из них родится дочь, а у другого сын, то они поженят их между собой и таким образом еще более укрепят узы дружбы и станут сватами.
2. Клятва дается во время охоты.	Клятва дается у святой могилы
3. Бог благословляет их завет и жена Кара бая рожает сына Козу Курпеш, а жена Сары-бая дочь Баян Слу.	Молитвы стали угодны богу и жена Бай-буры Джан-тлес-байбише родила сына Алпамыс (мужественный), а жена Бай-сары Алтун-шаш-байбише дочь Гульберчин (ласточка).
4. Нарушение клятвы (несчастье) предвещает черный скворец, в момент клятвы спустившийся на голову Сары-бая.	Появление во время пира благочестивых странников, давших имена новорожденным, предвещает нарушение клятвы.
5. Клятва нарушается вследствие смерти Сары-бая, который при вести о рождении дочери, спешит в аул и, при падении с лошади, разбивается на смерть	Клятва нарушается по истечении семи лет, вследствие ссоры между Бай-буры и Бай-сары во время бега на лошади с козлом, где Бай-буры, догнав Бай-сары, наносит своему свату оскорбление.
6. По смерти Сары-бая семья его откочевывает в глубь степей, а затем к горам Ала-Тау.	Обиженный Бай-сары откочевывает со своим семейством к калмыкам во владения Тайши-Хана.
7. Козу Курпеш на седьмом году своей жизни начинает выделяться необычайной силой.	Алпамыс-Батыр на седьмом году своей жизни начинает выделяться необычайной силой.
8. Козу Курпеш на пятнадцатом году отправляется на розыски своей невесты Баян Слу.	Алпамыс-Батыр на четырнадцатом году отправляется на розыски своей невесты Гульберчин.

[1]) См. А. А. Диваев. Памятники киргизского народного творчества. Алпамыс-Батыр. (Киргизская поэма). Ташкент 1901 г. стр. 1—88. Киргизский текст поэмы приводится на стр. 3—40, русский перевод стр. 41—88. Статья эта является отдельным оттиском из «Сборника материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». Ташкент. 1902 г. Том X, стр. 1—88

В 1922 г. вышла из печати книга того-же А. А. Диваева «Киргиз-казакский богатырский эпос» (г. Ташкент, 1922 г.), в которой, между прочим, под цифрой VI приводится текст поэмы «Алпамыс-Батыр» на казакском языке без перевода на русский.

[2]) В прежние времена, как свидетельствуют об этом юридические обычаи казаков, браки заключались по исключительному соглашению между собою родителей или старших в роде, при этом «жених и невеста иногда находятся еще в колыбели», когда родителями заключается договор сватовства. См. «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов». Выпуск I. Материально право. Омск, 1886 г. Изд. Семипалатинского Областного Статистического Комитета. Материалом для составления этого, в высшей степени интересного и получившего со стороны этнографов лестную оценку выпуска, послужили сообщения из Семипалатинского, Павлодарского и Каркаралинского уездов по определенно составленной комитетом программе и разработанные П. Е. Маковецким. Следующих выпусков в печати не появлялось.

Пользуемся случаем исправить ошибку, допущенную в обстоятельно составленных «Материалах для библиографии этнографической литературы» (СПБ. 1904 г., в приложении к тому IV-му „Этнографии" Николая Харузина. СПБ. 1905 г.) известным русским этнографом В. Н. Харузиной. На стр. 180 «Материалов для библиографии» статья «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов» поименована два раза, как две самостоятельных статьи. Затем, на стр. 179 статья «Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Устькаменогорского уезда» неправильно приписана Н. Н. Коншину. Автор этой статьи Ф. Зобнин. Кроме того, инициалы Коншина не Н. Н., а Н. Я.

9. Претедентом на Баян Слу становится воспитывавшийся в семье Сарыбая калмык. по имени Кудар-Кул, обладавший огромной силой.

Претедентами на Гульберчин становятся богатырь и великан Кара-джан и его соперник Тайша-Хан.

10. Тоскуя о Козу Курпеш, Баян Слу ненавидит Кудар-кула.

Тоскуя о своем женихе Алпамыс, Гульберчин ненавидит Кара-джана и Тайши-Хана.

11. Козу Курпеш имеет на голове золотую косу.

Алпамыс-Батыр имеет на голове две косы золотых и одну серебряную.

12. Козу Курпеш имеет коня, который переплывает озера и реки и переходит высокие горы. На этом коне Козу Курпеш едет разыскивать Баян Слу.

Алпамыс-Батыр имеет вороного крылатого скакуна Бай-чубара, бег которого подобен вихрю. На Бай-чубаре Алпамыс-Батыр едет разыскивать Гульберчин.

13. Лошадь Козу Курпеша заседлана в золотое седло.

Лошадь Алпамыс-Батыра заседлана в золотое седло.

14. Во время боя с Кудар-Кулом за обладание Баян Слу, Козу Курпеш остается победителем, но не убивает Кудар-кула, так как последний дает обещание, впоследствии им не выполненное, не мешать браку Козы Курпеш и Баян Слу.

Во время боя с Кара-джаном за обладание Гульберчин, Алпамыс-Батыр остается победителем, но не убивает Кара-джана, так как последний дает клятвенное обещание, сдержанное им до конца, не мешать браку Алпамыс-Батыра с Гульберчин и противодействовать Тайши-Хану в обладании Гульберчин.

15. Баян Слу и Козу Курпеш имеют общего друга в лице дяди Баян Слу Апсе-бая, который оказывает помощь Козы Курпеш в его розысках Баян Слу.

Алпамыс-Батыр и Гульберчин имеют общего друга одного из бывших претедентов на Гульберчин Кара-джана, который после клятвы, данной Алпамыс-Батыру и принятия магометанства, всецело становится на стороне Алпамыс-Батыра и оказывает помощь в его розысках Гульберчин.

16. Баян Слу прибегает к хитрости, предлагая Кудар-Кулу выполнить ряд предложений, оттягивающих срок свадьбы: исчислить неподдающийся учету скот, вырыть в степи колодцы, сделать искусственное озеро с солеными берегами, спуститься в глубокий колодец.

Гульберчин прибегает к хитрости, предлагая Тайши-Хану выполнить предложение, оттягивающее срок свадьбы: устроить байгу на расстоянии сорока дней пути.

17. В свою очередь Кудар-Кул, чтобы избавиться от Козы Курпеш, действует хитростью и предлагает последнему, когда он явился к Баян Слу в виде пастуха и был опознан Кудар-кулом, выполнить невыполнимые предложения: принести молот, который не могут сдвинуть с места десять человек.

В свою очередь Тайши-Хан, чтобы избавиться от Алпамыс-Батыра, действует хитростью и предлагает последнему, когда он явится во владения Тайши-Хана, выполнить ряд невыполнимых предложений: перегнать в байге 490 лучших бегунцов и побороться с десятью богатырями.

Как видно, параллельных черт в деталях очень много, разнятся лишь заключительные части (развязка) и некоторые отдельные мало существенные моменты. Трагические приключения героев поэмы Козу Курпеш и Баян Слу происходят во владениях калмыков, точно также и герои поэмы Алпамыс-Батыр свою трагическую судьбу начинают во владениях Тайши-Хана, калмыцких степях, куда отправляется оскорбленный своим сватом Бай-сары с дочерью Гульберчин и своими богатствами. Туда-же приезжает впоследствии и Алпамыс-Батыр. Разница по месту происхождения героев той и другой поэмы: Козу Курпеш и Баян Слу выходцы из района Алатавского хребта, с крайнего северо-востока Семиречья, тогда как Алпамыс-Батыр и Гульберчин из города Байсуна Гиссарского бекства, со склонов гор Байсун-Тау, расположенных на юг от Самарканда и юго-запад от Бухары (в расстоянии «6 месяцев и 40 дней» до владений калмыков).

Возможно, что впоследствии занесенная из Семиречья на границу Бухары поэма при следовании своем утратила первоначальные имена героев и изменила их в соответствии с новыми местными условиями (Козы Курпеш, Алпамыс Батыр, Баян Слу, Гульберчин), попав в уста импровизатора кара-калпака соседа Бухары. Некоторое одинаковое созвучие удержали лишь второстепенные отеческие имена: Кара-бай=Бай-буры, Сары-бай=Бай-сары.

Как известно, легенда о Козы Курпеш и Баян Слу оканчивается трагической развязкой и гибелью всех ее персонажей, занимающих в поэме главные роли: Козу Курпеш погибает от напитанной ядом стрелы коварного Кудар-кула, который, в свою очередь, гибнет, спустившись, обманутый Баян Слу, в глубокий колодец. Сама Баян Слу оканчивает счеты со своей жизнью у трупа Козы Курпеш, падая грудью на острие кинжала. Этот способ развязки с жизнью на романической почве, очень часто фигурирует в казакских преданиях, и покончивший с собой таким образом обычно, пользуется славой героя. Между тем, авторы поэмы Алпамыс-Батыр гибели своих героев не допускают, наоборот, как для Алпамыс-Батыра, так и для Гульберчин и Кара-джана все кончается к общему их благополучию: Алпамыс Батыр, поборов всех богатырей, убив калмыков, попрощавшись с тестем Бай-сары, с тещей Алтун шаш, с другом своим Кара-джаном и, навьючив 90 черных дромодеров золотом и другим богатством, уезжает с Гульберчин на родину в Джилали-Байсун. Там, по словам рассказчика поэмы, прибывшие устраивают большой праздник, на котором 30 дней веселятся и который 40 дней провожают».

В этой же поэме мы имеем больше религиозного элемента, нежели в поэме Козы Курпеш и Баян Слу, что может указывать на дальнейшие надслойки, как результат влияния мусульманства, особенно, если иметь в виду район записи поэмы—б. Аму Дарьинского отдела, ближе всего стоящего к местным средне азиатским мусульманским религиозным центрам.

Наконец, нельзя не заметить в основном резко выраженную в обоих поэмах борьбу двух народов калмыков и киргиз-казаков, что несомненно говорит о происхождении этих сказаний от одного общего корня, получившего начало либо в историческом факте разгрома калмыками сильного казакского рода кереев в конце XIII и в начале XIV столетия (развязка по поэме Козу Курпеш и Баян Слу), как об этом говорит казакский историк М. Тынышпаев, либо в историческом же факте гибели Джунгарской кочевой монархии и вытеснения калмыков джунгар из при-Тяншанских и при-Алтайских степей (развязка по поэме Алпамыс-Батыр), факте, как известно, имевшем место в Семиречьи в конце XVII и в начале XVIII столетия, на что указывают другие исследователи легенды Козу Курпеш и Баян Слу, хотя Г. Н. Потанин, сопоставляя однородные мотивы и сюжеты монгольской повести о Гэсэре и казакской сказки о Козу Курпеш находит, что последняя произошла из общего источника с Гэсэриадой.

Между прочим, заслуживает внимания быть отмеченным факт, засвидетельствованный в одном из преданий северо-кавказского богатырского эпоса. Это предание, связанное с могилой Бексултана Бороган, находящейся около г. Нарзани и считающейся у ингушей святой, рассказывает, как пастух Бексултан Бороган любил княжну Ахлову, одинаково любила и она его. Однажды шайка чеченских наездников напала на скот Бексултана. Бексултан и брат его (пастух телят) истребили нападавших за исключением одного. Во время преследования этого убегающего чеченца последний выстрелом из ружья убивает Бексултана. В память убитого княжна Ахлова выстроила на месте, где спал Бексултан, мавзолей „Бороха-каш" из камня, который она

привезла из Тифлиса на мулах. Когда мавзолей был выстроен и перенесено в него тело Бексултана, княжна поставила ручку кинжала на грудь умершего Бексултана, налегла на острие кинжала и покончила с собой. Ее похоронили рядом с Бексултаном.*)

В этом предании также имеются некоторые сходные черты с поэмой Козу Курпеш и Баян Слу (постройка мавзолея возлюбленной в память убитого любимого человека, аналогичен трагический конец жизни Ахловой и Баян Слу на могиле любимого человека), но в предании о Бексултане несомненно отражена историческая действительность из времен взаимных набегов, грабежей и междуусобиц ингушей и чеченцев и этот мотив мог возникнуть. конечно, совершенно самостоятельно без какого бы то ни было влияния с внешней стороны (положим влияния казакской поэмы) и вопреки теории заимствований, тем более это правдоподобно, что как киргизов (казаков) и калмыков, так и ингушей чеченцев, момент рассказываемых в своих преданиях событий застает на одинаковой ступени форм хозяйственного развития этих народов. на ступени кочевого пастушеского быта.

Во всяком случае, опуская предание ингушей, как предания, по нашему мнению, возникшего и развившегося вполне самостоятельно на почве бытовых и родовых взаимоотношений северо-кавказских народов, нельзя не констатировать наличие генетической и логической связи исторических событий в калмыкской степи XIII-XVIII столетий и событий, изложенных в поэме о Козу Курпеш и Баян Слу. Быть может, детальные исследования вариантов аналогичных сказаний с параллельными географическими, историческими и лингвистическими изысканиями дадут более веские основания считать поэму Козу Курпеш и Баян Слу памятником казакского национального поэтического творчества, памятником, со временем разложившимся на отдельные варианты и по генезису самостоятельным, не связанным как с Гэсэриадой, так и со сказанием о Тагире и Зугре, наконец художественным произведением национальной „Калевалой" казакского народа, в основание которой положено действительное историческое событие из времен героической борьбы казаков с калмыками за свою национальную независимость.

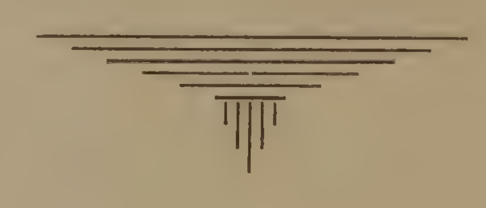
Что же касается памятника в виде усеченного полуразрушенного временем конуса.**) существующего и по ныне в степи, в 93 клм. на юго-запад от г. Сергиополя по трактовой дороге на Алма-Аты, вблизи р. Аягуза, то приурочение его к трагической гибели героев поэмы Козу Курпеш и Баян Слу едва-ли не случайно.

Кстати, следует заметить, что еще в 1771 г. атаман сибирских линий казаков Григорий Волошанин, проезжая по Киргизской степи

*) См. В. К. Долгат. Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса. Ингушско-чеченские сказания о нертах, великанах, людоедах и героях записанные со слов стариков-ингушей в 1892 году. «Этнографическое Обозрение», Москва. 1901 г. № 1, стр. 52 и 54.

**) Аналогичный по архитектуре, материалу и способу постройки полуразрушенный памятник под наименованием «Денгек» (в переводе слово это означает «столб») существует в настоящее время в 8 километрах к юго-востоку от разрушенного в гражданскую войну поселка Абакумовского и в километрах четырех от р. Аксу на урочище Отеп-саз в районе бывшего Лепсинского уезда Семиреченской области. В отношении этого памятника рассказывается предание, что памятник сооружен над могилой знатной калмычки—девицы и что под памятником скрыты сокровища. Об этом памятнике смотреть у Н. Н. Пантусова. Древности Средней Азии 3 Памятник Денгек в Лепсинском уезде. Казань 1902 г., стр. 9-16. На стр. 11 и 15 приложены два фото-снимка под № № I и II. В этих же «Древностях» на стр. 7, Н. Катанов в предисловии говорит: «что же касается поэм или преданий... (о Денгек), то таковые, сколько мне известно, в киргизском оригинале никогда не издавались». Еще ранее описание Денгек'а было помещено Н. Пантусовым под заглавием «Древности Лепсинского уезда Семиреченской области» в «Протоколах заседаний и сообщений членов Туркестанского, Кружка Любителей Археологии». Ташкент 1899 г. стр. 16 и 17, с приложением фото-снимка. Протокольные заметки, касающиеся памятника, смотреть в этой же книжке на стр. 6 (Протокол № 1 от 5 марта 1899 г.) и на стр. 179, а также у Н. Лыкошина в его «Очерке деятельности Туркестанского кружка Любителей Археологии за первое десятилетие его существования. 1895-1905 г.», стр. 14 (в отдельном приложении

в Китай, видел „4 статуи“ при памятнике Баян Сулу и Кузу Курпей. Путешествовавший в этом же году по Киргизской степи по поручению академика Фалька врач Христофор Барданес (грек по происхождению), говоря о памятнике, решительно ничего не упоминает о „статуях“ (каменных бабах) при нем; в 1832 г., по свидетельству Левшина, при памятнике было три каменных бабы, а через несколько десятилетий (1895 г.) там же (Баранов) находилось четыре, что с несомненностью указывает, что эти каменные бабы, по преданию изображающие героев поэмы (Козу Курпеш, Баян Слу и сестер Баян Слу, жену ее брата Дженке, по другому варианту — Баян Слу и ее 3-х сестер), прямого отношения к памятнику не имеют и попали туда случайно, привезенные очевидно местными кочевниками из окрестных курганов,*) а затем народной фантазией приуроченные к героям поэмы. По предположению В. В. Радлова эти каменные бабы должны быть старше могилы Козу Курпеш, приблизительно на целое тысячелетие. Таким образом, будет вернее притти к заключению, что как „Козу Курпеш“ своеобразной архитектуры могила, одиноко стоящая в долине р. Аягуза, так и особенно каменные бабы существовали задолго до прихода из Туркестана казаков и были лишь невольными многочисленными свидетелями борьбы казакского народа за обладание степью.

к «Протоколам»... Ташкент. 1905 г.) и в «Отчете о деятельности Западно-Сибирского Отдела И. Р. Географ. О-ва за 1898, 1900 и 1901 г.» Омск. 1902 г., стр. 2 (относится к 1901 г.). Кроме того, описание памятника со слов И. И. Пантусова приводится у И. А. Кастанье в его «Древностях Киргизской степи и Оренбургского края» (см. в списке литературы под № 27) стр. 273-274, с приложением на таблице III-и рисунка (под № 5) памятника. Наконец, кратко о Денгек упоминается у В. И. Масальского в его «Туркестанском крае» (см. в списке литературы под № 40) стр. 777.

Между прочим, слово «Денгек» удержалось в названии горы «Дынгек» или «Денгек», лежащей в 10 километрах выше впадения р. Курчума в Иртыш (Смотреть Карту Западной Сибири». Издан. Западно-Сиб. Военно Топогр. Отдела. Масштаб 10 в. в английском дюйме. Ряд XII, лист 14-й, также «Карту Семипалатинской области» Устькаменог. и Зайсанский уезды Р. У. Л-а. Масштаб: 3 3 км. Литография Картографической части Запсибтопогрогеод. Печатано X-1923 г.) и в названии колонны (столба) на р. Таласе б. Сыр-Дарьинской области близ с. Покровского. Столб этот, представляющий собою колонну высотой в 6 сажен и толщиною в окружности 15 аршин, по преданию поставлен на кургане во времена Чингиз-хана. (См. И. А. Кастанье «Древности..», стр. 232).

*) В настоящее время каменных баб при памятнике не осталось. Одна из них, по свидетельству И. И. Пантусова (см. № 48 списка), еще в 1897 г. была взята бывшим генерал-губернатором Восточной Африки майором Фон-Виссманом и увезена с собой (стр. 20 и 179). Другие, очевидно, растащены местными жителями для хозяйственных целей.

ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ КАРТА

Местоположения памятника-могилы „Козы-Курпеш“ в Семипалатинском округе Казанской АССР.

Библиографический указатель

статей и заметок, касающихся поэмы и памятника Баян Слу и Козу Курпеш*)

А. В. Смотреть В. А

I. **Абрамов Н.** Каменная пирамида намогильный памятник Козу-Курпеча и Баян-Слу в Киргизской степи.
«Известия Восточного Отделения И. Русского Археологического Общества». СПБ. 1858 г., ч. 1, в.—2, стр. 58—60.

2. **Абрамов Н.** Каменная пирамида намогильный памятник Козу-Курпеча и Баян-Сулы в Киргизской степи.
«Тобольские Губернские Ведомости». Тобольск 1859 г. № 40.

3. **Абрамов Н.** Краткое описание намогильного памятника Козу-Курпеча в Киргизской степи Сибирского Ведомства
«Известия И. Русского Археологического Общества». СПБ. 1859 г. Т.—1, стр. 247—250.

4. **Алекторов А Е.** Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах.
Казань. 1900 г., стр. 684 и (в «добавлениях») 5. Тоже в отдельном приложении к «Известиях Общества Археологии, Истории и Этнографии при И. Казанском Университете». Т. XX, в. 1—3. Казань. 1904 г.
Имеется указание на статью Г. Н. Потанина (см. № 56 настоящего списка); на стр. 684-й выдержка из библиографической заметки А. Т. Соловьева и Н. Ф. Катанова (см. № 74 списка).

Б. И. см. Б(ерезин) И. (Н).

5. **Баранов Е.** Козу-Курпеч и Баян-Слу. Киргизское народное предание.
„Ежемесячные литературные приложения к Ниве за 1899 г." Февраль. № 2, стр. 307—344, с 2 рисунками.
Рассказывается о памятнике и передается легенда о нем в литературной обработке. На стр. 309-310 рисунок, изображающий вид памятника, а на стр. 313—314—изображение «статуй»—каменных баб, находившихся при памятнике.

6. **(Баранов Е.)** (Козу-Курпеч и Баян-Слу).
«Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка Любителей Археологии». Ташкент. 1899 г., стр. 21—48.
Приводится содержание легенды из предыдущей статьи без рисунков.

7. **(Баян-Сулу и Кузу-Курпей).**
„Отчет о деятельности Западно-Сибирского Отдела И. Русского Географического Общества за 1893 г." в „Записках З.-СОИРГО", кн. XVI, в II—III Омск. 1894 г., стр. 4 (в приложении).
В отчете между прочим сообщается, что к статье Г. Е. Катанаева (см № 28 и 18 списка) „Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях по показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиям Западно-Сибирских казаков и прочих служилых людей" предполагается приложить «отчет атамана сибирских линий казаков Григория Волошанина в 1771 г. от Усть-Каменогорска мимо Балхаша, по р. Или до Кульджи», к которому приложено 3 рисунка, изображающих вид знаменитой в Семиречьи могилы Баян-Сулу и Кузу-Курпей „с находящимися в ней 4 статуями и план древнего развалившегося созидания с показанием лежащей близь оного ситуации".

8. **(Беляев Т.).** Козу-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке, одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских Т. Беляевым.
Казань. 1812 г., часть I.

9. **Березин, И. Н.** Турецкая хрестоматия.
Казань. 1876 г. Т. III, стр. 70—162. Текст поэмы.

10. **Березин И. Н** Турецкая хрестоматия.
СПБ. 1890 г. Т. III, стр. 163—168. Текст поэмы.

11. **Б(ерезин) И. (Н)** Баян-Сулу.
И. Н. Березин. «Русский Энциклопедический Словарь». Отд. I, т. III. «Б»., СПБ. 1873 г, стр 363. Краткая словарная заметка.

12. **(Березин И. Н.)** Козу-Корпеч и Баян Сулу.
ibidem, отд. II, т. III, „К" СПБ. 1878 г., стр. 258. Краткая словарная заметка.

---

*) В список литературы вошли в порядке алфавита фамилий авторов не только статьи, непосредственно касающиеся поэмы и памятника, но также и небольшие заметки, случайно упоминающие о них, не исключая и библиографических указаний, в которых перечислены статьи. Некоторые статьи, приведенные в списке, не могли быть нами просмотрены за отсутствием соответствующих книг в местных (г. Семипалатинск) библиотеках.

13. **В.** По поводу статьи «Козу-Корпеш», помещенной в фельетоне № 6 «Тургайской газеты».

«Тургайская газета» (неофициальная часть «Тургайских Областных Ведомостей»). Оренбург. 1900 г. № 7 от 12 февраля, стр. 5—6.

В связи с статьей В. А. говорится о «Козу-Курпеш» в записи Г. Ф. Генса (см. №№ 14 и 20 списка).

14. **В А.** Козу-Корпеш. Киргизское предание.

«Тургайская газета». Оренбург. 1900 г. № 6 от 3 февраля, стр. 2—7.

Перевод татарской брошюры, напечатанной в 1896 г. под тем же заглавием.

15. **Влангали А.** Геогностические поездки в восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 годах.

«Горный журнал» СПБ. 1853 г., Кн. VIII, ч. II, стр. 206—207. Тоже в отдельной его книге «Геогностические поездки..». СПБ. 1853 г., ч. II. Между прочим упоминается о легенде Баян-Сулу и Кузя-Курпеч в связи с горой „Баян-Джурук“, наименование которой автор переводит как «Баяново сердце». На «Генеральной карте Западной Сибири с Киргизскою степью (составлена при штабе отдельного Сибирского корпуса и гравирована Военно-Топографическим Депо в 1848 г. Исправлена в 1855 г. Масштаб 50 в. в английском дюйме) показаны две горы Баян-Джурук: одна между г. Копалом и селением Теплоключинским, другая между Алатау и горным хребтом Кабырган-Бурган. В Монголии также имеется ряд гор, называемых: Баян-Чжирукэ, Баян-Цзирукэ, Баин-Дзюрку-ола, Баин-Дзюрку, последнее название Г. Н. Потаниным переводится как «Богатое сердце», о чем см. в его «Очерках Северо-Западной Монголии».

16 Wlangali's. Reise nach der oestlichen Kirgisen Steppe. Beitrage zur Kennt d. Russ Reischs. B. XX. 1864 и отдельный оттиск

Предыдущее сочинение А. Влангали, переведенное на немецкий язык Левом.

Гребницкий Оттон. См. Катанов Н. Ф. (№ 31 списка).

17. **Вознесенская Е. А. и Пиотровский А. Б.** Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казакстана и Средне-Азиатских республик.

«Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран». (В).—14. Ленинград. Издание Академии Наук СССР. 1927 г., стр. 90, 93, 132 и 136.

Имеются указания на легенду в работах Баранова, В. А., П. Н. и Потанина (см. №№ 5, 14, 45, 53 и 56 в списке).

18. **(Волошанин Григорий).** (Отчет атамана Сибирских линий казаков Григория Волошанина в 1771 году от Устькаменогорска, мимо Балхаша, по реке Или до Кульджи).

Рукопись Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел.

Данные о рукописи, в которой имеются рисунки и сведения о могиле «Баян-Сулу и Кузу-Курпей», сообщаются со слов «Отчета З-СОИРГО» (см. № 7 в списке).

19. **Вятнин Г.** Первая ласточка казакской художественной литературы.

„Советская Сибирь“ (газета). Ново Сибирск 1927 г. № 223 (2364) от 29 сентября.

Рецензия на книгу Георгия Тверитина (см. №№ 70, 76, 46 списка.)

Г. П. См. П(отанин) Г. (Н.)

Г. К. См. Катанаев Г. Е. (№ 29 списка).

20. **Генс Г. Ф.** (Рассказ татарина Муртазы Фейзуллина).

Рукопись Оренбургского Отдела И. Русского Географического Общества. 1824 г., кн. 4, стр. 560.

Приводится рассказ татарина Фейзуллина о могиле Козу-Курпечи и Баян и о существующем предании, слышанном от «киргизцев» во время поездки с караваном. (См. № 13 списка).

21. **Готовицкий М. В.** О киргизских и сартских народных песнях.

«Этнографическое обозрение». Москва 1899 г., кн. III, стр. 79.

Автор говорит, что киргизские и сартские лирические песни составляют самый значительный отдел в их народном устном творчестве и в качестве примера указывает поэму «Кузу-Курпеч и Баян-Солу».

22. **Древние памятники,** сохранившиеся в Верненском уезде. Семиреченской области. Памятник Кузу-Кюрпеч и Баян-Сулу и относящаяся к нему легенда)

«Труды Четвертого Археологического с'езда в России» (Том) I. Казань 1884, стр. (в протоколах)—XLVI.

По словам Н. Катанова «какое то описание памятника Козу-Курпеш было представлено... IV-му Археологическому с'езду,... но напечатано поче-

му то не было и что тогда же некоторые участники с'езда высказывали весьма правильное предположение, что памятник сооружен каким-нибудь монгольским племенем, а не киргизами» (см. статью Н. Катанова под № 31 в списке). Труды с'езда нам просмотреть не удалось, но в библиографии В. Г. Тизенгаузена (см. № 77 в списке) имеется ссылка на помещение описания памятника и легенды в протоколах с'езда.

Е. С. См. С. Е.

Иностранцев К. А. См. Тизенгаузен В. Г. **и Смирнов Я. И.**

23. **Ивановский А. А.** Указатель этнографических статей и заметок в сибирских изданиях от начала их существования.

«Этнографическое Обозрение». Москва. 1891 г. № 1, стр. 248 и № 4, стр. 269.

Указание на статьи: Киргизские легенды и Н. Абрамова. (См. №№ 32 и 2 списка).

К. Г. см. Катанаер Г. Е.

24. **Камкин К.** Козы Корпеш и Баян-Сулу. Казакская легенда.

«Советская степь» (газета). Кзыл-Орда. 1927 г. № 1 (906) от 1 января и № 2 (907) от 3 января. Текст легенды.

25. **Карта Генеральная Западной Сибири с Киргизскою степью.**

Составлена при Штабе Отдельного Сибирского Корпуса и гравирована в Военно-Топографическом Депо. 1848 (г). Исправлена в 1855 г. Масштаб 50 в в дюйме. (Омск).

На этой карте в Аягузском округе Семипалатинской области могила «Кузу-Курреч» нанесена между п. Талды-Кудукским и уроч. Ак-тогой, возле тракта, в 10 в. на восток от р. Аягуза.

26. **(Карта десятиверстная Западной Сибири).**

Временное издание Зап (адно)—Сиб (ирского) В (оенно-) Т (опографического О (тдела). Под руководством начальника Отдела генерал-майора Павлова. Масштаб 10 в. в дюйме. Год издания не указан. Ряд—XIII, лист 12. Составлен в 1909 г. Елисеевым, гравировал контур и слова С. Гринев, рисовал горы Скоробогатов.

Интересно отметить, что на этом планшете могила Кузу-Курпеш нанесена в двух пунктах: на левом берегу р Аягуза в точке пересечения 47° 20 с. ш. и 49° 26′ 15″ в. д. и на правом берегу р. Айгыз (верховья р. Аягуз) в точке пересечения 47° 38′ с. ш. и 49° 15′ в. д. под наименованием «могила Кузу-Курпеш-акалы». Об этой могиле мы не могли найти указаний в литературе, не слышали также и устных о ней преданий.

По словам В. (см. № 13 в списке) «к северо-востоку или к северу (от древнего здания Козу-Курпеш) в 10 в. при подошве горы Тарбагатай находится другая могила Баян, при ключе с хорошей водою и небольшой рощице, называемой Биш терек, т. е. 5 ветел, теперь сих деревьев около 40, они то и составляют рощу».

Проезжая в 1922 г. эти места, мы не смогли найти могилы Баян, а также и рощицы под этим названием. На карте же указан «лес Чок-терек» в 8-10 в. к северо-западу от могилы «Кузу-Курпеш». По всей вероятности это тот самый лесок о котором говорится в статье В. (№ 13 списка), в рукописи Г. Ф. Генса (№ 20 списка), а также и у академика Фалька (№ 79 списка) на стр. 50, где, между прочим, упоминается и гора «Косу-Кургач» (Курпеч?), «при которой выходит речка Аягуз».

27. **Кастанье И. А.** Древности Киргизской степи и Оренбургского края.

„Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии". Выпуск XXII. Оренбург 1910 г., стр. 252, 253, 259, 274—292. С рисунками на таблице III и XIV-й.

Этот труд И. А. Кастанье на обложках имеет параллельно русскому, заглавие на французском языке: I. A. Kastagnè. Antiqvitès des steppes Kirghizes et du payes d'Orenbourg («Tavaux de la Commission scentifique des Archives d'Orenbourg». Tome XXII.

В главе «Древние укрепления, развалины, киргизские святыни, предания, могилы и прочие памятники Семиреченской области» И. А Кастанье приводит выдержки и целые статьи разных лиц, писавших о поэме, памятнике Козу-Курпеш и о каменных бабах при последнем. О каменных бабах приводятся выдержки из статей: на стр. 252 Левшина (см. № 38 списка), на стр. 252 и 253—Радлова (см. № 63), на стр. 253 - Пантусова (см. № 48 и 49), и Баранова см. № 5 и 6); в отношении горы Баян-Джурук на стр. 259 делается ссылка на «Горный Журнал» (см. № 15); на стр. 274—276 приводится полностью предисловие Катанова к статье Пантусова (см. № 31); на стр. 276 выдержки из статей Пантусова (см. № 48 и 49), Семенова (см № 73); в сноске делается указание на Радлова (см. № 63); с незначительным сокращением в предисловии, на стр. 276—292 приводится статья Баранова (см. № 5). В приложении на таблице III помещен рисунок под № 7, изображающий памятник Козу-Курпеш (рисунок заимствован из статьи Пантусова—см. № 49) и на таблице

XIV-й рисунок под №№ 14—17, изображающий каменных баб (рисунки перерисованы из помещенных в статье Баранова – см. № 5 списка).

28. Катанаев Г. Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. По показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиямзападно-сибирских казаков и прочих служилых сибирских людей. Изыскания полковника Г. Е. Катанаева с приложением: 1) извлеченных из МосковскогоГлавного Архива Министерства Иностранных Дел двух отчетов о поездках в Джунгарию и Китай: Тарского казацкого головы Ивана Чередова в 1719–1720 г. и Атамана Сибирских линий казаков Григория Волошанина в 1771 г. и 2) Карты Центральной Азии с показанием путей следования по ней наиболее известных путешественников XVII и XVI столетий.

«Записки Западно-Сибирского Отдела И. Русского Географического Общества». Книжка XIV. в. I. Омск 1893 г.

К отчету Г. Волошанина приложены 3 рисунка и план, о которых смотреть в № 7 настоящего списка.

Второй и третий выпуски продолжения настоящей статьи Г. Е. Катанаева, где обещалось дать в приложении отчет Волошанина (см № 18 и 28 списка), остались не напечатанными.

29. Катанаев Г. Е. Н. И Потанин и его русские предшественники по разведкам в киргизских степях в Средней Азии. (В приложении „Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н. И. Потанина. 1829-1830“).

Ibidem книжка XXXVIII Омск 1916 г., стр 20. В третьем примечании к описанию Н. И. Потаниным памятников возле гор Темирчи и Кызыль-Рой. Г. К(атанаев) говорит: «Интересно знать, что осталось от этих памятников в наше время. Судя по описанию, они представляли подобие известной и многократно описанной могилы Баян-Сулу и Кузу-Курпеша по тракту между Семипалатинском и Сергиополем прославленной легендою об удивительных приключениях двух возлюбленных киргиз».

30. Катанов Н. Ф. Кыссэ-и Козу-Корпеш. Повесть о Козу-Керпеше.

«Деятель». Казань. Апрель. № 4. 1897 г., стр 264. Краткая библиографическая заметка о книге, изданной на киргизском языке в 1896 году под вышеприведенным заглавием. Смотр. № 37 списка.

31. Катанов Н. Ф. (Предисловие к „Древностям Средней Азии“ № 3 и 4 Н. Н. Пантусова).

«Древности Средней Азии». Казань 1902 г., стр. 3-7.

Приводится библиография статей, касающихся поэмы и памятника, а также и родословие Козу-Курпеша и Баян-Сулу. В библиографии указаны работы по настоящему списку под №№ 1. 2. 5. 8—10. 14. 22, 32. 35—37. 45. 51. 53. 54. 56. 64 и 65 Между прочим, Н. Ф. Катанов на стр. 6 говорит: ...в настоящее время готовится к печати две записи поэмы о Козу-Керпеше и его возлюбленной: одна имеется у Н. Н. Пантусова в Верном. а другая у меня... обе записи в стихах. Запись, находящаяся у меня, поступила ко мне в одном киргизском оригинале от Н. И. Порфирьева при письме от 21 октября 1895 г.: Н. И. Порфирьеву эта запись поэмы досталась от деда его профессора Г. С. Саблукова, которому она передана некиим Оттоном Гребницким при письме 24 октября 1860 года».

Оттону Гребницкому поэму прислали из Кокпектов.

Очевидно поэма эта так и осталась не напечатанной.

Катанов Н. Ф. и Соловьев А. Т. смотреть Соловьев А. Т. и Катанов Н. Ф.

32. Киргизские легенды. Краткое извлечение из легенды «Баян-Сулу и Козу-Курпеч»

«Акмолинские Областные Ведомости». Омск. 1877 г. №№ 1—3.

33. Коншин Н. Я От Павлодара до Каркаралинска. Путевые наброски.

„Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 год“. Вып. III. Семипалатинск. 1901 г., стр. 37. Тоже отдельным оттиском

Мимоходом замечается о популярности легенды о Баян-Сулу у баянаульских киргиз.

34. Куфтин Б. А. Киргиз-казаки. Центральный Музей Народоведения. Этнологические очерки. (На внутренней обложке заглавие «Киргиз-казаки. Культура и быт»).

Москва 1926 г. Изд. Центрального Музея Народоведения. Стр. 11 и 12.

Автор говорит: „большой известностью пользуется поэма о красавице Баян и Козу-Курпеч—киргизских Ромео и Джульете, предназначенных друг для друга с детства, разлученных и нашедших друг друга снова для того. чтобы вместе умереть. В этой легенде имеется любопытный мотив (греческого Протеслая) воскресение одного из любящих на три дня с тем, чтобы обоим умереть навсегда. Могила их, до сих пор сохранившаяся в степи, пользуется уважением и известностью».

35. Кыссэ—и Козу-Керпеш.

Казань. 1878 г. стр. 1—18.

Повесть о Козу-Керпеш, написанная стихами на казакском языке.

36. Кыссэ- и Козу-Керпеш.

Казань. 1890 г., стр. 1—18.

Повесть о Козу-Керпеш, написанная стихами на казакском языке.

37. Кыссэ- и Козу-Керпеш.

Казань. 1896 г., стр. 1—16.

Повесть о Козу-Керпеш, написанная стихами на казакском языке. См. № 30 списка.

38. Левшин Алексей. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Часть I. Известия географические.

СПБ. 1832 г., стр. 205 - 206.

Краткое сообщение о памятнике („остроконечное здание") и имеющихся при нем «трех каменных статуй», которым приносятся жертвы. Статуи изображают Баян-хана, Куз-Курпяч и их служанку.

Между прочим, сочинение А. Левшина прежде в сокращенном виде под заглавием «Этнографическое известие о киргиз-кайсацких или киргиз—казачьих ордах» напечатано было в «Литературной Газете» (СПБ. 1831 г. Т.-3. № 2, стр. 11—12 и № 3, стр. 19—22); извлечение же из основного сочинения «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» помещено было в «Журнале Министерства Внутренних Дел» (СПБ. 1833 г. ч. VIII).

39 Levchine. Description des hords et des Steppes des kirghis-kazaks

Paris 1840

То-же сочинение А. Левшина, переведенное на французский язык.

40. Масальский В. И. Туркестанский край.

«Россия». Полное географическое описание нашего отечества. Том — XIV. СПБ. 1913 г., стр. 370, 778 и 779.

Автор кратко указывает на популярность древней поэмы Козу-Керпеш и Баян-Сулу, также кратко говорит о местоположении памятника.

Материалы по обследованию... Смотр. Румянцев П. П.

41. Межов В. И. Библиография Азии.

Том—II. СПБ. 1892 г., стр. 17 и 46.

Имеются библиографические указания на статьи Н. Абрамова (см. № 1 списка) и Т. Беляева (см. № 8) Между прочим, для первой статьи, напечатанной в „Известиях"... от 1858 года, неправильно указан 1859 год.

42. Межов В. И. Сибирская Библиография.

Т.-I-II. СПБ. 1903 г., стр. 88 (второго тома). Библиографические указания на статьи Н. Абрамова (см. № № 2 и 3 списка).

Н. П. Смотреть П. Н.

43. Никольский А. М. Путешествие на оз. Балхаш и в Семипалатинскую область

«Записки Западно-Сибирского Отдела И. Русского Географического Общества». Кн. VII, в—1. Омск. 1885 г., стр. 26 и 27. Краткое содержание легенды «о Кузи-Керпеш и красавице».

44. (О доставлении в Московский Исторический Музей каменной бабы, находившейся у могилы Козу-Керпеч).

Дело 1 стола. Хозяйственный Отдел. Семиреченского Областного Правления за 1883 г. № 60. На 11 листах.

По словам Н. Н. Пантусова (смотр. № 48 списка) это дело составляет переписку Семиреченского губернатора с гр. Уваровым, который своим отношением от 9 марта 1883 г. за № 211 просил выслать в Московский Исторический Музей каменные бабы, находившиеся у могилы Козу-Керпеч. Бабы, ввиду дороговизны пересылки, в Москву доставлены не были.

П. смотреть П (отанин Г. Н.).

П. Г. смотреть П (отанин) Г. (Н).

45. П. Н. Киргизское народное предание о могиле Козу-Корпеч и Баян-Сылу.

„Киргизская Степная Газета". Особое прибавление к Акмолинским, Семипалатинским и Семиреченским Областным Ведомостям. Омск. 1899 год № 9 от 28 февраля и № 10 от 7 марта.

Текст предания. Тоже на казакском языке в казакской (киргизской) части этой же газеты, по казакски озаглавленной «Дала Уалайятынын-газита» (1899 г. № № 9 и 10).

46. П-ко Алексей. (Рецензия на книгу Тверитина).

«Советская Степь». Кзыл-Орда. 1927 г. № 44 (949) от 22 февраля.

Смотр. № № 76 и 19 списка.

47. Пантусов Н. Н.) (Сообщение о памятнике Козу-Керпече).

„Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка Любителей Археологии". Ташкент. 1899 г., стр. 6 (протокол № 1 заседания от 5 марта 1899 г.) тоже на стр. 179 «Отчет о деятельности Кружка с 11 декабря 1898 г. по 11 декабря 1899 г.»).

Краткое упоминание о сообщении Н. Н. Пантусова в заседании кружка.

48. Пантусов Н. Н. Памятник Козу-Керпеш и Баян-Сылу в Лепсинском уезде.

Ibidem стр. 19—21 с приложением рисунка. Сообщается о местоположении памятника, его описание с приложением рисунка: „Козу-Керпеч в Лепсинском уезде Семиреченской области“.

49. Пантусов Н. Н. Памятник Козу-Керпеш и Баян-Сылу в Лепсинском уезде.

„Древности Средней Азии“. Казань 1902 г., стр. 17—23. С приложением 2-х рисунков: (под №№ III и IV) памятника на стр. 19-й и 23-й. Между прочим, на обложке герой поэмы назван Козу-Керпеш, а в тексте Козу-Керпеч.

Статья аналогична по содержанию с статьей того же автора смотр. № 48 списка).

Пиотровский А. Б. и Вознесенская Е. А. см. Вознесенская Е. А. и Пиотровский А. Б.

50. Пиралиев Миндали. Самоучитель русского языка для киргизов.

«Журнал Министерства Народного Просвещения». Часть неофициальная. Ноябрь 1861 г. Ч.-С XII. СПБ. 1861 г., стр. 107

Статья представляет рецензию на составленную Ильминским Г. совместно с молодыми казаками книгу под заглавием «Самоучитель русского языка для киргизов» (Казань. 1861 г.). В рецензии автор, между прочим, говорит: „не в настоящем виде своем является киргизский язык даже в национальной поэме киргизской Кузы-Курпечь, потому что в известных списках ее господствует более или менее таже татарская орфография“.

Порфирьев Н. И. смотреть Катанов Н. Ф. № 31 списка).

51. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии.

Выпуск II. Результаты путешествий в 1876—1877 г. Материалы этнографические. СПБ. 1881 г, стр. (в «Примечаниях»): 26, 34, 36, 43, 44, 53, 56 и 60. Выпуск IV. Результаты путешествий в 1879 г. Материалы этнографические. СПБ. 1883 г., стр.: 691, 743, 786, 788, 790, 819, 858—860, 887 и 891.

Параллели к сказочным вариантам Козу-Курпеш и Баян-Сулу из эпоса разных народов и, главным образом, монгольских сказаний.

52. Потанин Г. Н. Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверий, обычаев и обрядов у киргизов и сибирских татар

«Записки Западно-Сибирского Отдела И. Русского Географического Общества». Кн. X. Омск. 1888 год (на внутренней обложке 1889 год) смесь стр. 31.

В программе приводится название сказки «о Козу-Курпеше», с ссылкой в примечании 5-м на имеющиеся варианты у Радлова. „Вероятно в народе есть и другие более или менее отличающиеся от записанных“ говорит Г. Н. Потанин.

Ту-же программу с некоторыми редакционными изменениями смотр. под № 55 списка.

53. Потанин Г. Н. Монгольское сказание о Гэсэр-Хане.

«Вестник Европы». СПБ. 1890 г. № 9, стр. 123. Между прочим, в качестве параллельного мотива приводится и киргизское сказание о Козу-Корпеше.

54. Потанин Г. Н. Тангуто-Тибетская окраина Китая.

СПБ. 1893 г. Т—II, стр. 119.

Параллели в сказке о Козу-Керпеш и монгольской повести о Гэсэре.

55. (Потанин Г. Н.) Вопросы по изучению поверий, сказаний, суеверий, обычаев и обрядов у киргизов и сибирских татар.

«Киргизская Степная Газета», Особое прибавление к Акмолинским, Семипалатинским и Семиреченским Областным Ведомостям. Омск. 1894 год № 30 от 31 июля. Тоже на казакском языке в казакской части (киргизской) этой же газеты, по казакски озаглавленной «Дала Уалайятынын газита» (1894 г. № 30 от 31 июля).

Та-же программа, что и под № 52 списка, лишь с некоторыми редакционными изменениями. В этой программе среди сказаний, подлежащих записи, указывается и сказка «о Козу-Курпеш».

56. Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича.

«Русское Богатство». СПБ. 1856 г., № 8, стр. 60—88. В статье имеется глава «Киргизская повесть „Любовь красавицы Баян-Сулу и бедного пастуха Козу-Корпеша“».

57. Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе.

Москва. 1899 г., стр. 70, 71, 180, 210, 323, 430, 439, 496, 674—676, 689, 690, 813, 833 и 834. Издание Географического Отдела И. Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии.

Параллели из восточного и европейского эпоса к сказке о Козу-Курпеш.

58. Потанин Г. Н. Св. Касьян и сказка о больной царевне.

«Этнографическое Обозрение». Москва. 1902 г. № 2, стр. 95.

Параллельный мотив к сказке о Козу-Курпеше.

58. П(отанин) Г. (Н.) Киргизские могилы.

«XXII иллюстрированное приложение к газете «Сибирская Жизнь» к № 211 (Томск). 1903 г. от 28 сентября, стр. 1.

Говорится о киргизских могилах, в том числе и о Козу-Курпеш: „Некоторые древние могилы известны на всю киргизскую степь, например, могила... Козу-Курпеш в Семипалатинской (области). Здание, сложенное из дикого камня... Козу-Курпеш был несчастный любовник, его суженая красавица Баян-Слу была просватана за раба Кодара: этот соперник убил Козу-Курпеша, но всетаки не получил красавицы, она заколола себя ножом".

60. П (отанин) Г. (Н.) Киргизка в народной поэзии.

„XXV иллюстрированное приложение к газете «Сибирская Жизнь" к № 228. (Томск). 1903 г., 19 октября, стр. 3 и 4.

Говорится о популярности предания Козу-Курпеш и Баян-Слу, а также кратко приводится текст повести «о любви Козу-Курпеша к красавице Баян-Сл,». В конце статьи автор указывает, что «романы, вроде романа Баян-Слу повторяются и теперь в киргизской степи, хотя и не с такими трагичными концами»...

61. Потанин Г. Н. (Примечание к «Аносскому Сборнику»).

Н. Я. Никифоров. Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев. С примечаниями Г. Н. Потанина.

«Записки Западно-Сибирского Отдела И. Русского Географического Общества». Том XXXVII. Омск 1915 г., стр 264, 265, 277, 278, 280 и 283.

Параллели к монгольским и алтайским сказкам.

62. Потанин Г. Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки.

„Живая Старина" Петроград. 1916 г. Вып. II—III, стр 80, 93 и 104, 109.

На стр. 109, в сказке «Следы Ай-баса», в связи со сказкой Козу-Курпеч и Баян-Сулу, рассказывается о происхождении названия гор Каркаралы, местности Домбралы, урочища Мунчаклы, р. Джамши, брода Карауткуля и р. Токрау. В примечаниях к киргизским сказкам о Толаспае (стр. 80), Ер-Тюстюк (стр. 93) и Алеуке (стр. 104) приводятся параллели из сказки о Козу-Курпеш (Козы Курпёц) и Баян Сулу.

63. Радлов В. В. Сибирские древности.

«Записки И. Русского Археологического Общества». СПБ 1895 г. Т. VII, в. 3—4.

Статья нам не знакома. По словам И. А Кастанье (см. № 27 списка). автор дает краткое описание каменных баб, находившихся при памятнике Козу-Курпеш, которых не считает современниками памятника. По мнению В. В. Радлова эти каменные бабы старше памятника не менее, чем на тысячелетие.

64. Радлов В. В Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В. В. Радловым. (Другое заглавие: «Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи». Образцы народной литературы.

Часть III. Киргизское наречие. СПБ. 1870 г. стр. 221—252.

Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПБ. 187? г., стр. 9-20.

Приводится текст поэмы Кози Керпеш на киргизском (казакском) и барабинском наречиях.

Немецкий перевод смотреть в следующей работе того же автора.

65. Radloff W. W. Proben der Volkslitteratur der Türkischen stämme Süd-Sibiriens gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff Другое заглавие: «Die Sprahcen der Türkischen stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe» Proben der Volkslitteratur.

Theil III Kirgis Mundanter St. P 1870. 221—252 (киргизский текст) и на стр. 261—297 (немецкий перевод).

Theil IV Die Mundarten der Barabiner, Taraer, Toboler und Tümenischer Tataren. St. P 1872, 19—20 (барабинский текст) и на стр. 12—26 (немецкий перевод).

В русской академической транскрипции смотреть предыдущую работу того же автора.

66. Радлов В. В Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым. (Другое заглавие: «Наречия северных тюркских племен». Образцы народной литературы).

Часть VI. Наречие таранчей. СПБ. 1886 г., стр. IV (в предисловии) и 160—166 (таранчинский текст).

Приводится текст: «Бозі Кӧрпӧш». Эта сказка таранчей повидимому по сюжету не является однородной с легендой о Козу Курпеш. В. В. Радлов в предисловии (стр. IV) говорит, что Бози Керпеш указывает только на сходство имени героя киргизской легенды «Кози-Керпеша».

67. Radloff W. W Proben des Volkslitteratur der Nördlichen, Türkischen stämme gesammelt und übersetzt von Dr. W Radloff (Другое заглавие: «Die Sprachen der Nördlichen Türkischen Stämme» Proben der Volkslitteratur.)

Theil VI. Dialect der Tarantschi St.-P 1886 Тоже сочинение, что и предыдущее, на немецком языке.

68. (**Румянцев П. П.**) Материалы по обследованию туземного хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. Том I. Лепсинский уезд. СПБ 1911 г., с картой.
Этот труд, просмотренный в 1921 г., приводится на память. Как будто бы в нем имеется краткое описание памятника Козу-Курпеч с передачей легенды о нем. В приложенной карте нанесена могила Козу-Курпеч.
69. **С. Е.** Из киргизских сказаний Легенда об основании Баян-Аула. «Сибирская Газета». Томск. 1885 г. № 19, стр. 477.
В связи с легендой о Баян-Сулу и Козу-Курпеш.
Саблуков Г. С. Смотреть Катанов Н. Ф. (№ 31 списка).
70. **Садвокасов Смагул.** (Предисловие к «песне о Козы-Корпече и Баян-Слу»)
Тверитин Георгий. Песнь о Козы-Корпече и Баян-Слу. Казакская легенда. Кзыл-Орда (Москва). 1927 г.. стр. 3–7. См. №№ 76, 46 и 19 списка.
71. (**Сеитов**). Баян-Сулу и Кузу-Курпеш (поэма). Пролог. Алатавский хребет. «Записки Западно-Сибирского Отдела И. Русского Географического Общества». Т. XXXVIII. Омск. 1916 г., стр. 142–144. Написана белыми стихами.
72. (**Семенов П.**). Козу-Курпеч.
„Географическо-Статистический словарь Российской Империи“. Составлен П. Семеновым при содействии В. Зверинского Р. Маака, Л. Майкова и Н. Филиппова. Том II. СПБ. 1865 г., стр. 826–827.
Описание памятника, краткое сообщение легенды и ссылка на литературу: Fedoroff W. (см. № 80 списка), Schrenk Al. (см. № 83) и на издание 1812 г. (см. № 8).
73. (**Семенов П.**) Баян-Джурук.
Ibidem. Том I. 1863 г., стр. 227.
Говорится о горе Баян-Джурук, название которой в переводе означает «Сердце Баяны», и которая имеет отношение к легенде Баян-Сулу и Кузу-Курпеч.
Смирнов Я. И. и Иностранцев К. А. см. Тизенгаузен В. Г.
74. **Соловьев А. Т. и Катанов Н. Ф.** Каталог книг, отпечатанных в типографии И. Казанского Университета (с 1800 по 1896 год).
Казань. 1896 г., стр. 2 и 388.
Даются библиографические сведения о книге „Кыссэ—и Козы-Керпеш», изданной в Казани в 1890 году. См. № 36 списка.
75. **Тараканов А. И.** Баян-Сулу. В киргизских степях. Киргизская легенда.
«Сибирские Записки». № 1. Январь 1916 г.. гор. Красноярск. 1916 г., стр. 59–116.
Легенда в наиболее удачной литературной обработке с вольным добавлением от автора некоторых эпизодов.
76. **Тверитин Георгий.** Песнь о Козы-Корпече и Баян-Слу. Казакская легенда.
Кзыл-Орда. (Москва) 1927 г. стр. 11—174. С портретом автора на стр. 9-й и рисунком на обложке. Предисловие Садвокасова Смагула (см. № 70 списка) с ссылкой на литературу на стр 3–7.
Написана в литературной обработке в стихах с введением от самого автора некоторых бытовых сцен из казакской жизни, которые отсутствуют в подлинном тексте легенды. См. № № 19, 46 и 70 списка.
77. (**Тизенгаузен В. Г.**) Материалы для библиографии мусульманской археологии. Из бумаг барона В. Г. Тизенгаузена. Издали К. А. Иностранцев и Я. И. Смирнов.
«Записки Восточного Отделения И. Русского Археологического Общества». Том XVI в—IV. СПБ. 1906 г., стр. 0224, 0228, 0229 и 0231.
Имеются указания на статьи Пантусова (№ 48 списка), Абрамова № 3), в «Трудах» IV Археолог. Сезда (№ 22) и П. Н. (№ 45).
78. **Тынышпаев М.** Материалы к истории киргиз-казацкого народа.
Ташкент. 1925 г., стр. 11—14. Издание Восточного Отделения Киргосиздата.
Автор говорит, что легенда Козы-Корпеш и Баян-Якуты знакома якутам и что, по мнению последних, они сами происходят от Козы-Корпеша и Баян. Затем приводит содержание легенды в связи с своим предположением, что легенда эта возникла в период первых нападений калмыков и после погрома ими кереев (конец XIII и начало XIV столетий).
79. (**Фальк, академик**) Записки путешествия академика Фалька. Часть вторая. Дополнительные известия.
«Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое И. Академией Наук по представлению ее Президента». С примечаниями, изъяснениями и дополнениями. Том седьмой. Заключающий в себе дополнительные статьи к запискам академика Фалька. СПБ. 1825 г. стр. 58.

Путешествие академика Фалька относится к 1771 г. Фальк в «известиях о Киргизской и Зюнгорской степи» кратко сообщает: «При речке Оягус видны остатки большого каменного здания, кои киргизцы называют Косу Кирпеш». См. на немецком языке под № 85.

80. Fedoroff W. Vorläufige Berichte über die von ich in den Jahren 1832 bis 1837 in West-Sibirien aûf geführten astronomisch-geographischen Arbeiten St.-Petersbourg 1838 p. 50.

Эта работа приводится со слов П. Семенова (см. 72 списка).

81. **Харузин Алексей.** Библиографический указатель статей, касающихся этнографии кара-киргизов с 1734 по 1891 г. Москва 1891 г., стр. 12 и 40. Тоже в отдельном приложении к „Этнографическому Обозрению". Москва 1891 г., кн.—IX, № 2.

Имеются библиографические указания на статьи: Абрамова (см. № 2 списка) и в «Акмолинских Областных Ведомостях» (см. № 32).

82. **Чеканинский И. А.** Казакская поэма Козу-Курпеш и Баян-Слу. (Сюжет, параллели и библиография).

В оглавлении заглавие на казакском языке.

„Записки Семипалатинского Отдела Обществ Изучения Казакстана" (б. Отдела Государственного Русского Географическо о Общества).

Том I. 1929 г. (в. XVIII). Семипалатинск. 1929 г., стр. 49—63 тоже отдельным оттиском.

83. Schrenk Al. Bericht über eine im Jahre 1842 in die östliche Dsungarische Kirgisen-Steppe unternommene Reise (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches). VII. 1845. 80.

Эта работа приводится со слов П. Семенова (см. № 72).

84. **Экспедиции и поездки.** «Известия Западно-Сибирского Отдела И. Русского Географического Общества». Том I, в 2. 1913 г. (Омск). Отдел II. стр. 6.

Краткое сообщение о записи Г. Н. Потаниным в 1912 г. в северо-восточной части Каркаралинского округа новых вариантов к сказкам и преданиям, в том числе и к сказке о Козу-Курпеше.

85. Falk Beitraqe zur topographischen kennstniss des Russischen Reichs. St.—Petersbourg. Bd. 1. 1785.

Вышеуказанная работа того же автора (Фальк) на немецком языке.

Между прочим Bd. II и III, вышедшие в 1786 г., на русском языке в печати не появлялись (см. № 79 списка).

М. Д. СЕИТОВ.

Охота с ловчими птицами у казаков Семипалатинского края.

(С предисловием и примечаниями И. А. Чеканинского)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Охота с ловчими хищными птицами несомненно является пережитками древнейшей общественной формы охоты, зачатки которой следует искать в глубине истоков человеческой культуры. Во всяком случае на Азиатском материке она известна была еще за 4 столетия нашего летоисчисления, а спустя 9 веков она распространилась и по всей Европе.

В современном Казакстане, в частности в Семипалатинском крае, этот вид охоты получил особенно широкое распространение с приходом в конце XVII столетия в степь казаков. Известно, например, что в прошлом у казакских ханов практиковались так называемые „сальбурун“ „salmurьn“ — сборища ханских джигитов для совместной охоты во главе с опытным охотником („мерген“ = „mergen“). С упразднением ханского института охота с ловчими птицами стала достоянием не только привилегированного богатого в степи класса, но и масс, а в настоящее время, в связи с изменением социально-экономических условий, этот вид охоты теряет свое значение приятного развлечения и спорта, как средства для достижения ловкости и отваги, как показателя богатства и почета. Таким образом, охота с ловчими птицами, на ряду с другими формами ее, становится промыслом, дающим источник к поддержанию бюджета трудового кочевого казакского населения.

Охоте при помощи ловчих птиц посвящена статья М. Д. Сеитова, которая если и не вполне охватывает содоржанием темы, тем не менее является обстоятельным и ценным материалом, дополняющим данные прежних авторов об этом виде охоты. Из числа заслуживающих внимания статей и заметок, касающихся охоты казаков с ловчими птицами, следует упомянуть:

1. О соколиной охоте и ловчих птицах. „Киргизская Степная Газета“. Особое прибавление к Акмолинским, Семипалатинским и Семиречинским Областным Ведомостям. Омск. 1889 г. № 22 и 23. Параллельно русскому тексту имеется текст на казакском языке.

2. Маев Н. Туркестанская выставка 1890 г. Путеводитель по выставке и ее отделам.
Ташкент. 1890 г., стр. 43—45.

3. С. А. В гостях у киргизского бая.
„Природа и Охота“. СПБ. 1891 г., кн. 7, стр. 53—61.

4. Охота у киргиз.
„Киргизская Степная Газета“. Омск. 1895 г. №№ 2 и 3. Параллельно русскому тексту имеется текст на казакском языке.

5. Охота у киргизов.
Ibidem. №№ 19—20.

6. Полферов Я. Я. Охота в Тургайской области. С рисунками (об‘екты охоты).
Оренбург. 1896 г., стр. IV+37. (Об охоте с ловчими птицами на стр. 5—16). Издание Тургайского Статистического Комитета.

7. Чорманов М. Заметки о киргизах Павлодарского уезда.

„Записки Западно-Сибирского Отдела И. Русского Географического Общества". Омск 1906 г., кн. XXXII, стр. 5—12 (об охоте с ловчими птицами).

8. Орехов И. Охота с ловчими птицами у киргиз.

„Туркестанские Ведомости". Ташкент. 1910 г., №№ 66—68.

9. Немврод. Охота с ловчими птицами в Семипалатинской губернии.

„Охотник и Пушник Сибири". (Ново-Сибирск) 1926 г. Май. № 5, стр. 12—14. Издание Сибкрайиздата. На обложке журнала рисунок казака „С соколом".

10. Горчаковский А. Пора изжить. (Корреспонденция).

Ibidem, 1928 г. Июль. № 7, стр. 78. Издание Сибкрайохотсоюза. Рисунки, изображающие казаков-охотников с ловчими птицами, помещены во многих журналах, например, в журнале „Родина". (СПБ. 1889 г. № 5)—„Киргиз на охоте"; в журнале „Сибирь" (Ново-Николаевск. 1925 г. Май. № 4, стр. 1)—„Охотники с беркутами", и в др.

Ниже мы приводим список ловчих птиц, а также об'екты охоты—промысловых зверей и птиц, перечисленные в статье М. Д. Сеитова, с указанием для первых их русских, казакских и латинских названий и параллельно названий, встречающихся у других авторов, и для вторых—только русских, казакских и латинских названий без параллелей из других авторов. Новая казакская транскрипция принадлежит И. Т. Таукелеву, любезно согласившемуся выполнить эту кропотливую работу.

Ловчие птицы к. н.:[1]) byrkyt=беркут, буркут[2]); р. н.: беркут; л. н.; Aquila nobils L.[3]) и Aquilia chrysaëtos L.[4]).

К. н.: barcьn=баршын; р. н.: беркут; л. н.: одна из разновидностей Aquila chrysaëtos L.

К. н.: kirecet=кречет; р. н.: кречет; л. н. Falco candicans L.

К. н.: qarcьqa=карчига, карчага[5]), карчегай,[6]) другое название—kezqujrьq=кезь-куйрук[7]); р. н.: ястреб тетеревятник[8]), обыкновенный сарыч[9]), сарыч[10]), ястреб-утятник[11]), л. н. Astur palumbarius L[12]) и Buteo vulgaris Becht[13]).

---

[1]) Сокращенные обозначения: к. н.=казакское название; р. н.=русское; л. н.=латинское.

[2]) См. В. Плотников. Орнитологический очерк Чиликтинской долины и прилегающего Тарбагатая (Семипалатинская область. Зайсанский уезд). „Записки Западно-Сибирского Отдела И. Русского Географического Общества». Омск. 1893 г., кн. XV, в.—III, стр. 3.

[3]) См. в указанном в тексте предисловия списке литературы статью Немврода, стр. 13.

[4]) См. Н. Словцов. Физико-географический очерк северной части Киргизской степи между правым берегом Ишима и левым Иртыша. „ЗЗСОИРГО" Омск. 1897 г., кн. XXI, стр. 135.

[5]) Под именем «карчага» известен у Н. Словцова (стр. 136—164) и А. М. Никольского (см. его: Путешествие на озеро Балхаш и в Семиреченскую область. «ЗЗСОИРГО». Омск 1885 г. кн. —VII. в.—1, ст. 12). Между прочим, под этим же именем известен и алтайцам, как об этом свидетельствует Г. Н. Потанин (см. его Очерки Северо-Западной Монголии. СПБ. 1883 г. в.—IV, стр. 162). У того же автора (см. его: Очерки.. СПБ 1881 г. в.—II, стр. 143) приводятся названия «карчага» других народов: тангну-урянхайцы—«хартыга», буряты—«хонио-ха длага», монголы и башкиры—«карсага», чуваши—«харчка» и казанские татары—«карчыга».

[6]) Под именем «карчегай» у А. Горчаковского (№ 10 в списке, стр. 78).

[7]) Под именем «кезь-куйрук»=«kezqujrьq» у В. Плотникова в двух его статьях (см. статью в примечании № 2, стр. 4 и статью: Орнитологический очерк окрестностей поселка Зеньковского. „ЗЗСОИРГО». Омск. 1898 г., кн. XXIV, стр. 2).

[8]) У. А. Горчаковского (стр. 78) и А. М Никольского (стр. 12).

[9]) У. Н. Словцова (стр. 136) и В. Плотникова (стр. 4 в первой его статье).

[10]) У. В. Плотникова (стр. 2 во второй его статье).

[11]) У. В. Плотникова (стр. 3, во второй его статье).

[12]) У. Г. Н Потанина (в.—II, стр. 143 и в.—IV, стр. 162), А. М. Никольского (стр. 12) и В. Плотникова (стр. 3 во второй его статье).

[13]) У Н. Словцова (стр. 136 и 164) и В. Плотникова (стр. 4 в первой его статье и стр. 3—во второй).

К. н.: lačьn= лашын[1]), лачин[2]), лашин[3]), другое название: sunqar= сункар[4]); р. н.: сокол[5]), сокол сапсан[6]), сапсан рыжеголовый[7]), сокол настоящий[8]); л. н.: Falco peregrinus L.

К. н. ijtelgi= ительги[9]), ительге[10]), ителгы[11]); р. н.; ястреб, сокол[12]), сокол-балабан[13]); л. н.: Falco aesalon L.

К. н.: qьrqьj= кырги, кыргый[14]), кыргий[15]), другое название mikej= мыкей[16]); р. н.: чеглок, ястреб[17]), ястреб перепелятник[18]); л. н.; Astur nisis L.

К. н.: turumtaj= турумтай, турунтай[19]), труитай[20]), турымтай[21]), иногда называют çaqaltaj =джагалтай[22]); р. н.: ястреб-перепелятник, чеглок[23]), сокол-чеглок[24]), сокол-белогорлик[25]), мышелов[26]), л. н.: Falco subbuteo L.

К. н.: çaqaltaj =жагалтай, джагалтай[27]), джегалтай[28]); р. н.: ястреб[29]) чеглок, копчик[30]), сокол-кобец[31]); л. н.: Falco vespertinus L.

М. Д. Сентов не указывает еще трех представителей ловчих птиц:

К. н.: tujqьn= туйгун[32]), тийгун[33]), тюйгун[34]); р. н.: балабан[35]), ястреб[36]), ястреб-альбинос[37]), сокол-балабан[38]); л. н.: Falco sccer L[39]), и Falco lanarius L.[40]).

К. н.: aq-sunqar=аксункар; р. н.: сокол; л. н.: Falco sp.

Об'екты охоты: к. н.: qasqьr; р. н.: волк; л. н.: Canis lupus L.

К. н.: tylki=тюльке; р. н.: лисица; л. н.: Vulpes vulgaris Pall.

К. н.: qarsaq=корсак; л. н.: Vulpes corsac Pall.

К. н. qojan=коян, р. н.: заяц, л. н.: Lepus variabilis Pall.

---

1) У М. Чорманова (№ 7 в списке, стр. 6).
2) У А. Горчаковского (стр. 78).
3) У Немврода (стр. 12).
4) У Г. Н. Потанина (в.—II, стр. 144), у него же приводится название лашина по торгоутски — «сохор» и «хонгор».
5) У М. Чорманова (стр. 6).
6) У Немврода (стр. 12).
7) У А. Горчаковского (стр. 78).
8) У В. Плотникова (стр. 5 в первой статье и стр. 2 во второй).
9) У А. Горчаковского (стр. 78).
10) У Немврода (стр. 12).
11) У М. Чорманова (стр. 6).
12) У него же.
13) У А. Горчаковского (стр. 78).
14) У Н. Словцова (стр. 124).
15) У А. Горчаковского (стр. 78).
16) У А. М. Никольского (стр. 90).
17) У М. Чорманова (стр. 6).
18) У Н. Словцова (стр. 138), А. Горчаковского (стр. 78), А. М. Никольского (стр. 90) и В. Плотникова (стр. 2, второй его статьи)
19) У Н. Словцова (стр. 163).
20) У Немврода (стр. 12)
21) У М. Чорманова (стр. 8).
22) У А. М. Никольского (стр. 89) и В. Плотникова (стр. 5 первой его статьи).
23) У Н. Словцова (стр. 137) и А. М. Никольского (стр. 89).
24) У Немврода (стр. 12).
25) У В. Плотникова (стр. 5 первой и стр. 2 второй его статей).
26) У М. Чорманова (стр. 8).
27) У него же.
28) У Н. Словцова (стр. 163).
29) У М. Чорманова (стр. 6).
30) У Н. Словцова (стр. 137).
31) У него же и В. Плотникова (стр. 3 второй его статьи),
32) У А Горчаковского (стр. 78) и М. Чорманова (стр. 6).
33) У Немврода (стр. 12).
34) У В. Плотникова (стр. 2 второй его статьи).
35) У Немврода (стр. 12).
36) У М. Чорманова (стр. 6).
37) У А. Горчаковского (стр. 78).
38) У В. Плотникова (стр. 2 второй его статьи).
39) У Немврода (стр. 12).
40) У В. Плотникова (стр. 2 второй его статьи).
41) У М. Чорманова (стр. 6).

К. н. qaz=каз, иногда называют qumьr-qaz=кумыр-каз; р. н. гусь-гуменник; л. н.: Anser cinereus L.

К. н.: yjrek=юйрек; р. н.: разные породы уток; л. н.: Anas sp.

К. н.: tьrna=трна; р. н.: журавль; л. н.: Grus cinerea Bechst.

К. н.: duvadaq=дуадак, иногда называют tyje-tavьq=тюе-таук; р. н.: дрофа; л. н.: otis tarda L.

К. н. qur=кур; р. н. тетерев; л. н.: Lagapus sp.

К. н.: kekilik=кикилик; р. н.: куропатка: л. н.: Perdix saxatilis Meyer.

К. н.: qaravavьr=карабаур; р. н.: рябчик; л. н.: Pterocles arenarius Pall.

К. н. buldurьq=бульдурук; р. н.: степной рябок; л. н.: Syrrhaptes paradoxus Pall.

К. н.: bodene=бодене; р. н.: перепелка; л. н.: Coturnix communis L.

И. А. Чеканинский

I.

Ловчие птицы.

Беркут—птица величиной побольше дрофы, клюв изогнутый, глаза желтые, у некоторых красные, оперение черное или желтое, основание хвоста белое, оперение между ног пестроватое. С каждым линянием количество светлых перьев становится все меньше и постепенно все перья темнеют.

Баршын—почерневший беркут.

Кречет птица белого или серого цвета, глаза золотисто-желтые, величина с петуха. Один из лучших видов семейства ястребов. Ловчая птица, наиболее ценившаяся у туркестанских беков. Кречета бывают двух видов: благородные (белые) и простые (серые).

Карчига—ястреб-тетеревятник. Разница с кречетом в оперении: перья у тетеревятника темно-желтые или бурые, крылья короткие, хвост длинный. Тетеревятников существует несколько видов.

Лашын—из породы соколов, темно-бурого цвета с пестринами, на шее белая кайма, крылья длинные, хвост короткий, глаза черные, корпус округленный и крепкий. В сравнении с другими хищными птицами имеет длинные и тонкие когти. С каждым линямием оперение на спине становится серее, под грудью светло-желтым.

Ительгы—из породы крупных ястребов, темно-серого или темно-бурого цвета, корпус такой же, как у лашына. Хвост пестрый, длиннее, чем у лашына, глаза черные.

Кырги — чеглок, выродок ястреба-тетеревятника, оперение такое же как у карчига, глаза желтые, ноги тонкие и длинные; величиной кырги не больше голубя.

Турумтай—ястреб-парепелятник, выродок ительгы, оперение красно-пестрое, глаза черные; величиной немного меньше грача.

Жагалтай—из мелких ястребов, выродок лашына, оперение схожее с ним; величиной немного больше ястреба-перепелятника.

II.

Добывание ловчих птиц.

Беркутов большей частью берут молодыми из гнезд или ловят капканами. Гнездятся беркуты в горах на трудно доступных скалистых обрывах. Ловец обыкновенно спускается к гнезду на арканах с вершины скалы. Ловля эта опасна, так как ловцу очень часто приходится висеть на головокружительной высоте, поэтому охотников-ловцов мало. Ловля капканом очень проста. Когда застают беркута с пойманной им добычей, его осторожно вспугивают около растерзанной добычи, настораживают капкан и тот час же удаляются. Если беркут возвратится к добыче, он попадает в капкан.

Ястребов и соколов ловят обычно сетями. В тех местах, где замечают ястреба или сокола, расставляют сети, укрепив их края на шестах или кустах, под сетями привязывается курица, тетерка и т.п. Ястреб бросается с высоты на эту птицу и запутывается в сетях. Молодых ястребов часто берут из гнезд. Мелких ястребов также ловят сетями, петлями и берут из гнезд. Интересен один из способов ловли этих птиц, указывающий на крайнюю недогадливость и неосторожность их. Если заметят, что такой хищник вечером сел на дерево для ночевки, берут длинный тонкий шест с волосяной на конце петлей и тихо подходят с этим шестом с лицевой стороны ястреба. Птица при этом сидит совершенно спокойно; она или не замечает человека или возбужденное любопытство не дает ей возможности

сообразить, к чему клонятся действия ловца. Петлей захватывается голова и ястребок падает на землю со сдавленной шеей. В случаях, когда наступившая темнота не позволяет ловцу рассмотреть птицу, к концу шеста возле петли прикрепляется зажженная свечка, которая освещает и петлю и ястребка. Такой оригинальный способ ловли мелких хищников не всегда вспугивает птицу, и она попадается в петлю. Этот способ имеет широкое распространение среди охотников казаков и дает очень часто хорошие результаты.

III.

Приручение и подготовка ловчих птиц.

Пойманной птице пришивают к голеням ремешки длиной 8 10 см., с другой стороны эти ремешки пришиваются к небольшому колечку, через которое продевается другой длинный ремешок, служащий для привязывания и держания птицы.

Диких хищников, особенно беркута, целыми днями носят на руках, часто нежно поглаживая по головке и шее, чтобы птица привыкла к прикосновению рук и не пугалась человека. Садят ее на подвешенную на бичевках с двух концов палку. Палка качается и не дает птице уснуть. Следует остерегаться всего, что может, так или иначе напугать птицу, последнее относится главным образом к беркуту, ибо не редки случаи, что однажды причиненная боль портит все воспитание беркута, он раздражается при каждом прикосновении к нему, сжимает когтями руку охотника, старается клюнут его или бьет крыльями. В целях доставления возможно меньшего раздражения, птице на голову надевают кожаный колпачек, называемый „томага“ и совершенно закрывающий оба глаза. „Томага“ снимается лишь во время кормления и на охоте перед самым взлетом за добычей; надевается постоянно беркуту, изредка ительгы и лашынам в случаях, когда ительгы и лашын не спокойны; для кречетов и ястребов колпачек не употребляется.

Когда хищник в достаточной степени свыкается с охотником, начинают приучать его зову. Сначала с близкого расстояния показывают ему мясо и зовут, потом постепенно расстояние удлиняют. Птица скоро начинает понимать ласку и угощение и через несколько дней уже летает к охотнику на его зов. Это главный момент в обучении, постепенно птица так привыкает к зову охотника, что является к нему издали и никогда не отстает в степи. Прирученную птицу кормят обезжиренным и обескровленным мясом. Это делается с той целью, чтобы заставить птицу похудеть и сбросить излишний жир в теле. Мясо перед каждой дачей крошат, удаляют из него жир и сухожилия, моют в теплой воде до тех пор, пока мясо не побелеет. Мясо такого приготовления называется „ак-жем“. Иной раз мясо дают накрошенное и размоченное в воде в течение целого дня. Такое мясо называется „бӧртпе“. Нужно следить за чистотой и доброкачественностью мяса, так как хищник легко заболевает от плохой пищи. Питание это продолжается до тех пор, пока хищник не похудеет в достаточной степени. Степень достаточного похудения определяют двумя способами: щупают кожу на груди—если кожа становится тонкой и пальцы ощущают в коже стержни перьев,—птица подготовлена. Другой способ—ощупывают копчиковую кость, если она на ощупь дает ощущение гребешка с ясно выраженными зубьями—подготовка кончена После этого обращают внимание на очищение желудка — выделение белого кала с черными концами. Темный или серый кал служит признаком недоброкачественной пищи или болезни. Мускулистая птица считается наиболее ценной, сильной и летучей. Если

птица полнеет, ее кормят обезжиренным мясом, если питание ее падает—подкармливают добытой свежей дичью.

Опытные охотники сразу опрецеляют, как подготавливалась птица по следующим признакам: когда птица подготавливается размоченным мясом „бӧртпе", у ней бывают развитее грудные мышцы, у подготовленной обезжиренным мясом „ак-жем", наоборот, сильнее развиты бедра.

Пройдя все эти стадии подготовки, птица может быть взята на охоту.

IV.

Первые охоты.

Вполне прирученных беркутов пускают на зверя с вершин сопок. Новых беркутов в начале обучения не выносят на сопки. В безветренный тихий день опускают на равнине обыкновенно на зайца. Если беркут не проявит желания улететь и не пугается охотника, охота с ним продолжается. После нескольких таких проб можно по первой пороше собраться на охоту и за лисицей.

Прочих ловчих птиц, как ястребов и соколов, также носят на руках, и когда они свыкаются с охотником, пускают на первую добычу, выбрав для этого утку из плохо и тяжело летающих пород. С этими птицами самое лучшее время для охоты—два часа до солнцезаката. Ястребиные охотники время дня от 5—6 ч. до наступления сумерек, называют „время страсти". Это название относится к весне и лету, в осенние прохладные дни такого особо благоприятного для охоты времени дня не выделяют.

Всех ловчих птиц спускают или подбрасывают к добыче всегда против ветра, таких птиц, как ястребов и соколов, никогда нельзя подпускать к добыче с другой стороны.

Охотник (верховой) берет сокола или ястреба на правое бедро, добыча должна быть с левой стороны; под'ехав таким образом шагов на 50—60 к добыче, выбрасывают ястреба и бьют в барабан с целью, чтобы утки с испугу поднялись прямо вверх, ястреб же в это время успевает настигнуть их снизу. Ястреба подбрасывают (спускают) только с определенного расстояния, иначе он не в состоянии настигнуть улетающую дичь. Поэтому от ястребиных охотников требуется верный глазомер и сноровка в подбрасывании птицы.

Беркут и ительгы лучше чувствуют себя, когда проводят дни на руках и на свежем воздухе; содержание их дома в одном месте ведет к несварению желудка и к ослаблению мышц.

Ястреб же и сокол, наоборот, при долгой носке на руках сильно утомляются, худеют и становятся вялыми. Их необходимо держать днем дома и выводить на охоту после полудня, тогда они с большей страстью бросаются на дичь.

По этому поводу у казаков существует следующий рассказ: Беркут говорит: „для того, чтобы охотиться со мной, охотник должен иметь 9 сыновей и 90 косяков лошадей"; ястреб же говорит:—„охотиться со мной может только тот, кто одинок, имеет только одну лошадь, которую бережет".

V.

Особенности охоты.

Беркута охотник обыкновенно держит на вершине сопки, в то время, как загонщики по свежим следам у подножия сопок преследуют лисицу, шумом и гиком стараясь выпугнуть ее из кустов или

камней. Когда вспугнутая лисица показывается, охотник, сдернув колпачек с беркута, выпускает последнего в воздух. Беркут чаще всего взлетает вверх, замечает бегущую лисицу и стрелой бросается за ней. Охотники в азарте, сломя голову, скачут туда же и застают лисицу уже в лапах беркута. Бывают интересные моменты, когда лисица старается защититься, бросается беркуту навстречу с оскаленными зубами. Но сильный и ловкий хищник почти всегда успевает обхватить и зажать когтями одной ноги всю морду зверя, когтями другой ноги вонзается в хребет и крепко держит добычу, свернув ее вдвое. Опытный охотник с хорошим беркутом за зиму успевает добыть 30—40 лисиц, в прошлые годы, когда зверя было значительно больше, охота эта была еще более добычлива.

Ястреба и кречета выбрасывают с под'езда. Большую роль при этом играет уменье определять расстояние, необходимое для спуска хищника и момент битья в барабан, всегда имеющийся на привязи к передней луке седла ястребиного охотника. Ястреб и кречет всегда хватают добычу на лету, при чем ястреб хватает ее, атакуя снизу вверх, кречет берет добычу, бросаясь сверху вниз. Битьем барабана ястребиный охотник заставляет уток или иную добычу подниматься прямо вверх, от этого выигрывается и расстояние для летящего низко над травой ястреба и с другой стороны создается для него удобная для хватки позиция. У некоторых охотников даже самые лучшие ястреба не могут настигнуть или схватить добычу либо оттого, слишком рано подается барабан, либо низко спускается ястреб и не может догнать улетающую дичь, либо, наконец, слишком поздно все это делается, и утки, заметив хищника, бросаются в воду. Если при первом взлете ястреб или кречет не сумеют схватить добычу, они не станут за ней гоняться и садятся тут же на землю. Нужно птицу взять в руки и снова подбрасывать. Хорошие охотники с лучшими ястребами и кречетами в день успевают добыть 30—40 уток.

Для гусиной охоты годятся лишь лучшие экземпляры этих хищников. Гуси очень стадливы и хорошо защищаются всем стадом. При неосторожном подходе на гусиной охоте можно погубить ловчую птицу. Охота на гусей проводится так: всадники издали окружают пасущееся стадо гусей, потом стараются вспугнуть это стадо навстречу охотнику. Как только гуси начинают взлетать, охотник бросает ястреба. Настигнуть гуся для ястреба не составляет труда, в особенности, когда стадо поднимается и летит навстречу, хищник схватывает одного гуся и вместе с ним спускается на землю. Гусь защищается отчаянно: кусает, бьет крыльями, остальная стая кружит вокруг борющихся, стараясь отбить добычу. Только своевременное и быстрое прибытие охотников решает борьбу. Опоздают охотники, гуси могут искалечить ястреба. Опытный ястреб во время нападения стаи гусей старается прикрыть себя своей добычей и тем спасает себя от лишних побоев.

Охота на дроф („дуадаков") для этих хищников гораздо проще. Дрофы не защищаются с такой силой и яростью, как гуси. Единственно серьезная защита дрофы заключается в том, что в тот момент, когда ястреб настигает ее, дрофа выбрасывает целое облако своих испражнений и тем самым прекращает преследование себя молодыми неопытными ястребами, садящимися сразу на землю, сплошь вымоченную жидкими экскриментами дрофы. Но опытные хищники знают эту уловку и, преследуя дрофу, держаться не сзади ее, а сбоку.

Ительгы подпускается на добычу также, как ястреб, если охотятся на гусей и дроф, или так, как беркут, если охота расчитана на зайцев. Интересна охота ительгы на зайца. Ительгы не столь силен, чтобы сразу свернуть зайца, как это делает беркут, — он не может

схватить и удержать зайца. Обыкновенно он бьет бегущего зайца с размаха своей грудью и лапами. Сила удара иногда бывает настолько чувствительна, что заяц перевертывается или остается тут же без движения, с переломанным хребтом. Но с первого удара заяц редко падает, обыкновенно ительгы гонится за зайцем и время от времени продолжает наносить свои удары. Случается, что подпускают сразу не одного ительгы, а пару, тогда удары сыплятся на зайца от каждого по очереди. В конце-концов заяц совершенно обессиливает и падает. Чаще эта охота комбинируется с охотой псовой („тазы"). После двух-трех ударов ительгы, заяц легко настигается собакой.

Охота с лашыном считается самой интересной и самой добычливой. Несмотря на свою малую величину в сравнении с другими хищниками, эта птица является самой хищной, самой летучей и самой ловкой. Лашына можно пускать на целую стаю гусей или уток. Хищник не садится с первой схваченной добычей, а бьет ее на высоте своим задним когтем, и утки или гуси падают с высоты с распоротым животом, надломленными крыльями или разбитым черепом. Не останавливаясь на первой добыче, он гонится за остальной стаей. Бывает, что за один вылет он добивает всю стаю в 15-20 уток. Когда показывается лашын, на уток нападает такой страх, что, несмотря на шум и гик охотников, утки не поднимаются. Один 70-летний охотник, страстный любитель лашынов, рассказывал случай, когда лашын гонялся за стаей гусей в 5 штук 10 клм. и, сбив их всех, одновременно спустил на землю 17 уток. Неудивительно, что все любители охоты в степи всегда мечтают иметь лашына, — птица эта редкая, добыть ее очень трудно.

Охота с ястребом-перепелятником не имеет специфических особенностей, она проводится так же, как с другими ястребами.

Охота с чеглоком также ничем не отличается от других ястребиных охот.

Охота с жагалтаем и с последними двумя ястребами считается детской забавой и представляет для молодежи подготовительную ступень к серьезной охоте.

VI.

Об'екты охоты.

С беркутом охотятся на зайцев, лисиц и корсаков. Случается, что беркута пускают на волка, но эта охота опасна. Если беркут не успеет захватить когтями морду волка, последний может перегрызть лапу или крыля птицы, у беркута часто не хватает сил свернуть и удержать зверя.

Кречет и ястреб-тетеревятник употребляется для охоты на журавлей, дроф, зайцев (редко), уток, гусей, тетеревей и т. п.

Ительгы употребляют для охоты на гусей, дроф и зайцев.

Чеглока—на уток, курапаток, рябчиков, перепелок и т. п.

Жагалтая и ястреба-перепелятника—на бульдуруков, перепелок и на прочую мелкую дичь.

VII.

Сезон охоты.

Казаки охотятся с каждой из ловчих птиц только в определенные сезоны. Причиной этого является то, что, с одной стороны, и дичь меняется в степи в зависимости от сезонов и то, что пушной зверь в известные сезоны не имеет никакой ценности. Понятно, что ястребиная охота возможна только в сезон пребывания перелетных птиц в этом крае. При этом казак-охотник добывает много дичи весной, когда в степи образуется масса луж и озерков и все они насе-

ляются стаями прилетающих уток и гусей. В мае и начале июня, когда все эти озерки высыхают, птица начинает держаться только на больших озерах и прячется по гнездам и в камышах, охотники прекращают охоту и подготовляют ястреба к линянию. Линяние достигается усиленным кормлением. Ястреб сбрасывает старые перья, отрастают свежие, и птица становится сильнее и бодрее. Когда молодые выводки начинают летать и утки табуниться, начинается второй сезон ястребиной охоты. Этот сезон бывает особенно добычливым в последний месяц перед отлетом на юг. Осенние дожди вновь наполняют котловины водой, появляются озерки. В прохладные дни в этих озерках скопляется много уток. Особенно густые стаи их собираются после первых заморозков („камал"). Эти дни дают самые лучшие результаты ястребиной охоты, прекращающейся до весны с отлетом птиц в теплые страны.

Охота с ительгы возможна круглый год: летом на гусей и дроф, осенью и зимой на зайцев.

Охота с беркутом проводится только зимой, т. к. в другое время года пушной зверь не имеет какой-либо ценности. Обыкновенно охотник ждет пороши, когда по свежим следам легко узнать, где находится зверь, и легко его выгнать на открытую поляну. Если загонщиков достаточное количество, с беркутом можно охотится в любой день.

VIII.

Продолжительность службы ловчих птиц.

Продолжительность службы ловчих птиц зависит от выучки и содержания их, т. к. продолжительность их жизни довольно большая. В руках неопытных или небрежных охотников эти птицы большей частью или погибают от заболеваний вследствие плохого ухода или улетают во время охоты. У Садвокаса Черманова было несколько беркутов, прослуживших по 10-15 лет, а его любимый беркут „Кӧк-кус" прослужил 22 года. Все они погибли от случайных причин, не проявляя за эти годы понижения своих ловчих качеств. „Кӧк-кус", например, был изранен на охоте другим беркутом, бросившимся на ту же добычу.

Сокола и ястреба также служат 10-15 л., мелкие ястреба—1-2 года

IX.

Стоимость ловчих птиц.

Рыночная стоимость беркута, еще не прирученного к охоте, среди охотников колеблется от 40 до 100 рублей, смотря по оперению и телосложению беркута. Больше ценится беркут, пойманный взрослым, чем взятый из гнезда; дороже ценится желтоватый, чем темный; чем беркут крупнее и мускулистее, тем он дороже.

Ястреба, неприрученные к охоте, на рынке продаются за 15-40 р. Здесь цена зависит также от величины, оперенья и способа ловли.

Кречет ценится дороже ястреба. Благородный кречет, например, покупается по цене наравне с беркутом, иногда и дороже, т. к. встречается довольно редко.

Лашын, как редкая птица, на рынке почти не встречается, его берут любители, что называется, на расхват, приезжая за ним 200-300 клм. и на цену не смотрят.

Нужно сказать, что в отношении ловчих птиц вообще, в отношении лашына в особенности, среди казаков не бывает чистой купли-продажи. Этих птиц дарят по обычаю „тамыр".

И. А. ЧЕКАНИНСКИЙ

„БАКСЫЛЫК“.

(Следы древних верований казаков).

„Баксылык“ явление, наблюдающееся еще и теперь в самых отдаленных и мало затронутых современной культурой уголках обширной степи Казакстана, есть одна из позднейших форм пережитков шаманизма, широко известного нашим северным, восточным и южным народам Сибири, переживающим, как известно, одни—стадию охотничье—бродячего, другие скотоводческо-кочевого хозяйства. Таким образом в понятии „баксылык“ можно видеть следы древних верований казаков, их религиозные воззрения на окружающую природу, представление о высших, обладающих сверхестественной силой, существах и вместе с тем способность отдельных лиц, путем приведения себя в экзальтированное состояние, вступать в непосредственное сношение с этими то добрыми, то злыми существами: дийу, пери, шайтанами, албасты, жинами, лаганатами, Пичуру, Убр и целым рядом других мелких божеств и духов, то совершенно незримых, как Кыдыр-ата или Хызр, то появляющихся, наконец, в образе „крылатых духов“, „великанов“, „40 юношей“, „40 дев“, „40 существ“, в образе животных и проч.

Лица, обладающие способностью непосредственного сношения с этими духами, у казаков известны под названием „баксы“, у узбеков (таранчей и сартов) „бахши“ или „бакши“ что значит лекарь—колдун, от глагола „бакмак“—лечить. По представлениям баксы и их последователей вся природа наполнена духами, которые вольны распоряжаться судьбами человечества. Более всего от этих духов достается молодым беременным женщинам „курсакты“ (тоже „жукту äйел“, „буубз“ и „кӱмöнди“) во время родов: неправильные роды, появление уродцев, болезни груди[1]) (грудница), нервные и различного рода гинекологические заболевания—все это происки шайтанов, пери и др., особенно „марту“—духа, который делает вред женщинам при родах. Женщины, не рожающие детей[2]), также считаются наказанными шайтанами, хотя и могут получить исцеление от этого недуга помимо участия баксы путем посещения святых пещер[3]), камней[4]), тополей[5]) и проч., где когда-то, по преданиям, жили святые отшельники. Здесь, во время ночевки с молодыми мужчинами, бездетные казачки приобретают способность к деторождению. Впрочем, этому помогают также обильные жертвы, приносимые духу покойного святого,—усиленное мазание бараньим салом[6]) камней и навешивание на близ растущие у священного места деревья конских волос и лоскутков своей одежды.

---

1) Женская грудь—«емшек».
2) Бесплодные женщины называются «бедеу äйел».
3) Святая пещера—«конур-аулие».
4) Святой камень—«аулие-тас».
5) Тополь—«терек».
6) Сало—«май».

Но мужчины, дети и даже животные также подвержены заболеваниям, как результат вмешательства в их организм злых духов, которые кроме непосредственного влияния на состояние здоровья человека или животного, могут влиять и на благополучный или не благополучный исход затеянного человеком предприятия.

Между прочим, интересно напомнить, что у казаков существует поверие о покровителях домашних животных: верблюдов[1])—„о й-с ы л-к а р а“, лошадей[2])—„ж ы л к ы ш-а т а“, коров[3])—„з и н и ш-б а б а“ и баранов[4])—„ш о п а н-а т а“.

Наблюдения показывают, что понятие о более высших божествах, которое существует у бурят—шаманистов, шаманистов якутов и алтайцев,—как, например, у последних У л ь г е н ь—бог неба и вселенной, олицетворяющий добро, его мать Т а з ы х а н, Я ж и г а н-громовержец и повелитель дождя, Т и м у р-х а н бог войны, противопоставляемый У л ь г е н ю Е р л и к-х а н—бог преисподней, олицетворящий зло, высшее божество неба у бурят Э с е г е-М а л а н-т э н г р и, мифологическое существо подземного царства дохристианской религии якутов К ы д а й-Б а х с ы и проч.,—у казаков-шаманистов как будто бы утратилось, по крайней мере уже теперь ничего не слышно о верховных божествах казаков—Ж а с а г а н—творце вселенной (сравнить с алтайским Я ж и г а н), о Т ӓ н г р а (очевидно монгольский Т э н г р и) и о подчиненных им богах. Есть лишь злые и добрые существа—духи, которые не имеют своего генеалогического дерева и стоят вне подчиненной зависимости друг о друга и лишь только человек, в большинстве случаев, одаренный от рождения способностью чувствовать, осязать и распознавать этих духов, путешествовать некоторое время в потустороннем загробном мире, видеться с духами и возвращаться обратно или призывать их, может регулировать желания и действия духов, направленные на зло и во вред[5]) людям, либо путем колдовства[6]), принесения жертв и умилостивления, либо путем применения угроз[7]) по отношению к духам. Так, например, в одном заклинании бакса говорит:

„... Я говорю: два моих одинаковых великана придите,
Я говорю: где К о б е н, пьющий кровь?
Этот мой резака, вынимающий внутренние болезни,
Я вас зову...“[8])

---

[1]) Верблюд—«т ю й е».

[2]) Лошадь—«а т».

[3]) Корова—«с ы и р».

[4]) Баран—«к о й».

[5]) Вред, зло—«к а с т ы к» или «ж а м а н д ы к».

[6]) Колдовство—«ж а д у».

[7]) В лексиконе казаков имеется существительное—«к о р к у н ы ш»—страх, боязнь, ужас; глагол «к о р к у т»—устрашать, испугать; отсюда «к о р к у н ы ш т ы»—страшный.

[8]) См. М. Миропиев. Демонологические рассказы киргизов. „Записки И. Русского Географического Общества по отделению Этнографии“. СПБ. 1888 г. Том X, вып. 3, стр. 47.

Большой и в высшей степени интересный фольклористический материал, отображающий собой шаманские верования турецко-монгольских народов, представлен трудами Радлова, Потанина, Серошевского, Трощанского, Пекарского, Вербицкого, [illegible], [illegible], Анохина и целым рядом работ других сибирских и туркестанских этнографов. Интересен материал в сборниках сравнительно недавнего времени: Н. Я. Никифоров. Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г. Н. Потанина («Записки Западно-Сибирского Отдела И. Русск. Геогр. О-ва». Омск 1915 г. Т. XXXVII, стр. 293+XIV); Г. В. Ксенофонтов. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. (Материалы к мифологии урало-алтайских племен в Северной Азии. Часть первая. Иркутск. 1928 г., стр. 1—77. Приложение к «Очеркам по изучению Якутского края». Вып. II. Иркутск. 1928 г. Изд. Якутской секции Вост.-Сиб. Отдела Русск. Геогр. О-ва. Смотреть также отдельные небольшие статьи, А. Н. Балдунникова «Первый шаман» («Бурятоведческий сборник». Вып. III—IV. Иркутск, 1927 г., стр. 67—69); Д. Д. Дамеева—Легенда о происхождении шаманизма и наделении волшебством. (Ibidem стр. 69—70).

В другом заклинании бакса обращается к шайтану:

„Эй, шайтан, что тебе нужно?
Что ты не уходишь от меня?
Неужели ты до сих пор не знаешь меня?
... Эй, шайтаны, шайтаны,
Возьмите это легкое
И убирайтесь с этим угощением.
Эту женщину не убивай
И не делай ей вреда..." [1])

Как видно из первого заклинания, существовал дух в виде великана, носившего имя Кобен, на обязанности которого было разрезать тело и вынимать внутренние болезни. В заключении заклинания, которое мы опускаем, упоминается другое мифическое существо Коман, играющий на небе и испускающий тень свою на землю. Очевидно, были и другие подобные им духи. По преданиям казаков известно, что покровителем баксы и вместе с тем первым баксой был некий Коркыта или Куркут[2]), давший мотив для песен—заклинаний

„БАКСА"
Слямбек во время своего сеанса 11 марта 1929 г. на этнографическом вечере в г. Семипалатинске.
(Фото-снимок «Ирка»).

[1]) См. М. Миронцев, стр. 50.

[2]) Между прочим, в преданиях алтайцев имеются указания, что обладатель вещим знанием хозяин и обитатель подземного мира Ерлик, помогший Ульгеню построить мир, был и первым у алтайцев шаманом.

В отношении имени Коркыт или Куркут смотреть в примечании 7 на стр. 75.

баксы, почему, например, услышав этот мотив или ему подобный, бакса приходит в крайне нервное состояние и поет свои заклинания. Теперь таких заклинаний и стихов, где бы упоминались названные божества—духи, бакса не поет, во всяком случае, даже природные казаки не могут почти ни одного слова понять в его заклинании, представляющем собой дикие пронзительные выкрики, отдельные восклицания и, наконец, непонятные целые фразы, в которых изредка слышатся слова из корана. В этом отчасти сказывается последующее влияние магометанства. Эти два, казалось бы противоположные вероучения, однако уживаются бок-о бок, точно так-же, как буддизм и христианство с шаманизмом. Известны многие примеры, приводимые путешественниками-этнографами, когда ламы и русские священники в случаях постигшей их болезни, обращаются не только тайком от верующих, но и открыто, за помощью к шаману[1]). Несомненно, что и правоверные магометане-фанатики не прочь в известных случаях обратиться к помощи баксы. В демонологических рассказах казаков мы, например, видим, как отшельник (с у ф и) и м у л л а боятся пери.

Профессия баксылык преимущественно передается по наследству от отца сыну, быть может, потому, что и самый акт баксылык вызывается упадком сил, расстройством нервной системы, галлюцинациями, раздражительностью, меланхолией и др. психическими заболеваниями, часто передающимися по наследству от родителей детям. По крайней мере бакса Слямбек[2]) из аула Чингиставского района, Семипалатинского округа, рассказывает, что свою профессию лекаря-колдуна он унаследовал от отца Перекпая, который славился в своем округе, как всезнающий бакса[3]). По словам Слямбека, последний не готовился быть баксой, наоборот, после смерти отца, он повесил его „к о б ы з" и избегал прикасаться к нему. Кроме того, Слямбек находил, что его материальное положение вполне обеспечено и он не нуждался в постороннем заработке. Тем не менее, после смерти отца, Слямбек стал чуствовать беспричинную слабость, тоску и крайне подавленное настроение, доводившее его до сумсашествия[4]). Ему чудилось, что его посещают и преследуют духи[5]). Такое же состояние стала испытывать и его жена: она жаловалась на кошмарные сны[6]), несколько раз выбегала из юрты, уверяя, что ее преследуют какие-то духи, а однажды у ней оказалось рассеченным плечо и она об'явила, что это дело рук шайтана, который посещает ее ночью и не дает ей покоя. Дети Слямбека также несколько раз выбегали ночью из юрты, указывая, что их кто-то преследует, но кто именно—они сказать не могут. Наконец, сам Слямбек поехал как-то в соседний аул,

[1]) А. А. Макаренко, хороший знаток крестьян-сибиряков, говорит: «Православные-крестьяне, граждане и даже иногда м е с т н о е д у х о в е н с т в о,—призывают шаманов для врачевания своих болезней, их просят ворожить о пропажах, шаманить насчет судьбы и т. п. Боятся.... тронуть инородческие могилы, особливо шаманские, и памятники древних стойбищ инородцев, считая их «заклятыми»,—чтобы не навлечь на себя гнев духа мертвых, духа шаманов и проч.

См. Алексей Макаренко. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. «Записки И. Русск. Геогр. О-ва по отделению этнографии». Том XXXVI. СПБ. 1913 г, стр. 10, тоже у Ив. Чеканинского в статье—«Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях по р. Чуне в Енисейской губернии», напечатанной в «Этнографическом Обозрении» кн. CIII—CIV. № 3—4. Москва. 1914 г, стр. 75.

[2]) 11 марта т. г. (1929) Семипалатинским Отделом Госуд. Русск. Геогр. Об-ва (ныне Отдел О-ва изучения Казакстана) Слямбек выступал в качестве баксы на устроенном Отделом вечере казакской этнографии. См. приложенный фото-снимок.

[3]) Перекпай также выступал в 1900 годах в качестве баксы на этнографическом вечере Семипалатин. ОГРГО.

[4]) «Ж ы н д ы» или «ж ы н л ы»—сумасшедший, одержимый бесом; «ж ы н д а н»—беситься, сойти с ума.

[5]) «А р у а к т а р д а р ы г а н к с н»—человек, посещаемый духами.

[6]) «Б а с т ы г у»—кошмарный сон.

дорогой он почувствовал слабость и тоску, его стал преследовать шайтан—невидимый дух, который склонял Слямбека к баскылык'у. Слямбек, потеряв сознание, упал с лошади и пришел в себя лишь тогда, когда очутился в своей юрте,—незримый дух доставил Слямбека в юрту. Вскоре с Слямбеком повторился такой же случай, но духи стали с большей настойчивостью преследовать его. Однажды Слямбек сидел в юрте и случайно взглянул на кобыз, вдруг кобыз без посторонней помощи слетел с решотки и ударился о лицо Слямбека, после этого Слямбек стал баксой. Сам Слямбек говорит, что профессия баксы ему не нравится, и он всячески желал бы избавиться от нее, но боится, что духи будут нарушать его покой.

Однако, профессия баксы может быть приобретена не только наследственным путем, что видно из рассказа, записанного нами в 1921 г. со слов киргизского (кара-киргиз) баксы Сусамырской волости, Пишпекского уезда бывшей Семиреченской области (один из районов нынешнего Киргизстана). Бакса рассказал, что родители желающие, чтобы их будущий сын приобрел способности баксы, выбирают из стада белую барануху с желтой головой („аксарыбашил"). В течение трех лет барануху не допускают к случке с бараном, для чего к задней части баранухи подшивают кусок кошмы („к ӱ й ӧ к") По истечении указанного срока барануху случают с бараном, отчего должен появиться ягненок самец („к о з у"—только что родившийся ягненок). Через 90 дней, вечером до заката солнца, ягненка колют и сваренным в к а з а н е (котле) мясом угощают одноаульцев бедняков. Шкуру от заколотого ягненка отдают мулле[1], а кровь зарывают в ямку подле юрты. В оставшейся от с'еденного мяса плечевой лопатке—„ж а у р у н"[2]) (scapula) у корневища делают отверстие, в которое продевают шнурок из верблюжьей шерсти („ш о о н а"). В таком виде лопатка хранится в ящике („с а н'д ы к") до появления у хозяйки юрты ребенка сына, которому мать, прежде чем кормить его своим молоком, должна всякий раз дать пососать широкий тонкий конец лопатки. Спустя 10—12 лет, мальчику дают пристально смотреть на лопатку и в воду и с этого момента он приобретает познания гадателя на бараньей лопатке и способность в дальнейшем самостоятельно подготовить себя к профессии баксы[3]).

Возможно, что в древние времена баксами могли быть и женщины[4]), как наиболее подверженные нервным заболеваниям, на что указывают и некоторые предания казаков, хотя Г. Н. Потанин и говорит, что „баксы женского пола у киргиз (казаков) не встречаются"[5]).

Внешне от шамана бакса отличается тем, что он не имеет специальной одежды, которая указывала бы его профессию, и только ближайший средне-азиатский сородич баксы—„д у а н а"[6]), тоже представитель одной из отживающих форм шаманизма в сочетании его с магометанством, имеет специальную одежду (шапку, халат, палкупосох из священного дерева „М у с а-а с а", часто нанизаннную дребезжащими железными кольцами и бляшками), свидетельствующую о принадлежности дуаны к определенному религиозному культу.

Известно, что необходимейшей вещью, сопровождающей служение шаманскому культу, является бубен, тогда как при баксылыке роль бубна выполняет смычковый инструмент, называемый казаками

---

1) Таким образом и мулла принимает участие в обрядах шаманского культа.
2) «Ж а у р у н-к а р а»—гадать по лопатке, «ж а у р у н ш ы»—гадающий по лопатке.
3) Насколько помнится, по киргизски (кара-киргизы) «д а л ы ч и»
4) Женщины-врачевательницы у киргизов называются «бю-бю».
5) См. Г. Н. Потанина. Очерки Северо-Западной Монголии Вып. II. СПБ. 1881 г., стр. 81 и 82.
6) «Д у у а н а» собственно означает юродивый-блаженный.

„кобыз“[1]), кузов которого делается из верблюжьей кожи. В редких случаях, за неимением кобыза, бакса прибегает к помощи „домбры“

„ДУАНА“
из Куяндов, Каркаралинского округа.
(Фото-снимок П. А. Тысяцкого).

[1]) Киргизами кобыз называется «кыл-кияк», кузов—«чапрконор», гриф—«кармардирь», колок — «кулак», зеркало, имеющееся во внутренней стороне кузова — «коромчу» (видеть) или «кюскю», побрякушки на грифе и в кузове—«шалдратма», мушка, через которую проходят струны — «тиек», нижний выдающийся конец кобыза — «тьектоктогар». (Запись 1921 г. в Киргизстане).

Интересно отметить, что кобызом (иной раз в произношении казаков это слово звучит как «хомыс») называется также небольшой, сантим. 3—4 длины металлический музыкальный инструмент с небольшой металлической пластинкой, распространение которого, очевидно, очень широко. В. Ф. Трощанский в своей статье «Наброски о якутах Якутского округа» (под ред. и с примеч. Э. К. Пекарского. Казань. 1911 г., стр. 34) видел его у якуток. Он же такой инструмент под названием «дымбра» видел у цыган на юге России. Даль, называя этот инструмент «хомус», «хамыс», «варган», «кобыз», считает его общераспространенным (Ibidem, стр. 34). Нам удалось видеть такой же инструмент (3 экземпляра) в коллекции Алма-атинского музея в 1921 г. Судя по этикетке инструменты эти принадлежали дунганам, хотя и носили казакское название «кобыз-кыз» (девичий кобыз). Точно такой же музыкальный инструмент мы видели в 1927 г. в музее г. Ново-Сибирска, и если не изменяет память, инструмент этот был среди предметов остяков (с р. Оби) этнографической коллекции. Алма-атинские «кобыз-кыз» помещались в небольших выдолбленных из дерева футлярах.

—трехструнного музыкального инструмента, аналогичного по устройству и форме русской балалайке. Впрочем, узбекские бакши выполняют свой сеанс, имея при этом небольших размеров бубен—„даб" или „шалдаб".

Во время баксылыка[1]) бакса сидит на полу юрты, немного покачиваясь из стороны в стороны и изредка соскакивая, чтобы покружиться на месте. Этот акт кружения многими исследователями относится к древним временам шаманизма. Так, например, известный знаток древних обычаев своего народа, ученый казак А. А. Диваев со слов Л. Будагова говорит: „Да кружусь вокруг тебя"—фраза эта в большом употреблении у здешних (б. Сыр-Дарьинская область) туземцев и выражает собою ласкательное восклицание. Она произносится кратким словом „айналаjын"[2])—„Да кружусь—готов отдать жизнь за тебя". Восклицание это осталось от древнего обычая, по которому, принося жертву, например, для излечения болезни, кружились вокруг больного и потом предмет жертвы или резали или раздавали больным"[3]). Покачиваясь и кружась, бакса не выпускает из рук кобыза, случайное выпадение которого может прервать действие баксы помимо воли последнего[4]). В экстазе бакса поет под аккомпанимент кобыза, или, вдруг приостановив игру на кобызе, творит заклинания, часто храпит от напряжения, иной раз на мгновение приостанавливает игру, что бы подтянуть ослабевшие на смычке струны, сделанные из конских волос, или, наконец, натереть их куском сосновой серы, которая помещается в специально сделанном для этого мешечке[5]), подвязанном на шнурке к концу кобыза.

В этом мешочке часто вместо серы помещается 41 шарик бараньего помета („кумалак"). Раскладывая в соответствующей комбинации шарики, бакса гадает („кумалак-сал") перед приведением себя в экстаз, что собственно и является первым актом баксылыка. Кобыз издает режущие звуки и, лишь, внимательно прислушиваясь, можно уловить приятные для музыкального слуха ноты. Имеющиеся вверху грифа кобыза металлические, иной раз фигурные, подвески, усиливают шум игры, который особенно действует на воображение окружающих нервно-настроенных слушателей. Эти подвески, в прошлом несомненно имевшие каждая свое особое значение в ряду предметов шаманского культа подобно подвескам на шаманском бубне и одежде, теперь значение свое утратили, вернее, значение это забыто самими носителями традиций и реликвий шаманских верований—баксами. Вверху грифа имеются перья ног филина—„уку", которые должны предохранять от возможных несчастий во время баксылыка. „Уку" по представлениям казаков, узбеков и киргизов, имеют особую силу прогонять недоброжелательно настроенных к людям и животным злых духов, вследствие чего перья эти часто привешиваются к люльке ребенка, к его шапочке, прикрепляют к волосам на макушке головы, к свадебному головному убору невесты „саукеле", наконец, к хвосту любимой лошади, к ее гриве и т. п. Внутри кобыза по бокам линии струн, посредине имеется вделанном с правой стороны небольшой обломок зеркала—„карауш" или „айна", и с левой—одна или несколько перламутровых, медных блестящих пуговиц или пластинок, точное назначение которых не выяснено.

Следует заметить, что свои заклинания бакса сопровождает вдруг отдаленным мягким свистом, неприятно режущим слух, гор-

---

1) Баксылык—бакса может совершать и днем и ночью.

2) Айналаин- в новой транскрипции «ajnaləjin».

3) См. А. А. Диваев. О свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области. Казань. 1900 г., стр. 22—23, примечание 10. (Оттиск из «Ученых Записок И. Казанского Университета»).

4) Об'яснение баксы Слямбека.

5) Мешечек—баштык »вастьр».

танными и шипящими звуками, в которых можно уловить подражание крикам птиц, зверей и домашних животных. При этом глаза баксы то широко открыты и пронзивающие, то полузакрыты с закатившимися зрачками с неподвижными кровавыми от напряжения белками. Находясь все время в движении (вздрагивании), бакса чрезвычайно быстро потеет; прислуживающий при этом его помощник часто вытирает тряпкой пот с лица и головы баксы и время от времени подносит ему чашку кумыса, с жадностью выпиваемого баксой. Наконец, бакса бросает кобыз или его намеренно вышибает из рук баксы помощник. Бакса быстро вскакивает на ноги, пошатываясь продолжительное время кружится, жестикулирует руками, бормочет и выкрикивает отдельные непонятные слова, а затем постепенно приходит в себя и приступает к своим лекарским обязанностям—изгнанию из больного злых духов, которое не редко кончается смертью больного.

В августе 1920 г. нам пришлось наблюдать случай изгнания таранчинским бакшой шайтана из груди таранчинки по имени Ханым[1]), болевшей после родов грудницей. Действие происходило в административном центре обширного Кульджинского края Син-Дзянской провинции Западного Китая—г. Кульдже. В глинобитном темном от дыма жилье помещалась семья молодого таранчинца Абубакыра. За несколько дней до обращения Абубакыра к бакше, мы видели Ханым цветущей красивой молодой женщиной, хотя и начинавшей уже болеть. У приглашенного бакши вместо кобыза был „даб"—бубен с металлическими медными обручами—„каскан" и железными привесками—„шалдырлама". Во время лечения бакша часто глядел в огонь, брал раскаленное железо, с криками и угрозами накидывался на больную, что то приказывал ей. Несмотря на присутствие достаточного количества родственников больной, бакшу окружала мертвая тишина—присутствующие были загипнотизированы и смотрели на действия бакши с затаенным вниманием; однако, лечению бакши Ханым не поддавалась, несмотря на повторные сеансы в течение нескольких вечеров и ночей подряд. По мнению бакши, шайтаны, забравшиеся в грудь Ханым были особенно упорны и несговорчивы. В последнюю ночь, после издевательства над больной женщиной, топтания ее ногами и битья плетью[2]), бакши решил сделать Ханым небольшие надрезы кожи возле сосков груди, чтобы дать свободный выход шайтанам. В этот сеанс после операции Ханым получила психическое расстройство: она не узнавала родных и знакомых, с громким хохотом выбегала на двор, рвала свое платье, обводила всех диким взглядом. После бурного настроения она вдруг становилась угрюмой, молчаливой, тихо рыдала и прижимала руками свою грудь. К утру следующего дня Ханым не стало—она уже умерла[3]); а бакши получил щедрую плату в виде барашков, дабы[4]) и денег.

Приемы лечения таранчинского бакши, как и рецептура, крайне жестоки и невероятны, они практикуются и казакскими баксами. В Каркаралинском округе мальчика, заболевшего неизвестной болезнью, но с признаками малярии[5]), имевшего высокую t°, с выделением пота и страдавшего необычайной жаждой[6]), бакса посоветовал лечить следующим способом[7]): разыскать в степи часть верхнего спинного по-

---

1) По казакски «ханум»=ханша, султанша.

2) Плеть—„камча"

3) «ӧлъды»—умереть, «ӧлу»—смерть.

4) Материя местного производства.

5) «Калшылда»—трястись от озноба.

6) По словам рассказчика «пил два ведра в день». Жажда=«шӧл».

7) Со слов казака, кочующего на джайляу в районе горы Мелек Каркаралинского округа. Записано автором в 1927 г. во время этнографической поездки.

звоночника—„узун-омуртка“, павшего от болезни или от естественной смерти животного и настоять этот позвоночник на воде. Снять с только что вспоченной трехгодовалой сытой лошади кошомку —„терлик“, находящуюся под потником—„токум“. Раздетого до нага больного положить на войлок, спрыскивать—„ушукта“[1]) настоянной на позвоночнике водой и тереть тело терлик'ом до тех пор, пока больной не получит облегчения. (sic!). Другой практикуемый способ лечения внутренних болезней: на перекрестке 7-ми дорог собирают 7 камешков и с каждой из 7-ми дорог по травке (7 разных трав); к камешкам и травам прибавляют березовой и таловой коры, помет сурка--„суур“ (помет берется обязательно у норы сурка), и песок из сурьей норы[2]). Все это согревается в казане с водой, а затем настоем всех этих снадобий поят больного, после чего одевают его в теплую одежду и согревают до пота. В качестве согревающего компресса рекомендуется нагреть мешок с поваренной солью (около 8 килограмм). На нагретый мешок кладут больного. Укушенного ядовитыми насекомыми или змеей, на ночь раздетого до гола оставляют в камышах в расчетах, что комары за ночь успеют высосать из тела больного яд—„уу“. Наконец, принявшего внутрь яд[3]); протаскивают арканом несколько раз против течения по дну реки, полагая, что вода, попадающая через рот больного в кишечник и желудок, очистит их от яда. Еще более сурово и мучительнее лечат одержимого падучей болезнью, называемой казаками «койаншык ауру»[4]), которой очень часто бывают подвержены сами баксы.

Естественно, что выполнение таких рецептов баксы очень часто кончается смертью больного, тем не менее вера в могущество и всеведение баксы продолжает существовать среди степняков отдельных районов. В Зайсанском районе[5]) еще и теперь верят, что баксы настолько силён и могущ, что может пальцами своей руки резать не только мягкие предметы, но дерево и железо, а ударом пальца разбивать камни, босыми ногами ступать на раскаленное до красна железо и лизать его языком, ходить босыми ногами по лезвию железного ножа и проч. Может чтением книги (?) при посторонних лицах заставить юрту подняться над землей, или по своему желанию может сам отделиться от земли и подняться на юрту через круг, составляющий верх юрты—«шангарак».

В бывшей Темерчинской волости, Каркаралинского округа, по словам казака Касия Оспанова[6]), был бакса, по приказанию которого его кобыз мог летать по воздуху и перегонять самых быстрых и лучших степных бегунцов. Однажды, во время бега лучших бегунцов бакса пожелал пустить с ними и свой кобыз. Завистливые люди решили посмеяться над баксой и перед тем, как пустить своих лошадей, участники бега незаметно для баксы натуго арканом подвязали кобыз к дереву. Но как только лошади побежали кобыз сам отделился от дерева и, пока лошади бежали в один конец, он успел расстояние бега в обе стороны покрыть два раза и в последний раз вернуться первым прежде, чем лошади добежали до назначенного места. Эти рассказы и аналогичные им циркулируют повсеместно в степи среди доверчивых кочующих казаков. Одновременно рассказы эти дают основание считать баксылык проявлением обмана, намеренного затемнения мысли степняка Однако, смотреть на баксылык как

---

1) Спрыскивать изо рта—«бурукпок».
2) Нора —«ин».
3) Отравиться—«уулан».
4) Родимчик по-казакски «зыйандас».
5) Со слов А. М. Аскарова в 1928 г.
6) Записано в 1927 г.

на шарлатанство, имея ввиду отдельные случаи, едва ли правильно, т. к. в целом шаманство, в свое время, являясь одной из низших, но значительных ступеней лестницы современной общечеловеческой культуры, имело не только внешнюю сторону, но и внутреннюю, сущность и содержание которой забыто. Бакса, его приемы и чудеса — внешняя консервативная сторона баксылыка и в качестве таковой ей легче было сохраниться до наших дней. В самом деле, бакса, как человек, подверженный нервным заболеваниям, как человек, лишенный здоровой критики и аналитической мысли, наконец, как человек, получивший известное внушение с детства, конечно, искренне верит в свое призвание, в свою миссию лекаря-колдуна, в свое посредничество между двумя мирами: землей[1]) и небом[2]), а поэтому и влияние его на окружающую темную массу велико. Это влияние усиливалось отсутствием в степи культурных сил, которые наглядно могли бы противопоставить «чудесам» практические достижения науки. Выгодное положение в этом отношении занимает оседлое пригородное казакское население, которое повседневно сталкиваясь с культурой переустройства на новых началах отживающих форм хозяйства, а вместе с тем и устарелых особенностей быта, начинает относиться совершенно безразлично, а в некоторых случаях недоверчиво и даже враждебно не только к представителям шаманского, но и всех религиозных культов.

Случаи ломки шаманства и борьбы с последним, например, на Алтае мы видели уже давно. Там еще в 1881 г. была создана, так называемая „Алтайская Духовная Миссия", в состав которой входила Киргизская, впоследствии (с 1895 г.) распространившая свои инквизиторские щупальцы и на казакские степи, в частности на мусульманское население б. Семипалатинской области. Но эта миссия основной своей задачей ставила борьбу главным образом с магометанством. Однако, крайне невежественный состав руководителей миссией и миссионеров, практикуемые приемы борьбы, наконец, цель этой борьбы—замена одной религии, другой, ничем не отличающихся как по форме, так и по существу,- не могли пользоваться сколько-нибудь авторитетом даже среди темных масс населения и только вспыхнувшее в 1893 г. на Алтае новое, пришедшее из Монголии народное религиозное учение в противовес шаманству деистическое („бурханизм"), во главе которого стал алтаец из Чарыша Чет Челпанов, всколыхнуло несколько алтайцев и основательно поколебало доверие к шаманскому культу. Тем не менее шаманство на Алтае и одна из форм проявления его баксылык в степях Казакстана, не исчезли и, среди масс кочевников, оторванных от оседлых населенных мест, занимают, как это мы уже видели, и до настоящего времени господствующее положение. Это положение нельзя не расценивать как одно из вреднейших в степи социальных явлений, энергичная борьба с которым среди трудового кочевого населения возможна лишь путем культурных мер переустройства старого полуфеодального быта на новых социалистических началах, путем расширения сети культурных учреждений, школ и в первую очередь—врачебных участков.

---

[1]) Земля—«джер».
[2]) Небо—«ауа».

Краткий указатель

литературы, посвященной пережиткам деревних верований казаков, киргизов и узбеков.

А-ов О. Баксы и дуаны.
«Киргизская Степная Газета». Омск 1894 г. № 36. Здесь-же на казакском языке.

Алектаров А. Е. Бакса. Из мира киргизских суеверий.
«Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при И. Казанском Университете».
Казань 1900 г. т. XVI, в. I; тоже «Тургайская Газета». Оренбург. 1900 г. № 4.

Алектаров А. Е. Болезни киргизов и средства врачевания их.
«Оренбургский Листок». Оренбург. 1891 г. №№ 2—5 и 7.
Лечения баксы и мулл.

Алектаров А. Е. Киргизы.
Ibidem, 1886 г. №№ 13—20, 22—25.
Имеются сведения о баксах.

Бекимов М. Н. Этнографические материалы.
«Средняя Азия» (сборник). Ташкент. 1910 г. № 2.
Имеется глава «Следы шаманизма у киргиз».

Броневский Г. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды.
«Отечественные Записки» СПБ. 1830 г. ч. 43.
Имеются указания о болезнях, лечении киргиз и о шаманах.

(Валиханов Ч. Ч.) Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова.
«Записка И. Русского Географического Общества по Отделению Этнографии». СПБ. 1904 г. т. XXIX.
Имеются разделы: следы шаманства у киргизов и заметки о шаманстве.

Венюков М. И. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них.
СПБ. 1868 г.
Имеется раздел следы шаманства у кара-киргиз.

Г. А. Заклинания у киргиз. По материалам А. А. Диваева.
«Туркестанские Ведомости». Ташкент. 1910 г. № 182. Тоже «Семиреченские Областные Ведомости». Верный. 1910 г. № 73.

Даулбаев Б. Д. Рассказы из жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 г.
«Записки Оренбургского Отдела И. Русского Географического Общества». Оренбург. 1881 г. т. IV.
Имеются указания на баксы и татибы.

Диваев А. А. Призыв ветра. Киргизское поверье.
«Туркестанские Ведомости». Ташкент. 1892 г. № 41.

Диваев А. А. Волшебные заговоры против укуса ядовитых насекомых и пресмыкающихся.
Ibidem. 1893 г. № 7.

Диваев А. А. Из области киргизских верований. Баксы, как лекарь и колдун. Этнографический очерк.
«Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при И. Казанском Университете». г. Казань. 1899 г. т. XV, в. 3 с 2 рис.; тоже отдельным оттиском; тоже в «Этнографическом Обозрении». Москва, 1907 г. № 4; тоже в «Семиреченских Областных Ведомостях» г. Верный. 1908 г. № 70.

Диваев А. А. О происхождении Албасты, Джинна и Дива.
Ibidem. Казань 1897 г. т. XIV, в. 2.

Диваев А. А. О происхождении злых духов по верованиям киргизов Сыр-Дарьинской области.
«Волжский Вестник». Казань. 1897 г. № 31.

Диваев А. А. Киргизские болезни и способы их лечения.
«Туркестанские Ведомости». Ташкент. 1902 г. № 80 и 1903 г. № 43.
Имеются сведения о шаманстве.

Диваев А. А. Киргизские Заговоры.
«Этнографическое Обозрение». Москва. 1910 г. № 1—2.

Диваев А. А. Заклинания, призыв ветра. Из киргизских поверий
Ibidem.

Досумбеков Б. Табибы и баксы
«Киргизская Степная Газета». Омск. 1894 г. № 16.
Здесь же на казакском языке.

[1]) Данные частью заимствованы из указателей В. И. Межова (1892 и 1903 г.). А. Н. Харузина (1891 г.), А. Е. Алекторова (1900 г.) и Е. А. Вознесенской и А. Б. Пиотровского. (1927 г.).

Е-вич. Шаманство у киргиз.
«Туркестанские Ведомости». Ташкент. 1913 г. № 28.

Евреинов А. Внутренняя или Букеевская киргиз-кайсацкая орда.
«Современник». СПБ. 1851 г. XXIX, № 9 и 10.
О знахарях.

Жильцов А. Баксы.
„Туркестанская Газета". Оренбург. 1895 г. № 7.

Жильцов А. Во мраке невежества. Рассказ из практики киргизских бакс и даргеров.
Ididem, 1896 г., № 71.

К. Остатки шаманства среди сартов.
„Туркестанские Ведомости", 1902 г. № 50.

Кастанье И. А. Из области киргизских верований.
„Вестник Оренбурского Учебного Округа".
Оренбург. 1912 г. № 3 и 6, 1913 г. № 3—6.

Крестов Лечение падучей болезни у киргизов.
„Сибирь" (газета) 1877 г. № 8.
Истязание знахарями больной в районе Зайсана, в уроч. Ой-чимлы.

Кузнецов Е. В. Старое сказание о вере и обрядах киргизов.
„Тобольские Епархиальные Ведомости". Тобольск. 1896 г. № 10.

Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей.
СПБ. 1832 г. Ч. III. Этнографические Известия. Гл. IX. Есть указания о верованиях.

Лосьев И. Медицина в Киргизской степи.
„Московская Медицинская Газета". Москва. 1874 г. № 20 (28)?
Есть указания о табанах и баксы, о болезнях, способах лечения и верованиях.

Малов С. Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана.
„Сборник Музея Антропологии и Этнографии при Академии Наук". СПБ. 1918 г. т. V, в. 1.

Миропиев М. Демонологические рассказы киргизов.
„Записки И. Русского Географич. Общества по отделению Этнографии". СПБ. 1888 г. т. X, в. 2.

Михайловский В. М. Шаманство.
„Известия О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии". 1892 г. LXXV. Труды Этонграфического Отдела. Москва. XII.
Имеются указания на шаманство у киргизов.

Новолинеец А. Чары шамана в киргизском ауле.
„Оренбургские Губернские Ведомости". Оренбург. 1848 г. № 25.

Невольник. Во мраке невежества.
„Тургайская Газета". Оренбург. 1896 г. №№ 71, 73, 77 и 79.

Ольденбург С. Ф. Краткие заметки о пери-хан'ах и дуа-хан'ах в Кучаре.
„Сборник Музея Антропологии и Этнотрафии при Академии Наук". СПБ. 1918 г. т. V, в 1.
О шаманстве у сартов Вост. Туркестана.

П. Е. Киргизы.
„Иллюстрированная Газета". СПБ. 1871 г. №№ 20 и 21.
Есть о верованиях.

П-в. А. Как лечат баксы.
«Киргизская Степная Газета». Омск. 1896 г. № 20.
Параллельно здесь же на казакском языке.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи.
Ч. 1. СПБ 1773 г.
Имеются сведения о чародеях оренбургских киргиз.

Пантусов Н. Н. Молитвы и заговоры таранчинских бакшей.
«Материалы к изучению наречия таранчей Илиского округа».
Казань. В. V. 1900 г.

Пантусов Н. Н. Таранчинские бакши. Пери-Уйнатмак.
«Известия Туркестанского Отдела И. Русск. Географич. Общества». Ташкент. 1907 г. т. VI. и отдельным оттиском.

Патанин Г. Н. Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов у киргизов и сибирских татар.
«Записки Западно-Сибирск. Отдела И. Русского Географич. Общества». Омск. 1888 (1889) г. т. X.

Патанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича.
«Русское Богатство». СПБ. 1896 г. № 8.
Приводится легенда о первом киргизском шамане Куркуте.

Поярков Ф. Из области киргизских верований.
«Этнографическое Обозрение». Москва. 1891 г. № 4.
Аурак—дух предков, Кыдыр-пайгамбар, Хызыр, Эблись, Арман, Азазиль, Албаста.

Поярков Ф. Джинны. Из области киргизских верований.
Ibidem. 1894. № 1.

Поярков Ф. Каракиргизские легенды, сказки и верования.
«Памятная Книжка Семиреченской Области». Верный. 1900 г.

Рыбаков С. Баксы. Киргизские кудесники.
«Оренбургский Листок». Оренбург. 1897 г. № 24.

Рычков. Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкай степи 1771 года. СПБ. 1772 г.
Есть сведения о чародеях и ворожбе.

Степной А. И. Из киргизских обрядов и поверий.
«Тургайская Газета» Оренбург. 1897 г. № 62.

Т-в К. Знахари-киргизы дантисты и недостаток врачебной помощи.
Ibidem. 1903 г. № 47.

Троицкая А. Л. Лечение больных изгнанием злых духов (кучурук) среди оседлого населения Туркестана.
«Бюллетень Средне-Азиатского Гасударственного Университета». Ташкент. 1925 г. в. 10.

Чеканинский И. А. Баксылык. Следы древних верований казаков.
«Записки Семипалатинского Отдела Общества изучения Казакстана». (б. Отдел Государственного Русского Географического Общества). Семипалатинск. 1929 г. Том—I. стр. 74—86, с 2 рис. Тоже отдельным оттиском.

Шапошников. Проделки киргизских даргеров-бакс. Корреспонденция из Тлаугайской вол. Иргизского уезда.
«Тургайская Газета». 1896 г. № 84.

Шестаков. Религия и легенды, похороны и рождение у киргизов.
«Записки Западно-Сибирского Отдела И. Русского Географич. Общества». Омск. 1886 г. т. VIII. в. 1 (протокол), и «Акмолинские Областные Ведомости». Омск. 1886 г. № 25—27.

Шумилов В. О шаманстве у Алайских киргиз.
«Туркестанские Ведомости». Ташкент. 1913 г. № 31.

Щетинкин Д., Бушаев А. и Токарев Н. О способах лечения у киргизов. I. Лечение бакс. II Лечение даргеров. III. Лечение татар-шарлатанов.
«Тургайская Газета» 1895 г. № 45.

Ястребов М. Киргизские шаманы.
«Москвитянин». 1851 г. ч. 2, № 8, кн. 2.

— Бакса. Из жизни оренбургских киргизов.
«Оренбургский Листок». Оренбург. 1889 г. № 25, тоже «Акмолинские Областные Ведомости». Омск. 1889 г. № 41—43.

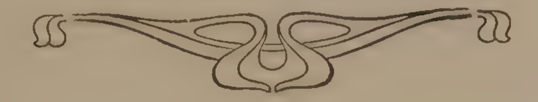
— Баксы. Рассказ из киргизской жизни.
«Иллюстрированный Семейный Листок». 1860 г.

— Врачебная помощь.
«Киргизская Степная Газета». Омск. 1895 г. № 36.
Табибы, баксы и дуана. Параллельно здесь же на казакском языке.

— Из киргизских поверий.
«Закаспийское Обозрение» Асхабад. 1905 г. № 262.
Поверие в силу баксы.

— Киргизские кудесники.
«Северная Звезда». 1877 г. № 23.

— Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды.
«Сибирский Вестник» (СПБ.) 1820 г. ч. IX и X.
Имеются сведения о верованиях.

И. А. ЧЕКАНИНСКИЙ.

Развалины „Кзыл-Кенш" в Каркаралинском округе Казакской АССР.

(Исследование и библиография).

В Каркаралинском округе Казакстана, в 45 клм. к юго-востоку от г. Каркаралинска, на урочище Кзыл-Кенш с западной стороны Кентских гор, в небольшой долине, окруженной скалистыми возвышенностями, в северо-западной части образующими проход в обширную долину р. Талды, при ключе Кзыл-Кенш, находятся развалины каменного здания, называемого казаками Кенш или Кзыл-Кенш.[1]

Еще в начале XIX столетия здание это было в полуразрушенном виде, имело несколько комнат с остатками в самой постройке деревянных частей в виде столбов—колонн, которые поддерживали из жердей настил (потолок) с обрушившимися на него камнями с южной стены, примыкающей к потолку и высоко над ним возвышающейся (см. рис. № 1 и 2).

В 1928 г., при нашем посещении Кзыл-Кенш'а *), здесь сохранились лишь два столба, с западной и восточной стороны подпирающие настил (потолок) и стены, сложенные из скрепленных глиной плит розового гранита местной породы, очевидно, доставленного со скалистых гор, окружающих Кенш. Вблизи развалин, на противоположной стороне ключа, сохранилась группа могил с набросанными на них глыбами гранита, при чем положение могил указывает, что они подверглись частичным хищническим раскопкам местными жителями. Расположение Кзыл-Кенш'а в уединенном и вместе с тем живописном уголке среди Кентских гор свидетельствует, что этот памятник служил либо стратегическим целям его обитателей, либо является местом религиозного культа.

Во всяком случае характер постройки здания, расположение его пристроек и вблизи лежащие могилы указывают, что здание это существовало еще до прихода в Каркаралинский округ казаков, появление каторых в этом округе относится, как известно, ко второй половине XVII и первой половине XVIII столетий, при чем край этот в то время входил в состав Джунгарского царства и был населен калмыками. По опросным данным экспедиции по исследованию Степных областей выяснено, например, что казакский род Каракесек пришел сюда из Туркестана в 1728 году, в Кентских же горах казаки из рода Джагайбайлы Младшей Орды появились в конце XVII-го века,[2] тем не менее оставшиеся развалины, в виду сохранившихся при них деревянных частей, не являются памятником глубокой археологической старины и по времени должны быть отнесены не ранее как к началу XVII столетия. На ряду с этим в долине ключа Кзыл-Кенш'а имеются курганы, относящиеся, повидимому, к значительно ранней эпохе, так как по данным В. Н. Никитина часть курганов имела на вершинах каменные бабы с высеченными лицами и целыми фигурами.[3] К сожалению, мы не нашли в развалинах Кенш'а предметов, которые в достаточной степени характеризовали бы культуру прежних обитате-

*) Кзыл-Кенш обследован автором в июле 1928 г. Обследование было кратковременно вследствие дождливой погоды и потери ямщиком лошади, на розыски которой пришлось потратить много времени. Непрерывно лививший дождь непозволил также более тщательно осмотреть могилы, лежащие вблизи Кзыл-Кенш'а.

лей памятника, однако, мы в знаем со слов Н. Я. Коншина, [4] что здесь казаками в разное время находимы были сделанные из белой глины украшенные узором вещицы в виде конуса с расширенным основанием и с закругленной верхушкой. Одна из таких вещиц, хранящихся в Семипалатинском Музее [5] (см. рис. 3,2), очень напоминает некоторые найденные в Средней Азии сделанные из терракоты фигурки, некогда сопутствовавшие появление и распространение там вероучений Будды. Впрочем, предполагают, что в Семиречьи уже в

Рис. 1. Развалины Кзыл-Кенш'а с юго-западной стороны. Фото-снимок И. Б. 1902 года.

VII столетии существовали буддийские общины, а в этом же столетии (в 628—645 г. г.) Среднюю Азию посетил буддийский проповедник Сюан-Цзан, [6] который, побывав в восточной и юго-восточной части Семиречья,[7]. застал в Восточном Туркестане буддийские монастыри, служители каторых, между прочим, занимались и выделкой мелких безделушек религиозного культа, распространяемых среди доверчивых кочевников, как средство для их спасения. [8]

Рис. 2. Развалины Кзыл-Кенш'а с западной стороны. Фото-снимок И. Б. 1902 года.

В Семиречьи (в современном Киргизстане и южном и северо-восточном Казакстане) многочисленные следы буддизма в виде развалины монастырей, высеченных на скалах религиозно-мистических формул («om-mani-ped-me-hum»), изображений Будды, еще недавно существовавших буддийских кумирень, известны во многих местах: в Иссыгатинском ущельи близ целебных источников (б. Пишпекский уезд);[9] в Чуйской долине близь селений Сукулука и Беловодского (того-же уезда);[10] близ с. Покровского на скалах по р. р. Джууке и Тамге (б. Токмакский уезд);[11] на южном берегу оз. Иссык-Куля в урочище Ак-Терек в ущельи Дувана;[12] у входа северных ущелий гор. Ала-Тау Тянь-Шаньского хребета;[13] в одном километре от дунганского поселка Мариинского (б. Пржевальский уезд) на валунах у мельницы;[14] на скалах Арасанских гор (б. Кеченьская волость, Нарынкольско-Чарынского участка Джаркентского уезда);[15] на границе Кульджинской провинции Западного Китая с б. Джаркентским уездом Семиреченской области по пограничной реке Сюмбе—буддийский монастырь «Сюмбе»;[16] в Нарынском ущельи на границе с Кашгаром развалины буддийского (предположительно) монастыря «Таш-Рабат»;[17] судя по рассказам китайцев, и развалины древней могилы Ак-там, находящейся между Каракульдеком (слияние р. Хоргоса с р. Или—граница Западного Китая с СССР) и г. Джаркентом (от последнего в 20 клм.) принадлежат погребенному в ней калмыцкому ламе Ноин Камбу. Над могилой его было устроено нечто вроде буддийской кумирни. В могиле, по словам тех же китайцев, можно было найти до тысячи глиняных бурханов;[18] по свидетельству академика Фалька (Falk, 1771 г.) близь р. Или при речке Дергаланг (Джергалан) был калмыцкий монастырь Тсаган Сума, где стоял в человеческий рост «медный идол мужской»;[19] другой монастырь находился на левом берегу Или при речке Кайнух в 16 верстах от прежнего «в нем также был прекрасный сад и медный женский идол, подобный первому. Он назывался Майдаре. Когда китайцы выгнали калмыков,—замечает Фальк,—тогда оные идолы были разбиты, но неизвестно кем, китайцами или бухарцами».[20] При устьи Талгарского ущелья Заилийского Алатау была буддийская кумирня;[21] на скалах „Тамгалы-Тас“ по р. Или в 25 клм по течению буддийские надписи и изображения[22]; на прибрежных скалах той же реки в ущельи Тайгак в 68-70 клм от поселка Илийского и в 45 клм от пикета Чингильдинского вверх по р. Или на правом ее берегу в горах Чулак (б. Копальский уезд);[23] в ущели Теректы на юго восток от выселка Джангызагач (пос. Щербаковский того же уезда);[24] в 28-30 клм от станции Кара-булак и в 5—6 клм вверх от селения Каратальского по р. Каратал (того же уезда).[25] В Семипалатинском округе: близ целебных источников Барлыкских была кумирня;[26] кумирня же находилась и близ Рахмановских ключей;[27] в 75 клм на юго-запад от г. Усть-Каменогорска по р. Аблайкитке, впадающей в Иртыш, монастырь Аблая („Аблайкит“)[28]; в пяти днях расстояния к западу от Аблай-Кит'а построенный около или вслед за 1672 годом старшим братом Аблая Учучту-тайши-ханом монастырь Учучты-тайши-кит, впоследствии разрушенный Галданом. Точно определить теперь это место чрезвычайно трудно, но оно должно находиться вблизи западной границы Семипалатинского и Каркаралинского округов. Это, приблизительно, в б. Мендешевской или Досовской волостях в районе гор Салбыр-Курган-тас, Урбата-Кадыр, возможно, что и в Чингисском хребте, лежащем в западно-южном направлении от Аблай-Кит'а;[29] затем, построенный Галданом (Бушухту-ханом) около этого же времени (1676 г.) монастырь Бушухту-хан-кит, находящийся в 6 днях расстояния от Аблай-Кит'а на юго-запад близь оз. Зайсана и разоренный калмыками в 1689 г.[30] Точное месторасположение Бушухту-хан-кит'а также в на-

стоящее время установить трудно. Возможно, что местоположение его следует искать в северо-восточных склонах или предгорьях Тарбагатая, где также существовали еще в 50-х годах прошлого столетия никем не обследованные развалины неизвестного происхождения;[31] в километрах 185-ти от выхода р. Иртыша из оз. Зайсана (пристань—поселок Каракас) на левом берегу в 3-х клм ниже пристани Баты еще в 60-х годах прошлого столетия находилась кумирня, очевидно при бывших здесь же китайских караулах Хони-шала и Маилаха,[32] при чем кумирня эта была несомненно буддийская, т. к. известно, что состав китайских караулов формировался обычно из местных монгольских племен, исповедывавших буддизм. В 15 клм выше Старой Семипалатной крепости на правом берегу р. Иртыша находилась кумирня Эрхе-Цорджи или Цорджин-Кит;[33] отдаленное указание на находки предметов буддийского культа (бронзовые статуэтки) имеется из района Чингиставского в пещере Конур-аулие по р. Чаган в горах Ак-тас на урочище Доголак;[34] на левой стороне р. Иртыша в 160 клм ниже Семипалатинска на урочище Кабан-Гусан находилась кумирня Колбасинская или, как ее называли еще русские, Калбасунская башня, а калмыки Джалик-Обо.[35]

Таким образом, по этим данным район распространения буддизма занимает обширную, граничащую с Западным Китаем[36] и Монголией территорию Киргизстана и северо и юго-восточную часть Казакстана:[37] Кегеньский хребет Тянь Шаня оз. Иссык-Куль-Чуйская долина—Александровский хребет северные ущелья Заилийского и Терскей-Алатау—долина р. Или ущелье Текелы—долина р. Каратала—горная система Барлык—северные склоны Тарбагатая—юго-западные склоны Алтая—котловина Зайсана, верхняя и средняя лево и правобережная долина р. Иртыша.

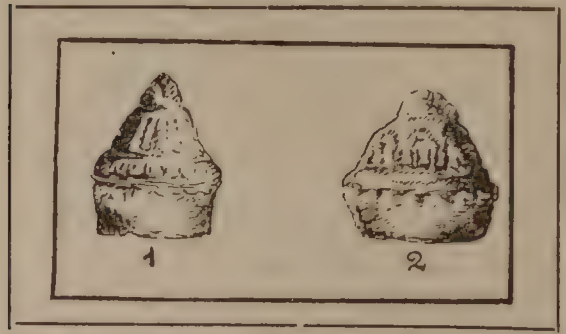

Рис. 3. «Цацы»: 1—из субургана буддийского монастыря Сардыкиин-Хит; 2—из развалин Кзыл-Кенш'а.

Что же касается Каркаралинского округа, то существование там буддийских общин до прихода казаков подтверждается изредка находимыми в отдельных районах округа предметами относящимися к буддийскому культу и культуре. Так, например, в 1888 г. в Семипалатинский музей г. Вараксиным из могилы в горах Куу Каркаралинского уезда (округа) был доставлен обломок жженого красного орнаментированного кирпича[38] (см. рис. 4 2), по конструкции и материалу, повидимому, относящегося к обычным облицовочным украшениям буддийских кумирен. Точно такие же кирпичи с почти аналогичной орнаментнцией находимы были нами и нашими спутниками в 1920 г. во время археологической экскурсии к Талгарскому ущелью, расположенному в 20 клм к северо-востоку от г. Алма-аты, где, как уже выше отмечено, находилась буд-

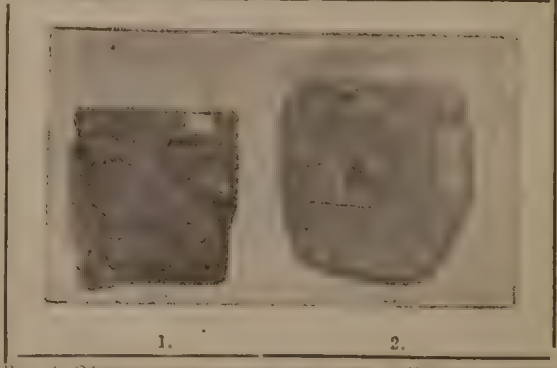

Рис. 4. Обломки облицовочных кирпичей из Каркаралинского округа: 1—местонахождение неизвестно, 2—из могилы гор Куу. (Арх. колл. Семипалатинского Музея).

дейская кумирня. Другой кирпич (см. рис. 4,1) из сероватой глины, с немного иным, но более правильным геометрическим орнаментом, хотя и не имеет датировки, но, по предположению директора Музея А. А. Адрианова, поступил. очевидно, из той же местности, что и первый кирпич.[39] Из личной нашей беседы с Н. Я. Коншиным выяснилось, что в 1902 г. в Каркаралинске ему удалось приобрести бронзовую статуэтку с изображением сидящего буддийского божества. Наши росспросы местных жителей также подтверждают нахождение статуэток типа буддийской иконографии, тем не менее, лично нам их не удалось видеть—вещи были либо потеряны нашедшими их, либо заведомо скрывались от постороннего взгляда. Изучение изображений и надписей, встречающихся на скалах горных районов округа, могли бы дать некоторый материал для соответствующих суждений, хотя известные до настоящего времени и находимые в горах Каркаралинского округа наскальные изображения в большинстве должны быть отнесены к так называемым пиктографическим письменам (картинное письмо), пока что совершенно не поддающимся расшифровке и по грубости изображений едва-ли не относящимся к сравнительно позднему времени. Интересно, между прочим, отметить факт нахождения Н. М. Ядринцевым в этом округе каменной бабы с тюркской надписью сирским шрифтом, по мнению А. А. Слуцкого, в связи с найденными в Семиречьи несторианскими могилами, относящейся к IX—XIV или XI—XIII столетиям. Таким образом, возможно, что здесь существовали даже несторианские общины, хотя Н. Н. Милюков и не считает вполне доказанным предположение А. А. Слуцкого.[40]

Аналогичные с найденными в развалинах Кзыл-Кенш'а вещицы, представляющие собой глиняные изображения предметов буддийского культа и называемые монголами „цаца", в больших количествах и различной величины находимы были в субурганах (глинобитных надгробиях) Тибета и Монголии, принявших, как известно, буддизм первый около 640 года и вторая в начале XVII столетия. В частности, чрезвычайно большое сходство глиняных вещиц из развали Кзыл-Кенш'а с „цаца", найденными в 1922 году экспедицией Ученого Комитета Монголии и изображающих „Сумэру", можно видеть на рисунках, один из которых сделан с фото-снимка (см. рис. 3,1), помещенного в отчете названной экспидиции[41] и другой (см. рис. 3,2) с „цацы", хранящейся в археологической коллекции Семипалатинского Музея. *) Цаца из „Кзыл-Кенш'а" сделана из грязновато-белой глины, быть может, местного происхождения, т. к. здесь же встречаются обломки кирпичей из серой обоженной глины, а в окрестностях—месторождения этой глины. Высота „цацы"—43,0 мм; диаметр основания—44,0 мм и диаметр в пояске—54,0 мм.

По космогоническим воззреним буддистов, земля представляется ввиде плоскости, обтекаемой океаном, посреди которого находится высочайшая гора Меру или Сумеру („Сумэру"). Вокруг нее расположены 4 острова, имеющие каждый свое особое значение. Сумэру обитаема небесными гениями, благожелательно относящимися к людям. Эти гении ведут постоянную борьбу с злыми существами, населяющими подножие горы.[42] Цаца, изображающие эту священную у буддистов гору, найдены были в субурганах возле развалин буддийского монастыря Сардыхкиин-Хит, расположенного в пали Убур-Хатынин-Ама в окрестностях города Урги и отожествляемого В. И. Лисовским[43] предположительно по времени постройки (на основании летописи Эрдэниин-Эрихе), с монастырем, построенным первым перерож-

---

*) Пользуемся случаем принести свою благадарность за безвозмездное выполнение рисунков (3,1—2) преподавателям местной школы—семилетки Г. Д. Кукаркиной и А. П. Дреневу.

денцем Чжебцзун Дамга-Хутухты в Монголии Ундур-Гэгэном в 1654—1680 годах. Обнаруженные зерна пшеницы внутри при разломе Кзыл-Кенш'ских глиняных вещиц, вполне подтверждают культовое значение последних, т. к. известно, что в буддийских кумирнях перед изображениями богов ставятся сосуды, наполненные водой, водкой, зернами риса и ячменной мукой, составляющими жертвенные приношения верующих.[44] К сожалению, мы не имеем указаний, были ли зерна пшеницы в „цаца" из субургунов Сардыкиин-Хит'а. не знаем также их размеры. но, очевидно, материал, форма и рисунки (барельефная орнаментация) тех и других имеют общую аналогию.

Другие предметы, обращающие на себя внимание—в деталях самой постройки Кзыл-Кенш'а. Это резные деревянные подставки (колонны) также, быть может, характерны, для буддийской архитектуры хотя В. Никитин,[45] а затем и Дукей Байжумуров,[46] упоминающие об этих колоннах, ничего не говорят обих архитектуре. В другом сообщении об этих же подставках —колоннах, указывается. что на них были надписи.[47] При нашем посещении, оставшиеся два столба, поддерживающие развалившуюся кровлю, в архитектурном отношении ничего особенного не представляют, на них не имеется и следов рисунков или надписей. С большей вероятностью можно предположить, что старые деревянные части заменены новыми, при чем на эту мысль наталкивает то обстоятельство, что Кзыл-Кенш, при занятии его казаками, в частности, при владении им Джулды-Ханом и Сиил-Ханом, служил одновременно местом, куда загонялся скот в зимнюю стужу и от буранов.[48]

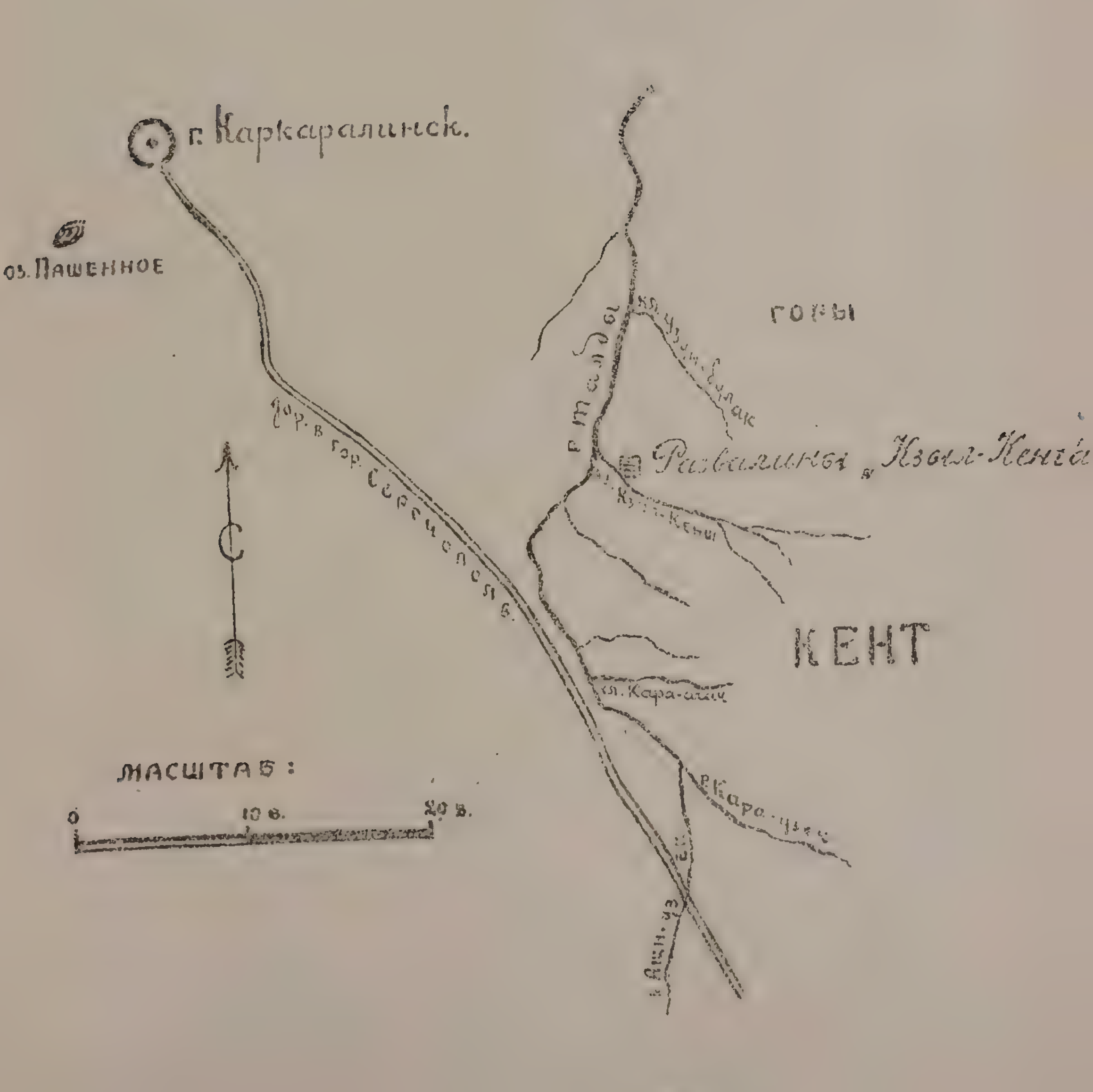
Уединенный гористый характер местности, эти незначительные находки, а также конструкция, материал и план построек[49] разрешают смотреть на Кзыл-Кенш, как на буддийский монастырь, который, быть может, был ближайшим современником построенного в 1648 году в районе Старой Семипалатинской крепости буддийского храма Эрхэ Цорджи, освященного джунгарским ламой Зая Пандита[50] и разоренного, как предполагают, между 1660—1670 г. г. во время междуусобиц калмыков.[51]

В отношении Кзыл-Кенш'а среди местных казаков существует легенда, вкратце повествующая[52], что калмык Айда-батыр, полюбив дочь казакского Касан-Серен-хана Иляуке, похитил ее и вместе с ней увез ее сорок нокеров (слуг) и сорок девушек. Дорогой, заблудившись и боясь преследований казаков, Айда-батыр остановился в Кентских горах, где и построил для своей невесты Кентский дворец. Вскоре, теснимый казаками, брат Айда-батыра Тлеуке-батыр также попал в Кентские горы, где, встретив беглецов, стал склонять их на борьбу с казаками, но Айда-батыр, ставя выше всего свое личное благополучие, оставался равнодушным к увещеваниям Тлеуке-батыра и за это был убит им. Вместе с Айда-батыром погибли Иляуке и 40 девушек. С оставшимися 40 нокерами Тлеуке-батыр вступил в бой с казаками, но в неравной схватке вместе с нокерами был убит. По преданию, Тлеуке был последний калмык.

По другому варианту, наиболее распространенному. который нам пришлось слышать от казака Акана и который имеется уже в записи Л. К. Чермака со слов казака-теленгута[53] Мухаметче, уроженца Кентских гор,[54]—калмыцкий хан Айуке просватал свою дочь Недже за калмыцкого же хана Контаже. При следовании невесты к жениху в ее свите кроме 40 девушек и 40 джигитов были два богатыря калмык и казак. В Кентских горах свадебный поезд был настигнут суровой зимой и все его участники едва не погибли от холода. Тогда казакский богатырь предложил богатырю калмыку побороться, чтобы отогреться. Разогревшись борьбой, богатыри набрали дров, отогрели

своих спутников и построили ханской невесте дворец, назвав его Кзыл-Кенч. С наступлением весны ханская невеста с богатырями, со своими девушками и джигатами направилась в стан своего жениха хана Контаже, куда вскоре и прибыла. Однако, по просьбе невесты, свадебный обряд был отложен, т. к. невеста хана в дороге забеременела от казакского богатыря

ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ КАРТА
Местоположения развалин „Кзыл-Ксыш'а" в Каркаралинском округе Казакской АССР.

денцем Чжебцзун Дамга-Хутухты в Монголии Ундур-Гэгэном в 1654—1680 годах. Обнаруженные зерна пшеницы внутри при разломе Кзыл-Кенш'ских глиняных вещиц, вполне подтверждают культовое значение последних, т. к. известно, что в буддийских кумирнях перед изображениями богов ставятся сосуды, наполненные водой, водкой, зер-[illegible] мукой, составляющими жертвенные приноше-

своих спутников и построили ханской невесте дворец, назвав его Кзыл-Кенч. С наступлением весны ханская невеста с богатырями, со своими девушками и джигатами направилась в стан своего жениха хана Контаже, куда вскоре и прибыла. Однако, по просьбе невесты, свадебный обряд был отложен, т. к. невеста хана в дороге забеременела от казакского богатыря, о чем хан был поставлен в известность своей невестой. Через некоторое время у Недже родился сын, названный Алты-Айлыг, что в переводе значит шестимесячный. Отданный на воспитание рабыням, сын рос не по дням, а по часам, и когда ему минуло 9 лет, ему поручили пасти верблюдов. Вскоре Алты-Айлыг, от которого скрывали его истинное происхождение, стал метко стрелять из лука и при состязании, устроенном ханом, оказался победителем. Хан испугался, усмотрев в Алты-Айлыге злейшего соперника своего родного сына и, по приказанию хана, у Алты-Айлыга во время сна была вырезана правая ключица, после чего мальчик уже не мог с прежней силой натягивать лук. Однажды Недже поведала своему сыну его происхождение. Алты-Айлыг, мстя хану, выстрелом из лука убил ханского сына и, завладев его аргамаком, пустился на розыски своего родного отца. [55]

Таким образом, и народное казакское предание относит постройку Кзыл-Кенш'а ко времени господства в крае ойратов-калмыков, причем, как и в многочисленных казакских преданиях (поэма „Козу-Курпеш и Баян-Слу" и др.), в предании о Кзыл-Кенш'е нельзя не видеть ярко выраженную взаимную борьбу двух народов: новых пришельцев из Туркестана казаков и аборигенов края—калмыков, борьбу, отражающую собой известные исторические события, действительно имевшие место в Каркаралинском округе в конце XVII столетия. Очевидно, что одним из непосредственных свидетелей этого исторического факта был и буддийский ламаиский храм или кумирня Кзыл-Кенша, насильно или добровольно покинутый во время событий его обитателями и впоследствии разграбленный и частично разрушенный новыми пришельцами.

В заключение нельзя не обратить внимание на само название развалин. Местные казаки называют их Кзыл-Кенш или Кзыл-Кенч, что в переводе должно было бы означать „Красный город" (русские не правильно придают слову „кент" значение дворца), при чем слово „кент" или „кенд" не казакское и, повидимому, заимствовано последними из персидского языка. [56] Но если отбросить эту версию и выдвинуть новое предположение, что развалины эти в момент прихода казаков носили монгольское название „Хит" (т. е. храм, монастырь), в русском произношении звучащее как „кит" или „кид" (Аблай-кит, Зарджин-кид), а в казакском произношении как „кент", „кенш", то эти словоизменяющие данные еще более дают уверенность в подтверждение того, что развалины Кзыл-Канш'а являются остатками некогда бывшего здесь буддийского монастыря, а не дворца, города или, наконец, как указано выше, крепости, построенной здесь в стратегических целях. Слово „Кзыл" (красный) казаки могли придать развалинам вследствие того, что последние построены из окружающего Кенш красновато розового цвета гранита, составляющего массивы Кентских гор, господствующих в Талдинской долине.

Библиографический указатель статей, касающихся развалин Кзыл-Кенш'а.

1. **БРОНЕВСКИЙ Г. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды.**
«Отечественные записки». СПБ. 1830 г. т—XLI. (между стр. 194—285). Статья эта, в которой имеется описание Кзыл-Кенч'а, нами не просмотрена.

2. **ЛЕВШИН А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей.**
СПБ. 1832 г. ч. I, стр. 204—205.
Краткое описание здания (Кзыл-Кенч'а) в горах Кéнь-Козлан на р. Кзыл-Су. впадающей в р. Талду. Двухэтажное. каменное. крестообразно сложенное из дикого камня строение (уже обрушившееся) с деревянными колоннами, покрытыми краскою.
Левшин Кентские горы называет „Кень-Козлан". Между прочим, в районе Кентских гор в 1800 г. были Бурнашев и Поспелов (см. поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. «Вестник И. Русского Географического Общества". СПБ 1851 г., кн. 1), которые назвали Кентские горы горами „Кень-Кызлык". (См. также: С. Е. Рожанец-Кучеровская. Растительность Семипалатинской губернии. Часть I, История исследований Семипалатинской губернии. „Труды Общества изучения Киргизского края". В—VI (т.—5, в.—2) 1924 г. Оренбург. 1925 г., вторая статья, стр. 6).

3. LEVCHINE. Description des hordes et des steppes des kirghis-kazaks.
Paris. 1840.
То же сочинение А. Левшина, переведенное на французский язык.

4. **ПОЛТОРАЦКИЙ. Донесение господину генерал-губернатору Западной Сибири от 27 марта 1870 года за № 2629 Военного губернатора Семипалатинской области.**
«Дело по предписанию Министерства Внутренних дел: о доставлении в Минстерство описаний и чертежей памятников. крепостей. замков и др. зданий древности. Архив Семипалатинского Областного Правления. Отделение Хозяйственного Стола. По описи 1869—1870 г. № 101. Лист 15-й.
В донесении военного губернатора Семипалатинской области Полторацкого кратко сообщается о Кзыл-Кенч'е следующее: «... в Каркаралинском уезде на западной стороне Кентских гор в ущельи имеется здание, называемое киргизами Кызыл-Кенч, вероятно принадлежавшее населявшим прежде этот край калмыкам (дчунгарам). От этого здания остались одни лишь развалины ...».

5. **НИКИТИН Б. Памятники древности Каркаралинского уезда.**
«Записки И. Русского Археологического Общества». Т. VIII, выпуск 1—2. Новая серия. Труды Отделения Русской и Славянской Археологии. Книга первая 1895. СПБ 1896 г., стр. 212—215. С рисунком.
Подробное описание развалин Кзыл-Кенч с передачей существующего о нем предания, где фигурируют: Лауке. Касан-Серен-хан, калмык Айда-батыр, 40 девушек и 40 нокеров. В статье на странице 212 под № 51 помещен рисунок, изображающий план Кзыл-Кенч'ского дворца.

6. **НИКИТИН В. Кызыл-Кенчский дворец.**
«Семипалатинские Областные Ведомости». Часть неоффициальная. Семипалатинск 1898 г. № 6 от 7 февраля, стр. 11.
Повторение предыдущей статьи в части, касающейся Кзыл-Кенч'а, но без рисунка.

7. **БАЙЖУМУРОВ ДУКЕЙ. Кзыл-Кенчский дворец.**
«Киргизская Степная газета». Особое прибавление к Акмолинским Семипалатинским и Семиреченским Областным Ведомостям. Омск. 1900 г № 25 от 2 июля, стр. 2 и 3.
Статья Д. Байжумурова представляет собой дословное повторение статьи под № 5 В. Никитина с добавлением лишь в самом конце ее, что «по уверениям той же легенды. около этого дворца должен быть богатый клад золота, серебра и других драгоценностей Аида-Батыра. Ляуке и нокеров Богатство это не найдено пока киргизами, несмотря на усиленные раскопки»

8. **ДУКЕЙ БАЙЖУМУР баласы. Кзыл-Кеньш ордасы.**
«Дала Уалайятынын газита». Омск. 1900 г. № 25 от 2 июля, стр. 1—2.
Статья эта представляет собой казакский перевод предыдущей статьи Байжумурова в «Киргизской Степной газете» (Дала Улайятынын газита») издававшейся на русском языке с параллельным переводом на казакский.

9. **БАЙДЖУМУРОВ ДУКЕЙ. Кызыл-Гянчский дворец.**
«Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка Любителей Археологии» Ташкент, 1900 г., стр. 90—93.

Статья представляет собой повторение предыдущей статьи на русском языке.

10. **(ОРУНБАЕВ Н.). Отношение управителя Кентской волости Каркаралинского уезда от 11 июня 1901 г. за № 310.**

«Переписка Семипалатинского Областного Статистического Комитета по собиранию сведений о памятниках старины Семипалатинской области».

Дело 1901 г. № 55 архива Семипалатинского Отдела Географического Общества. Лист 215.

В донесении Кентского волостного управителя Н. Орунбаева говорится, что, «. . . в Кентской волости есть в урочище Кызыл-Кенш в горах Кент от Каркаралов на ВЮ в 45 верстах развалины древнего калмыцкого дома, по преданию построенного более 100 лет тому назад, от которого осталась передняя стена с колоннами **и с надписями на них**. Дом был сложен, как видно из развалин, двухэтажный с отделениями на трех сторонах из дикого мелкого плитняка на глине . . .».

11. **КОНШИН Н. От Павлодара до Каркаралинска.**

«Памятная книжка Семипалатинского Областного Статистического Комитета на 1901 г. Семипалатинск, 1901 г. в.-III, стр. 54—55. Тоже в отдельном оттиске.

Краткое описание развалин Кзыл-Кенч'а и содержание слышанной автором легенды: «Джунгарский хан высватал дочь хана, жившего на Джайке (Яике). Девушка с приданым и большой свитой поехала к жениху, но по дороге у Кентских гор образовалась такая гололедица, что дальнейший путь был невозможен. Тогда свита девушки выстроила для нее дворец, где она и прозимовала».

Автор предполагает, что Кзыл-Кенч был калмыцким храмом или часовней. Кратко упоминает также о находимых глиняных вещицах в развалинах Кзыл-Кенч'а, одна из которых в 1902 году была передана им в Семипалатинский музей, что видно из «Протоколов заседаний Распорядительного Комитета Семипалатинского Географического П'отдела» (Семипалатинск, 1904 г.) стр. 5. Заседание № 2 от 27 августа 1903 г.

12. **КОНШИН Н. О памятниках старины в Семипалатинской области.**

Записки Семипалатинского П'отдела Западно-Сибирского Отдела И. Русского Географического Общества».

В.-I, г. Семипалатинск, 1903 г., стр. 16. Тоже в отдельном оттиске.

Краткое упоминание со слов Кентского волостного управителя (см. под № 8) о местонахождении развалин Кзыл-Кенч'а.

13. **СЕДЕЛЬНИКОВ А. Н., БЕЛОНОГОВ Т. П. и СТОЛПЯНСКИЙ П. Н. Восточная часть Киргизского Края.**

«Россия». Полное географическое описание нашего отечества. Том XVIII. Киргизский край. СПБ, 1903 г. Отдел III, глава IX, стр. 404.

Авторы этой главы неправильно отожествляют «Кызыл-Кенчский дворец» с «Зордшинкидом» (Эрхе-Цорджи), построенным, как известно, в 1648 году вблизи Старо-Семипалатинской крепости (нынче селение Старо-Семипалатинское).

14. **Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. VI. Семипалалатинская область, Каркаралинский уезд.**

СПБ, 1905 г., стр. 28 и 98 (в примечаниях к общинно-аульным группам).

На стр. 28 кратко сообщается о сохранившемся здании Кзыл-Кенч, а на стр. 98 приводится легенда о Кзыл-Кенч'е. В этой легенде фигурируют: калмыцкие ханы Айуке и Контаже, дочь первого из них и невеста второго, 40 джигитов, 40 девиц, два богатыря: калмыцкий и киргизский и сын невесты Ханши от ее связи с киргизским богатырем.

15. **ЧЕРМАК Л. К. Кзыл-Кенч (Киргизская легенда),**

«Записки И. Русского Географического Общества по отделению энтографии».

Т. XXXIV, Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина.

СПБ, 1909 г., стр. 211—218. Тоже в отдельном оттиске.

Приводится в литературной обработке легенда о Кзыл-Кенч'е, записанная автором в 1898 году со слов старика-киргиза Мухаметче. Аналогична по содержанию с легендой в предыдущей статье. Невеста хана названа Недже, а сын ее от связи с киргизским богатырем Алты-Айлыг.

16. **КАСТАНЬЕ И. А. Древности киргизской Степи и Оренбургского края.**

«Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии».

В-XXII (Оренбург) 1910 г. стр. 145—147, 324 с рисунком (планом) на таблице X. № 2 (На обложке параллельно приведено заглавие на французском языке: I. A. Castagne. Antiquites des steppes Kirghizes et du pays d'Orenbourg, „Travaux de la Commission scientifique des Arhives d'Orenburg" Tome XXII).

Автор приводит описание Кзыл-Кенч'а со слов А. Левшина (см. № 2)

и описание этого здания и связанную с ним легенду полностью со слов В. Никитина (см. № 5) с приложением рисунка (план). изображающего «Кентский или Кзыл-Гянчский дворец в Каркаралинском уезде Семипалатинской области». Рисунок заимствован из статьи В. Никитина (см. № 5).

17. ВОЗНЕСЕНСКАЯ Е. А. и ПИОТРОВСКИЙ А. Б.

Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казакстана и Средне-Азиатских республик.

«Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран» (В.) 14. Ленинград 1927 г., стр. 151.

Под порядковым № 1626 дается краткое замечание библиографического характера о статье Л. К. Чермака (см. № 15).

18. ЧЕКАНИНСКИЙ И. А. Развалины Кзыл-Кенш в Каркаралинском округе Казакской АССР. Исследование и библиография. С 5 рисунками и картой.

«Записки Семипалатинского Отдела Общества изучения Казакстана» (б. Отдел Госуд. Русск. Географ. О-ва) Том I. Семипалатинск, 1929 г. стр.. 89)

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. На «Специальной десятиверстной карте Западной Сибири», изданной Западно-Сибирским Военно-Топографическим Отделом. Литография картографической части Запсибтопографотдела; (Омск) на планшете: ряд XII, лист II, (год издания: XII—1923) нанесено урочище Кызыл Генш и ключ того же названия, но развалины не нанесены. Они должны находиться приблизительно в точке пересечения 49° 12′ 15″ с. ш. и 45° 35′ в. д. от Пулкова.
2. См. «Материалы . . .» (в списке литературы под № 13), стр. 9 и 11.
3. См. статью В. Н. Никитина, стр. 212 (в списке статья № 5).
4. См. статью Н. Я. Коншина, стр. 55 (в списке № 12).
5. По каталогам Музея записана под № 124/108.
6. См. В. И. Масальский. Турестанский край. «Россия» Полное описание нашего отечества. Т.—XIX. СПБ. 1913 г., стр. 4.
7. Маршрут следования буддийского паломника Сюан-Цзана указан в статье проф. В. В Бартольда. Христианство в Туркестане в домонгольский период. «Записки Восточного Отделения И. Русского Археологического Общества». Т.—VIII, в. 1—2. СПБ. 1893, стр. 4, 30, 32: тоже в отдельном оттиске.
8. См. Ф. Поярков. Из археологических экскурсий по Пишпекскому уезду и по берегам озера Иссык-Куля. «Памятная книжка Семиреченского Областного Статистического Комитета на 1898 г.». Том II. г. Верный 1898 г.. стр. 61 и 68.
9. См. Н. Н. Пантусов. Древности Средней Азии. 2. Каменный бурхан в Токмакском уезде Семиреченской области. «Ученые записки И. Казанского Университета». 5 и 7 книжки. Казань 1897 г., стр. 104 -108. С приложением 2-х рисунков. Тоже отдельным оттиском.
10. См. статью Ф. Пояркова, (примечание 8), стр. 57. и «Отчет И. Археологической Комиссии за 1889 г.» СПБ. 1892 г., стр. 90.
11. См. В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894. «Записки И. Академии Наук по Историко-Филологическому Отделению», Т.—I, № 4. СПБ. 1897 г., стр. 54.
12. См. статью Ф. Пояркова (прим. 8), стр. 60.
13. См. статью В. В. Бартольда (прим. 11), стр. 68.
14. См. Н. Н. Пантусов. Заметка о древностях Семиреченской области. «Известия И. Археологической Комиссии». Вып.—12. СПБ. 1904 г., стр. 65.
15. См. его-же Кегеньский Арасан. «Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при И. Казанском Университете». Т. XVII, в. 2—3. Казань 1901 г., стр. 133—135.
16. См. его-же. Древности Средней Азии. Китайский победный памятник на горе Гедынь-шань. «Ученые Записки И. К. У-та„». 5 и 6 книги. Казань 1897 г., стр. 101, с приложением карты. В примечании говорится: «калмыки-улюты... называют эту реку (Сюмбе) Албань: именем же Сюмбе называется собственно буддийский монастырь, развалины которого находятся выше по течению реки Сюмбе в горах, верст на 12 от Гедынь-шаня. От монастыря видны теперь остатки стен высотою в один — два аршина кирпича; развалины эти тянутся по правой стороне реки Сюмбе саженей на 100».

    К статье приложена «выкопировка из карты пограничной полосы между Семиреченскою областью и Илийским краем (Китайской империи) в масштабе 2-х верст в английском дюйме. На этой карте нанесены и развалины монастыря Сюмбе. Этот же буддийский (ламаиский) монастырь нанесен на планшете (ряд XVI, лист 13). «Карты Западной Сибири» в издании Западно-Сибирского Военно-Топогр. Отдела. (Год издания не указан). Масштаб.... в. в английском дюйме.

17. См Н. Зеланд. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. Путевые записки. «Записки Западно-Сибирского Отдела И. Русск. Географ. Об-ва». Кн, IX.; Омск. 1887 г. стр. 25. Есть также предположение, что Таш-Рабат был некогда монастырем одной из несторианских общин.

18. См. Н. Н. Пантусов. Могила Ак-там (близ города Джаркента). «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка Любителей Археологии». Ташкент. 1901 г., стр. 6--9, с 2 рисунками могилы. В этой же статье говорится, что, по словам китайцев, при джунгарах построены были два храма близ Кульджи, возле сада Гульчанбак «Дчин-дын-су» («золотая крыша») и другой «Ин-дын-су» («серебряная крыша») около селения Кайнак в Илийском крае. Возможно, что эти два монастыря именно те, о которых упоминает академик Фальк (см. следующее примечание и соответствующее место в тексте настоящей статьи), в таком случае упоминаемые Фальком буддийские монастыри ошибочно нами включены на территорию современного Казакстана. Монастыри эти находились на территории Западного Китая.

19. См. Известия академика Фалька о Киргизской и Зюнгорской степи. «Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое И. Академиею Наук по предложению ее президента». С примечаниями, из'яснениями и дополнениями. Том седьмый. Заключающий в себе дополнительные статьи к запискам путешествия академика Фалька. СПБ. 1821 г., стр. 49. Сочинение это было напечатано на немецком языке: Falk. Beitrage zur topographischen kenntniss des Russischen Reichs. St—P. 1885. Bd. I.

Смотреть также примечание 18-е.

20. См. «Известия академика Фалька . . .», стр. 49.

21. Эти сведения почерпнуты из личных расспросов жителей станицы Талгарской (Софийской) в 1921 г., в частности от Н. Н Ионова, который сообщил следующее: « . . . по словам старика-калмыка, бывшего в 1912 г. вместе с русскими казаками в персидском городе Мешеде, в старые времена, в ущельи при слиянии двух речек Талгарок, находилась калмыцкая кумирня и казначейство. Во время войны с русскими (sic) ценности из казначейства увезены были на 20 верблюдах и закопаны возле селения Чилик. Непоместившиеся на верблюдах ценности остались закопанными возле кумирни». Между прочим, недалеко от г. Верного (Алма-Ата) была найдена медная буддийская курильница, см. об этом у (А. Бобринского) в «отчете И. Археологической Комиссии за 1882—1888 г.» СПБ. 1891 г., стр. CLXI.

22. См, Н. Н. Пантусов. Тамгалы-Тас. «Записки Восточного Отделения И. Русского Археологического Общества». Т. XI в. I—IV. СПБ 1899 г., стр. 273—276. С приложением 2-х таблиц фотографических снимков и 2-х таблиц-надписей. Надписи и изображения на Тамгалы-Тас расшифрованы проф. А. Позднеевым. См. его статью „Об'яснения надписей и изображений Тамгалы-Таса», в том же томе «Записок» на стр. 276—282.

23. См. Н. Н. Пантусов. Аир-Кезень и Тайгак. «Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка Любителей Археологии». Ташкент, 1899 г., стр. 59—63.

24. См. Его-же. Ущелье Теректы и р. Кок-су близ выселка Джангыз-Агача Капальского уезда. «Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при И. Казанском Университете». Казань. 1901 г. Т.—XVII, в.—5—6, стр. 347.

25. См. Его-же. Древности Капальского уезда. «Протоколы заседаний и собраний членов Туркестанского Кружка Любителей Археологии». Ташкент. 1899 г. стр. 14—15. Также в неопубликованной рукописи А. Ю. Русанова. Заметка об археологических памятниках Семиреченской области». 1922 г., стр. 1—8. С приложением 2-х рисунков. Рукопись Семипалатинского Отдела Общества изучения Казакстана (б. Отдел Географического Общества).

26. См. Гр. Спасский. Дневные записки переводчика Путинцева в проезде его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульджи и обратно в 1811 г. «Сибирский Вестник» СПБ 1819 г., ч. 7—8, нам не удалось просмотреть «Сибирский Вестник» за этот год и мы пользовались рукописью Н. А. Абрамова под тем же заглавием, хранящеюся в библиотеке Семипалатинского Отдела Общества изучения Казакстана под № 12411, отд. 09, № 5. Рукопись Н. А. Абрамова писана в 1853 году и заключает в себе 124 страницы. О буддийской кумирне при Барлыкских источниках, посещенных 17 июня 1811 г. Путинцевым, упоминается довольно подробно на стр. 47—52. По предположению переводчика, открытие источников принадлежит Галдану около 1730 г. Вероятно, к этому году можно отнести и постройку кумирни. Между прочим, в «Записках И. Академии Наук» (т. XIX, СПБ 1871 г., стр. 234 и 235) в протоколах заседания Академии от 25 мая 1871 г. сообщается о поступлении в Азиатский музей камня «со следами некоего Арасана, вывезенного г. Верещагиным из молельни при Арасанском источнике, находящемся в пределах Барлыка“,

27. А. И. Шапошников в своей статье «Целебные Рахмановские Ключи» изд. газеты «Жизнь Алтая» Барнаул 1914 г., стр. 3 и 4', говорит, что по данным Геблера еще в 1763 году на Ключах уже находилась буддийская кумирня с чашами, наполненными водой источников».

28. Об Аблайките писалось очень много и подробно Г. Ф. Миллером. И. Г. Гмелиным, П. С. Палласом. П. П. Семеновым и др. Первым русским, посетившим этот монастырь при проезде в 1654 г. в Китай, был посол Ф. И. Байков. В «Русском Энциклопедическом Словаре», издававшемся проф. И. Н. Березиным (от. I, т.I. СПБ 1873 г., стр. 22) говорится, что «Аблайкит—развалины буддийского монастыря и постоянной резиденции, основанных Аблаем, калмыцким ханом племени Хашот, в середине XVII в., в нынешней Семипалатинской области. Отсюда при Петре I и позднее вывезено было много буддийских сочинений». Более подробно об Аблайките см. в «Географическо-статистическом словаре» П. Семенова (т. I, СПБ. 1863 г., стр. 6). В последнее время (1928 г.) Аблайкитские развалины обследованы были А. А. Адриановым. См. его статью: Материалы по археологии Усть-Каменогорского района. «Труды Семипалатинского Окружного Музея». В. — 2 Семипалатинск. 1929 г., стр. 43—56. С картой района обследования и планом развалины Аблаинкитского монастыря-крепости. Собственно об Аблайките на стр. 44—52. Тоже в отдельном оттиске.

29. См. В. В. Радлов. «Сибирские Древности», т. I, вып. III. СПБ 1894 г. стр. 66 Материалы по Археологии России, изданные И. Археологической Комиссией № 15. В. В. Радловым данные эти извлечены из сочинения Миллера, где говорится, что «... у Аблая был старший брат Учурту Тайша, который первый из калмыков в 1672 году присвоил себе почести ханские. Для жрецов своих он ... построил капище, которое лежит на 5 дней пути к З. От Аблайкита и еще в наше время известно под именем Учурту-хан-кит. Оно было разрушено главой дзунгарского племени Галданом».

30. См. там-же: Учурту-хан выдал свою дочь за Галдана, который в 1676 году, свергнув своего тестя с престола, назвался Бушухту-ханом и. «желая искупить нанесенное богам оскорбление или передать потомству память о самом себе... на расстоянии 6 дней от Аблайкита на ЮЗ близ озера Зайсана построил другое капище, названное Бушухту-хан. Во время продолжительной и тяжелой войны, которую он вел с монголами, казаки, вторгнувшись в его владение, в 1689 году, раззорили... это капище».

31. Н. Абрамов в своей статье «Озеро» Нор-Зайсан (Вестник И. Русского Географического Общества. СПБ, 1856 г. ч. 18, кн. 6, отделение 2. стр. 27) говорит, что «Между Тарбагатаем и Саксаном в вершине реки Черги, впадающей в Нор-Зайсан, находятся еще мало приходящие в разрушение две довольно обширные крепости, одна от другой в 25-ти верстах. Они кладены из дикого камня. На упомянутом расстоянии между крепостями, поперек поставлена, вкопанным в землю плитняком дикого камня, стена на три версты. Это урочище называется Кергень-Таш».

32. Кумирня нанесена на «Десятиверстную Карту Западной Сибири». Ряд — XII, лист — 14.

33. См. И. А. Армстронг. Семипалатинские древности. «Известия И. Археологического Общества». т. II, СПБ, 1861 г., в. 4, стр. 202—206. С 2-мя таблицами рисунков, у А. Н. Седельникова (см. в списке литературы под № 13) монастырь назван Цорджин-Кит (на стр. 404).

34. Археологического исследования пещеры и ее окрестностей не было. Было лишь краткое сообщение под заглавием „Конур-аулие" в газете „Сибирский Вестник" (Томск, 1892 г.), перепечатанное затем в „Витебских Губернских Ведомостях" (Витебск, 1892 г., № 63), в «Правительственном Вестнике» (СПБ. 1892 г. № 172), в «Этнографическом Обозрении» (кн. XV, № 4, Москва, 1892 г., стр. 28 и 38), у А. Е. Алекторова в его «Указателе книг, журналов, газетных статей и заметок о киргизах» (Казань, 1900 г., стр. 208), у И. А. Кастанье (см. № 16 в перечне литературы, стр. 150), у Е. А. Вознесенской и А. Б. Пиотровского (см. № 17 в перечне литературы, стр. 160, краткое извлечение); наконец, кратко о пещере сообщено было в заметке Т. И. Таинственная пещера (газета „Прииртышская Правда" Семипалатинск. 1929 г. № 128—529 от 8 июня). Пещера Конур Аулие была посещена В. А. Брюхановым и Даниловым в 1912 году, из которых первый дал описание пещеры и ее окрестности в своей небольшой статье „Конур-Аулиэ", напечатанной в „Записках Семипалатинского Под'отдела Западно-Сиб. Отдела И. Русск. Географ. общества" (Вып. VI. Семипалатинск 1912 г., статья 7, стр. 1—3.

Геологические исследование пещеры произведено геологом М. Русаковым, о чем смотреть в его статье „Естественные пещеры в пределах гористой Киргизской степи" („Известия Государственного Русского Географического Общества", т. LIX, в. I. Л.- М. 1927 г., стр. 78, 79 и 86. С рисунком и обзорной картой пещер). Как заслуживающая охраны, пещера эта упоминается у А. П. Васильковского в статье «Перечень участков и отдельных

предметов природы, заслуживающих охраны». («Краеведение». т. VI, № 6 Ленинград, 1929 г., стр. 370).

35. У В. В. Радлова (см. «Сибирские Древности». Т. 1, в. 2. СПБ. 1891 г., стр. 51 в «Приложениях . Материалы по археологии России, издаваемые И. Археологической Комиссией. № 5.) в редакционном примечании третьем к извлечению из первой части сочинения Белля, описывающего, между прочим, Семь Палат и касающегося Калбузинской башни,—говорится: «По мнению Гр. Спасского («Сибирский Вестник» за 1820 г., ч. II, стр. 135), Колбазинская башня, известная у калмыков под именем Джалик-Обо, получила свое название от урочища Кабан-Гусан, о котором Ф. И Байков упоминает в своем путешествии в Китай в 1654 г., говоря: «А в Кабан-Гусане поставлена мечеть калмыцкая, кирпич жженый... а живет тут калмыцкий лама подле Иртыша на левой стороне. А поставлены у того ламы две палаты бурханные велики: кирпич жженый . см. Сахарова Сказание Русского народа. т. II, книга 8, стр. 126». Подробное описание башни, со слов Миллера, с извлечением рисунка приводится в третьем выпуске «Сибирских Древностей» В. В. Радлова(СПБ, 1894 г., стр. 57) Колбазинскую башню не следует смешивать с построенным Б. Чередовым в 1717 г. острожком для зимовья, о котором упоминает капитан Иван Унковский в своем путевом журнале от 3-го сентября 1722 года: «Прошли верхнее устье Колбасунское... тут был построен острожек, в котором зимовал Борис Чередов с тремя своими служилыми людьми»... (см. «Посольство к Зюнгарскому Хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 г. г.» Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. Ив Веселовского. С приложением карты 1724 года. «Записки И. Русского Географического Общества по отделению Этнографии». т. X, в. 2, СПБ, 1887 г., стр. 17).

36. В пределах Западного Китая в Илийском крае, недалеко от русской границы в районе Аксуйского ущелья, находится буддийская кумирня «Бей-юнь-гуань», т. е. «кумирня в белых облаках». См. Н. Н. Пантусов. Китайская кумирня Бей-юнь-дуань в Аксуйском ущельи Илийского края. Рукопись под № 3380 библиотеки Алма-атинского Музея. Статья эта издана на французском языке под заглавием «Temple chinois Bei-iun djua dans la passe d'Ak-su, province d'Yli». («Revu [des etudes ethnographiques etsocialo giques publée sous la direktion de Arnold von Gennep» — Paris. Août 1908 p 1—6 + planche XVI et XVII). В русских изданиях статья напечатана не была, но отзыв о рукописи Н. Н. Пантусова дан был проф. Веселовским в особой пагинации «Древностей Восточных». См. «Труды Восточной Комиссии И. Московского Археологического Общества». Т. III, в. 1. Москва 1907 г., стр. 18 и 19. Протокол от 21 февраля 1905 г.

37. Эту границу можно расширить, если принять во внимание, что в бывш. Кустанайском уезде Тургайской области в 1901 г. найден был бурхан—изображение на медном пьедестале ввиде листа лотоса, очевидно, буддийского божества, с четырьмя руками, с глазами из ярко белого металла и губ из красной меди. См. Н. Иванов К археологии Тургайской области. «Известия И. Археологической Комиссии». Приложение к вып. 6-му. (Хроника и библиография, вып. 4-й) СПБ, 1903 г. стр. 81.

38. По каталогу Музея значится под № 50.

36. По каталогу Музея значится под № 1353.

40. См. (С. С. Слуцкий) О Тюркской надписи сирским шрифтом на каменной бабе из Каркаралинского округа. «Древности Восточные». Труды Восточной Комиссии И. Московского Археологического Общества. т. II, в. I, Москва, 1896 г. стр. 68—69 (в протоколе № 18 от 2-го марта 1890 г.). С рисунками двух каменных баб

41. См. В. И. Лисовский. Развалины древних монастырей в окрестностях Урги (Поездка в падь Убур-Хигыин-Ама) «Землеведение» т XXIX в. 3—4, 1927 г. Ленинград Москва, стр. 71—83 Рисунок «цаца» на стр. 86. В большом количестве и разной величине «цаца» найдены были П. К. Козловым в субургахах развалин Хара-Хото. См. статью П. К. Козлова. «К мертвому городу Хара-Хото». Напечатана в его сборнике статей «Сердце Азии» («Природа и Люди» кн. I, 1928 г. Ленинград, стр. 20. Ежемесячное приложение к журналу «Вестник Знания»).

42. См. статью „Буддизм“ в „Большой Энциклопедии“ Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания, т. IV СПБ, 1901 г. стр. 13.

43. См. В. И. Лисовский, страница 89.

44. См. Н. Пржевальский. Монголия и страна Тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии. т. I, СПБ, 1875 г. стр. 226—227.

45. См. статью В. Никитина в списке литературы под №№ 5 и 6

46. См. статьи Дукея Байжумурова под №№ 7 и 9.

47. См. сообщение Н. Орунбаева под № 10.

48. См. статью В. Никитина под №№ 5 и 6.

49. К сожалению, мы не можем судить, напоминают ли развалины Кзыл-Кенш'а по характеру своему постройки, описанные Палласом «в 12 верстах выше крепости (Семипалатинской) остатков древнего строения, подавших повод к наименованию сей крепости». См. Паллас Петр Симон. Путешествия по разным местам Российского государства Часть II, книга II. 1770 г. СПБ 1786 г., стр. 161. Конструкция же постройки Кзыл-Кенш'а и монастыря Сардыкиин-Хит'а имеют много общего. См. В. И. Лисовский, стр. 81.

50. См. Галсан Гамбоев лама. Об'яснение Семипалатинских древностей „Известия И. Археологического Общества" СПБ, 1861 г., т. II, в. 4, стр. 217.

51. См. В. Никитин. Исторический очерк Семипалатинской области „Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 г." г. Семипалатинск 1897 г. стр. 149 (в примечании).

52. См. статьи В. Никитина и Дукея Байжумурова по №№ 5—9

53. Тюленгутизм—своеобразный вид рабства в степи, существовавший до 50-х годов прошлого столетия, о чем смотреть в старье К (оншина Н. Я.). Краткий исторический очерк Семипалатинского края. До 1917 года. „Наше Хозяйство". г. Семипалатинск. 1927 г. № 1 (14), стр. 18 и 19. Изд Семип. Губисполкома.

54 См. статьи в «Материалах» и Л. К. Чермака в списке под №№ 14 и 15.

55. Между прочим чрезвычайно сходны по своему содержанию предания о Кзыл-Кенш'е и предания, записанные Г. Н. Потаниным у теленгитов Чуйской степи на Алтае об урочище по р. Таджилу, в частности о скале Абым-бом, и А. Фовицким и Weer'ом у кара-киргиз в отношении Кызарт'а -восточного перевала (2465,8 м. н. у. м.) в верховьях р. Чу на верховья Джумгала.

Тотой, старуха - теленгитка кости Телес на р. Чуе рассказывала Г. Н. Потанину: «На урочище Таджилу жил би (князь) по имени Таджилу; у него была дочь. Он просватал ее за халхасского князя, который жил на р. Боро Бургусун к востоку от местности Кошагач; отец вез свою дочь к жениху; там, где лежит в долине Чуи столбообразный камень, случился буран. Девица была одета в шолковое платье в девять рядов, но меху не было, и она умерла от мороза, успев только сказать: «Абым, эди!» (Батюшка, матушка!). Таджилу, пораженный смертью дочери, внезапно умер. После этого события в здешней местности не стало змей и лягушек, потому что покойники сказали им: мы здесь будем жить, а вы удалитесь!»—По другому варианту, переданному алтайцем Бутуш, и жених, услыхав, что невеста его умерла, с горя застрелился». По словам алтайца Олёнко «в восточном конце Курайской степи, в ущельи» лежат два камня, под одним из них «похоронена невеста Таджи, под вторым положен конь, убитый на поминках». (См. Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. Вып. IV. Материалы этнографические. СПБ. 1883 г. Гл. III, стр. 214—215).

Другое предание, связанное с наличием на вершине перевала Кызарт сорока сложенных из камней бугров, со слов местного кара-киргиза излагает следующее: воевали манапы Сусамырский и Тюпский, кровь лилась рекой, а затем помирились и, выехав на Кутемалды, устроили пир, во время которого решили породниться. У Сусамырского богатыря была дочь красавица, у Тюпского сын. По обычаю, нарядно одетая невеста, окруженная 40 девушками-подругами, выехала на иноходце встретить своего жениха («кюе») за перевалом. Выехав за перевал, невеста и ее подруги были застигнуты снежной бурей. Думая переждать ее, путники спешились с лошадей, но к утру были засыпаны снегом, а крепкий мороз обратил их в трупы. Нетерпеливо ожидавший свою возлюбленную жених с свитой товарищей утром выехал на перевал, чтобы встретить песней свою невесту и вместе с ней ехать к ее отцу, где должен был ожидать их пир и где, под покровом ночи, они должны были свести окончательное знакомство. Однако горькое разочарование постигло жениха и вскоре же прибывшего отца невесты, когда на вершине перевала ими найдены были замерзшие трупы лошадей и трупы скорчившихся, тесно прижавшихся друг к другу замерзших девиц, которые и были погребены на этом месте. (См. А. Фовицкий. Кызарт. Кладбище девушек. Легенда. «Туркестанские Ведомости». Ташкент. 1913 г. № 40; перепечатано в «Семиреченских Областных Ведомостях». Верный 1913 г. № 81 от 14 апреля).

Точно такую же легенду о Кызарт'е, но более коротко, сообщает Weer причем, в его передаче девица - виновница событий,- была невестой калмыцкого хана. Что же касается самого места происшествие, то о нем, побывавший на Кызарт'е в 1902 г. Weer, упоминает следующее: „30 июля мы спустились вниз по течению Каракола правым его берегом и перевалили в долину Кызарт . . . Перевал Джумгал не высок, на вершине перевала стоит сынташ—призматический обломок камня; вокруг сынташа до 40 камней различной формы образуют круг". „Слово кызарт" Weer переводит как „место дев, в смысле могилы дев". (См. Weer. От Такмака до Атбаша через долину Сон-куль Газета «Русский Туркестан» Ташкент. 1902 г. № 121 от 7 июня и № 127 от 14 июня, собственно о Кызарт'е в № 127-м газеты). Этот произволь-

ный перевод, по нашему мнению, несколько неправилен—„кыз"—девушка, „арт"—зад, навьючивать на верблюда, нагружать на спину животного. (См. Киргизско-Русский Словарь. Оренбург. 1903 г. Издание 2-е, стр. 18).

56. Слово «кенд»—персидское, означает селение, город. (см. Н. Н. Пантусов. Фергана по запискам султана Бабура. «Записки И. Русского Географического Общества по отделению Этнографии». т. VI. СПБ. 1884 г, стр. 34. Тоже в отдельном оттиске.

Из географических названий в казакской степи, где бы в качестве составного элемента удержалось слово «кент», нам известны лишь пески, называемые «Кент-конур», лежащие между рекой Сары-Су и грядой песков Джеты-конур, протянувшихся длинной полосой с СВ на ЮЗ; остров Кент-арал на реке Чу (см. карту Западной Сибири, ряд XV, лист 9), на дороге из Шихо в Кульджу пикет Сайрам-кент и Яман-кент возле озера Сайрам-нора, лежащего в Западном Китае близ русской границы (см. Генеральную карту Западной Сибири с Киргизской степью". Составлена при штабе Отдельного Сибирского Корпуса и гравирована в военно-топографическом Депо 1848 г. Исправлена в 1855 г. Масштаб 50 верст в английском дюйме). Впрочем, «кент», в значении города, чаще всего, встречается в Русском Туркестане и в Фергане: Джаркент, Чимкент, Ташкент, развалины древних городов: Ак-кент, Сют-кент, Суда-кент, Кум-кент и проч. Урочище при выходе Иртыша из оз. Зайсана известно под названием «Кент-суат».

57. По словам Н. Пржевальского обыкновенные кумирни в Монголии называются «Сумо» реже «Кит» или «Дацан». См. его статью «Монголия и страна Тангутов». Том I-й, СПБ, 1875 г. стр. 53, примечание 2-е.

И. А. ЧЕКАНИНСКИЙ.

Литература по вопросу восстания туземцев Средней Азии в 1916 году.

(Библиографическая заметка).

Вопросу восстания туземцев Средней Азии в 1916 году в связи с призывом их на тыловые работы уделено сравнительно достаточное внимание, хотя далеко не в полной мере освещающее этот вопрос, особенно с точки зрения историка-обществоведа, задачей которого должно стать не только констатирование голого исторического факта, но и углубленный анализ этого явления, отображающего политико-экономические и хозяйственные процессы и классовые взаимоотношения отдельных национальных меньшинств, находившихся в окружении великодержавной господствующей нации.

С этой точки зрения восстание туземцев, как массовый протест против эксплоатации и угнетения, имевший глубокие корни и причины, но не нашедший перед собой твердой почвы, на которую можно было бы опереться, представляет несомненно большой интерес и должен послужить об'ектом дальнейшего всестороннего изучения и исследования.

Касаясь литературного материала, посвященного восстанию, следует отметить, что литература по данному вопросу возникла лишь после того, как средне азиатские национальности, вошедшие в состав СССР, были выделены в автономные республики и получили свое организационное оформление. До этого, за единичными исключениями, мы имели лишь официальные источники в виде архивов, случайных заметок в правительственной прессе и редко в частной, в которых сообщались приказы о мобилизации, приговоры военно-полевых судов над повстанцами, раз'яснения по поводу волнений и в редких случаях робкие обывательские критические замечания.*) Все это было напе-

---

*) Смотреть, например:

1) Приказ о наборе туземцев на тыловые работы.
«Туркестанские Ведомости», г. Ташкент, № от 8 июля 1916 г.

2) Дополнительный приказ о наборе туземцев на тыловые работы
Ibidem, № 157 от 18 июля 1916 г.

3) Обязательные поклоны.
«Туркестанский Голос», г. Ташкент, № от 16 июля 1916 г.

4) Об'явление ферганского губернатора.
Ibidem, № 16.

5) О волнениях.
Ibidem, № 37 от 17 августа 1916 г.

6) В. Одинцев. Торг со смертниками. (По поводу Той-Тюбинского процесса).
Ibidem, № 70.

7) Акт справедливости.
Ibidem, № 158 от 20 июля.

8) О приговоре по Джизакскому делу.
«Туркестанское Слово». № 1 от 24 января 1917 г.

9) К призыву инородцев. Об'явление Главноначальствующего Степного Генерал-губернатора от 18 июля 1916 г. Приказ № 58.
«Семипалатинский Голос», г. Семипалатинск. № 2 от 18 сентября 1916 г.

10) Ходатайство об отсрочке.
Ibidem и в «Русском Слове». Москва 1916 г.

11) Волнения среди киргиз в связи с реквизицией. (От Семиреченского военного губернатора.
Ibidem. № 3 от 23 сентября 1916 г.

Помещались заметки и приказы также и в др. официальных органах, как например, в «Семиреченских Областных Ведомостях», издававшихся в г. Верном (Алма-Ата).

чатано в конце 1916 и в первой половине 1917 года. Материал этот безусловно имеет историческую ценность, как и впоследствии появившиеся статьи, большинство которых связано с исполнившимся в 1926 году десятилетием восстания. Восстание нашло свое яркое отражение в научных и беллетристических статьях и заметках на русском и казакском языках в форме, главным образом, воспоминаний современников и непосредственных участников этого движения.

Настоящая заметка представляет собою попытку дать хотя бы и далеко не исчерпывающие библиографические указания на литературу, посвященную вопросу на русском и казакском языках.

На русском языке.

1. **А. А.** Восстание казаков в Атбасарском уезде (по материалам губернской комиссии по проведению десятилетнего юбилея казакского восстания 1916 г.)
„Советская Степь“ (газета), гор. Кзыл-Орда. 1926 г. № 207 (814) от 12 сентября.

А. Н. смотреть А(уэрбах) Н.

2. **Алексеев Михаил.** Атаманщина.
Роман-хроника в трех частях. Изд. „Московский Рабочий“. Москва-Ленинград (1928 г.), стр. 211, 212, 263 и 264.
На стр. 211—212 передается рассказ Байсемизова (в общих чертах и кратко) о восстании 1916 г. На стр. 263—264 приводится отношение „Имп. Росс. Консульства в Шарасумэ“ от 20 X 1916 г. за № 1502 (В. Люба) по поводу мер, принятых консулом В. Люба к возвращению в Россию бежавших при восстании казаков (киргиз) в пределы Западного Китая.

3. **Алмазов В.** Рецензия на обе статьи Харламповича под №№ 26 и 27.
„Советскбя Степь“ 1927 г.. № 1(906) от 1 января.

4. **А(уэрбах) Н.** Рецензия на статью Ив Чеканинского под № 28.
„Сибирские Огни“ (журнал), г. Ново-Сибирск, 1927 г., март-апрель. № 2, стр. 247 и 248.

5. **Болтабай.** Общие картины 1916 г. в Уральской губернии.
„Труды Общества Изучения Казакстана“. Отдел Истории и Этнографии. Том VIII, в. 2, г. Кзыл-Орда 1927 г., стр. 11—16. Тоже в отдельном оттиске: 1926 г., стр. 1—6.
(Смотреть под № 33).

6. **Брискин А.** В стране Семи Рек.
Москва. 1926 г., стр. 39, 41 и 113.

7. **Бройдо Г. И.** Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году, (Мое показание прокурору Ташкентской Судебной Палаты. данное 3 сентября 1916 г.)
„Новый Восток“. Журнал Научной Ассоциации Востоковедения Союза ССР. Книга 6. Москва 1924 г., стр. 407—432. Тоже в отдельном оттиске под заглавием „Восстание киргиз в 1916 году“. Москва 1925 г., стр. 1—28.

Герасимов Б. Г. Смотреть под псевдонимом Степняк Г.

9. **Дж(антле)уов.** „К 10 летию „реквизиции“ казаков.
„Степная Правда“ (газета), г. Семипалатинск 1926 г., № 12 (1643) от 31 января.

Е. П Смотреть П. Е.

9. **Жургенев** Город и аул в восстании казаков 1916 года. (Печатано в дискуссионном порядке).
„Советская Степь“ 1926 г., № 196 (803), от 30 августа, № 198 (805) от 1 сентября и № 199 (806) от 2 сентября.

10. **Из периода гражданской войны в Казакстане.**
К десятилетию Октябрьской революции. Библиотека № 17. г. Кзыл-Орда. 1927 г., стр. 5.
Кратко говорится о восстании казаков в 1916 г. в Тургайском уезде.
11. **Иралин.** Несколько страниц из истории революционной борьбы.
„Советская Степь“ 1926 г. № 226(833) от 4 октября.
12. **К десятилетию казанского восстания.**
„Новая Деревня“ (газета), г. Семипалатинск. 1926 г. № 19(35) от 14 мая.
13. **Материалы к отчету ЦИК Казанской АССР на 3 ей Сессии ВЦИК 13 созыва.**
Г. Кзыл-Орда 1928 г., стр. 13 и 132.
Общие замечания и фото-снимок на 132 странице „одного из вождей восстания 1916 г.“
14. **Мендешев С.** Восстание казаков 1916 г. (Тактика царского правительства и его чиновников перед и во время восстания).
„Советская Степь“ 1926 г. № 194(801) от 27 августа.
15. **Мендешев С.** Мои личные воспоминания о мобилизации казакского населения на тыловые работы в империалистическую войну в 1916 году.
„Труды Общества Изучения Казакстана“ Т.—VIII, в.—2, стр. 1—9. Тоже в отдельном оттиске 1916 г., стр. 1—9.
16. **Миклашевский А.** Социальные движения 1916 г. в Туркестане.
„Былое“ (журнал). Москва 1924 г. № 27—28.
17. **Миндлин.** Киргизы и революция.
„Новый Восток“. № 6, стр. 221 и 222.
18. **Некрасов-Клиодт В.** Реквизиция киргиз на тыловые работы в 1916 году. (Очерк).
„Труды Общества Изучения Казакстана“. Том VIII, в.—2, стр. 61—74. Тоже в отдельном оттиске 1926 г., стр. 1—16.
19. **Николай II и великие князья.** (Родственные письма к последнему царю).
Ленинград-Москва 1925 г., стр. 37, 138—140.
20. **Очерки революционного движения в Средней Азии.** Сборник статей. Москва 1926 г.
21. **П. Е.** Освобождение киргизского народа (1916—1920 г.)
„Три года борьбы за диктатуру пролетариата“. (Сборник). Омск, 1920 г., стр. 105—110.
22. **Падение царского режима по материалам Временного Правительства,** Ленинград. 1925 г. (на внутренней обложке 1924 г.) Том—1. стр. 281.
(Допрос Штюрмера).
23. **Прокопюк И.** Десятилетие восстания казаков в 1916 году.
„Новая Деревня“. 1926 г. № 33(49) от 20 августа.
24. **Рыскулов (Т).** Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году.
Издание Комиссии при КазЦИК'е, г. Кзыл-Орда. 1927 г., стр. 1—124. В двух частях в одной книге.
25. **Рыскулов Т.** Из истории борьбы за освобождение Востока. (Восстание туземцев Туркестана против царизма в 1916 г.)
„Новый Восток“ № 6, стр. 267—270.
Станкевич Г. М. Смотреть Х(арлампович)К. (В).
26. **Степняк Г.** Киргизское восстание в Семипалатинской губернии в 1916 году.
„Сибирские Огни“. Книга вторая. Март-апрель 1928 г., стр. 133—145.

27. Х(арлампович) К. В. 1916 год в Иргизском уезде (По воспоминаниям Г. М. Станкевича).
„Труды Общества Изучения Казакстана“. Том—VIII, в.—2. стр. 53—57. Тоже в отдельном оттиске 1926 г., стр. 37—41.
См. рецензию В. Алмазова под № 3.
28. Харлампович К. В. Восстание Тургайских казак-киргизов 1916—1917 г. г. (По рассказам очевидцев).
Там же, стр. 17—52. Тоже в отдельном оттиске, 1926 г., стр. 1—36.
См. рецензию В. Алмазова под № 3.
29. Чеканинский Ив. Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле-сентябре 1916 г. (К материалам по истории этого восстания).
Там же, стр. 75—135. Тоже в отдельном оттиске 1926 г., стр. 1—61.
См. рецензию А. Н. под № 2.
30. Чеканинский Ив. Восстание казаков в 1916 году.
„Новая Деревня“, 1927 г. № 39(107) от 30 сентября.
31. Чулошников А. История восстания киргиз в 1916 г.
„Красный Архив“ (журнал). Том (III) XVI, 1926 г. Москва-Ленинград, 1926 г., стр. 53—75.
32. Э. Рецензия на брошюру Кыр-Баласы под № 45.
„Советская Степь“ 1928 г., № 7(1212) от 9 января.

На казакском языке.

Абукин Канат. Смотреть „Судебное показание...“
33. Аймаутов. Ханафия и Шербану (Пьеса в 4-х действиях, посвященная казакскому восстанию).
Кзыл-Орда, 1926 г., стр. 1—72.
Албан Асан. Смотреть Ильяс.
Б. Смотреть Б(олтобай).
34. Байтурсунов и Шонанов. Хрестоматия для 3—4 годов обучения школ I ступени.
Кзыл-Орда. 1926 г.
О восстании кратко на 2-х страницах.
34. Бегешев. 1916 год среди киргиз.
„Кзыл-Казакстан“ (журнал) г. Кзыл-Орда. 1926 г. №№ 15—18 стр. 183—187.
35. Б(олтабай). Общие картины 1916 г. в Уральской губернии.
„Жана-Мектеб“ (журнал) г. Кзыл-Орда. 1926 г. № 9—10, стр. 19—23.
Смотреть под № 4.
Болтрика. Смотреть Ильяс.
37. Жантлеув. 1916 год.
„Кзыл-Казакстан. № 15—18, стр. 173—182.
38. Ильяс. Со слов Болтрика (1916 г.).
„Жана-Мектеб“, № 9—10, стр. 24—28.
39. Ильяс. Со слов Албан-Асана.
Там же, 29—30. (1916)
Кыр-Баласы. Смотреть Шестаков.
40. Рыскулов. Движения 1916 года в Ферганской области.
„Кзыл-Казакстан“, № 15—18, стр. 144—149.
41. Рыскулов. Движения 1916 года в Джетысуйской области.
Там же, стр. 149—165.
42. Сарымулдаев. Воспоминания о восстании казаков Мерке в 1916 г.
Там же, стр. 166—172.

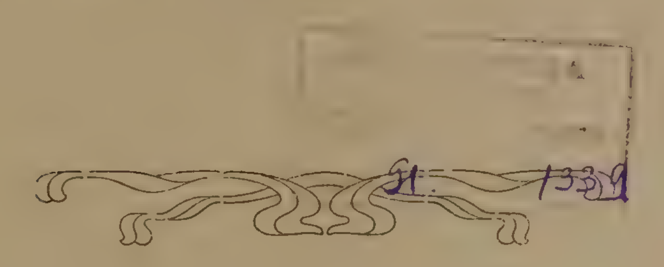
43. **Судебное показание главаря киргизского восстания Каната Абукина.**
„Жана-Мектеб“. № 9—10, стр. 31—43.

44 **Тургаец.** Тургайские события 1916 г.
Там же, № 11—13, стр. 49—51.

45. **Чеканинский.** Кара-киргизское восстание в 1916 году в Семиреченском районе. (По истории восстания в июле-сентябре месяце).
„Тан“ (журнал), г. Семипаласинск, 1925 г.. № 2 апрель, стр. 119—127, № 3 май, стр. 125—131 и № 4 июнь, стр.135—140.
Вследствие прекращения издания статья осталась не законченной.
Смотреть на русском языке под № 28.

46. **Шестаков** (псевдоним Кыр-Баласы). „1916—1926“.
Центральное издательство народов СССР. Москва, (год не указан, но, очевидно, 1927-й), стр. 1—21.
См. рецензию на русском языке Э. под № 31.

47. **„Энбекши Казак“** (газета) № 145 от 8 июля 1926 г — весь посвящен событиям в степи.

ДОПОЛНЕНИЕ

к статье И. А. Чеканинского „Литература по вопросу восстания туземцев Средней Азии в 1916 году".

Статья была уже закончена, когда автору удалось познакомиться с 1-м томом „Советской Сибирской Энциклопедии" и с статьей Т. Р. Рыскулова „Киргизстан", где также имеется некоторый материал по восстанию 1916 года казаков и киргиз.

На русском языке.

А. А. Восстание казаков в 1916 году. „Сибирская Советская Энциклопедия", том первый. А.-Ж. (Москва) 1929 г., стр. 530—532.
По материалам Бройдо, Рыскулова, Чеканинского и Степняка.

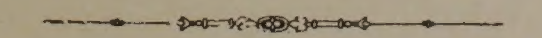
Ансон А. Аграрное движение. Ibidem, стр. 14. Автор между прочим касается и восстания казаков в 1916 году.

Рыскулов Т. Р. Киргизстан. М.-Л. 1929 г. стр. 52—53. О восстании в 1916 г. киргиз.

Чеканинский И. А. Литература по вопросу восстания туземцев Средней Азии в 1916 году. „Записки Семипалатинского Отдела Общества Изучения Казакстана". Том I, (В—XVIII). Семипалатинск 1929 г., стр. 105—109 и отдельным оттиском.

Чеканинский И. А. Дополнение к статье И. А. Чеканинского „Литература по вопросу восстания Туземцев Средней Азии в 1916 г. Ibidem, стр. 111.

И. А. Чеканинский.

20 коп